

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

8 2022
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 8 (403) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилос Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Шалва Александрович Амонашвили* (родился в 1931 году), советский, грузинский и российский педагог.

Шалва Амонашвили родился в Тбилиси (Грузия). Отец его ушел на войну добровольцем и погиб в начале войны в Крыму. Воспитанием маленького Шалвы занимались мать, бабушка и дедушка. С детства он любил писать стихи, пьесы, философские эссе, ставить спектакли.

Сначала со школой и учителями у Шалвы Амонашвили складывались непростые отношения. «Школу-то я любил, но это не значит, что также любил своих учителей или спешил в школу лишь для того, чтобы их увидеть, с ними пообщаться. Причину, которая объясняет это обстоятельство, я бы назвал законом взаимности: недолюбливал своих учителей, потому что чувствовал — они тоже недолюбливали меня, слабого», — вспоминает Шалва Александрович. Поверить в себя, превратиться в выпускника, закончившего школу с золотой медалью, ему помогла учительница грузинского языка и литературы Варвара Вардиашвили. Именно она поддержала его поэтический дар.

Его влекла журналистика, но так как в школе задержали выдачу аттестатов на несколько дней, он не успел подать свои документы на этот факультет: все места для медалистов были уже заняты. Для того чтобы осуществить свою мечту, он подал документы на факультет востоковедения в группу иранской филологии. В школу Шалва Александрович попал совершенно случайно, желая помочь финансово своей семье, которая в тот момент едва сводила концы с концами. Ему, студенту второго курса Тбилисского университета, предложили стать старшим пионервожатым в одной из школ, и он согласился. В школе с его приходом закипела пионерская жизнь. Как старший пионервожатый, он ходил с учениками в походы, участвовал в общественной жизни, ставил с ними спектакли. И во всей этой круговерти школьной жизни Шалва Амонашвили был не над ребятами, а вместе с ними. Постепенно, работая в школе, он осознал себя не студентом-учеником, а начинающим молодым педагогом среди более опытных коллег и понял, что пришел к детям в школу навсегда.

Шалва Амонашвили закончил с красным дипломом факультет востоковедения Тбилисского университета, поступил в аспирантуру и стал сотрудником НИИ педагогики Грузии. Одновременно он работал учителем истории, побывав перед этим учителем труда и литературы.

По окончании аспирантуры НИИ педагогики Грузии он защитил диссертацию по педагогике, от которой потом отказался, потому что она противоречила его новым педагогическим взглядам. «Тогда я был уверен, что все образование можно из-

менить, отреформировать, обновить через так называемое внедрение новых педагогических, дидактических или методических систем, через приказы министерства или постановления правительства. Здесь я допустил ту же самую ошибку, что сейчас допускают специалисты так называемых педагогических технологий: я не отдавал должного свободной творческой воле учителя», — рассказывает он сам о том периоде своей работы.

В 1960–70-х годах Шалва Александрович возглавил массовый эксперимент в школах Грузии. Он стал известен всему мировому педагогическому сообществу под названием «гуманно-личностный подход к детям в образовательном процессе». Это «Школа радости» в Тбилиси. В ней в 1961 году он первым в СССР начал эксперимент по работе с детьми шести лет. По словам Шалвы Александровича, цель эксперимента была одна — вырастить просто хороших людей, и она, по его мнению, была достигнута.

В 40 лет Шалва Александрович защитил докторскую диссертацию по психологии и стал доктором наук. В это же время Министерство образования Грузии приостановило эксперимент в школах; мэтру педагогики туда ходить было запрещено. В освободившееся от занятий время отчасти от отчаяния он начал писать свою первую книгу «Здравствуйте, дети!». Путь этой книги к читателю был тернист и непрост: она не нравилась «высшему» руководству, и у него к ней было немало вопросов. Однако труд Шалвы Амонашвили стал настоящим прорывом в системе педагогики того времени и одним из символов педагогической системы XX века. Успех был настолько огромен, что вышли вторая и третья часть этой книги «Как живете, дети?» и «Единство цели».

В начале XXI века под руководством Шалвы Амонашвили образовался Международный центр гуманной педагогики. Каждый год здесь проводятся Международные педагогические чтения, на которых собираются педагоги из разных стран.

В настоящее время Амонашвили возглавляет Академию гуманной педагогики, которая реализует образовательные программы как для родителей, так и для учителей. Кроме этого, он руководит лабораторией гуманной педагогики при Московском городском педагогическом университете.

«Кто хоть раз общался с академиком РАО Шалвой Александровичем Амонашвили, был у него на лекциях, на уроках в школе, тот навсегда останется в плену его обаяния, глубочайшего такта, внутреннего света и тепла, излучаемого этим необыкновенным человеком», — говорит о нем его коллега Дмитрий Дмитриевич Зуев.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдурагимов З. Г.

Понятие и признаки объекта преступления.
Классификация объектов преступления65

Алиев А. Б.

Институт применения видеоконференцсвязи
в системе российского права67

Антонов А. А.

Функции и принципы государственного
управления как объекта административно-
правового регулирования68

Антонов А. А.

Гарантии реализации административно-
правового статуса граждан.....70

Бабинская Ю. М.

Понятие и признаки соучастия в преступлении.
Виды соучастников преступления. Формы и виды
соучастия в преступлении72

Барановский М. А., Леонтьев А. Д.

Производство освидетельствования лица,
сопровождающееся обнажением: правовой
и этический аспекты.....74

Булатов Б. А.

Основание конституционно-правовой
ответственности.....79

Гаврильев А. А.

К вопросу об участии органов предварительного
следствия в уголовном судопроизводстве при
поддержании государственного обвинения81

Гаврильев А. А.

Генеральный прокурор РФ как субъект права
законодательной инициативы.....84

Гарифуллина А. Л.

Прокурорский надзор при применении мер
уголовно-процессуального принуждения86

Грязнухина С. Г.

Становление жилищного права в России89

Гузелевич А. В.

Наследственные права внуков91

Дзюменко Р. И.

Особенности квалификации мошенничества
с использованием электронных средств платежа
(статья 159.3 УК РФ)94

Дюкина Д. Д.

Понятие наследования.....96

Калинина Т. А.

Теоретическая основа судебной реформы
1991 г.....98

Kassekeyeva A. M.

Methodological foundations for the study of legal
aspects of the European Union international
energy security policy 100

Кахановская Н. Е.

Кадровая политика на государственной
гражданской службе как основа управления
персоналом организации 103

Коваленко Н. М.

Особенности и проблемы гражданско-правовой
ответственности в медицинской сфере 105

Кожевникова М. С.

Правовые основы предоставления социальной
помощи гражданам в Российской Федерации107

Константинова О. Н., Агильдин В. В.

О некоторых вопросах квалификации кражи ... 110

Кравченко М. А.

Право и экономика современной индустрии
туризма: в поисках баланса 113

Леонтьев А. Д.

Определение понятия «осуждённый»
в российском уголовном процессе 115

Малов Н. М.

Проблемы определения понятия «разумные
сроки судопроизводства» в гражданском
и арбитражном процессе 118

Маркарян О. О.

Особенности приносящей доход деятельности
некоммерческих организаций..... 122

Маркина П. В.

Проблемы применения мер административного
пресечения в рамках деятельности сотрудников
полиции..... 123

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и признаки объекта преступления. Классификация объектов преступления

Абдурагимов Зульпукар Гасанович, студент
Тюменский государственный университет

Настоящая статья посвящена проблеме уголовно-правовой оценки объекта преступления и его видов. В статье рассмотрено понятие «объект преступления». Определены признаки состава преступления. Проанализированы проблемы классификации объектов преступлений.

Ключевые слова: объект преступления, преступление, уголовный закон, общественные отношения, блага

Сейчас уголовное право является наиболее важной из всех существующих иных сфер права. Данная сфера весьма важна для общества на современном этапе его развития. Ее содержание отражает собой объект совершаемых преступлений. Существующее понятие объекта уголовного преступления известно в российском уголовном праве достаточно давно. Чем является объект преступления? Это один из составных элементов совершаемых противозаконных актов.

Объект преступления — это те или иные существующие в обществе и охраняемые им ценности, интересы, причем не абсолютно любые, а те, что уголовное право охраняет от преступных посягательств. На основе действующей ст. 2 УК РФ [1] к ним, в частности, относят присущие людям свободы и их права как граждан, обеспечение безопасности, защита права собственности, а также общественного порядка. И в первую очередь обеспечивается защита российского конституционного строя.

Ценность существующего в теории понятия объекта преступления для обеспечения квалификации совершаемых преступлений оказывается определена наличием реальной возможности определить, может ли быть сохранено данное отношение в действующем уголовном законе, является ли совершенное деяние посягательством, относящимся к числу уголовно преследуемых. Объект преступного деяния определяет собой степень и характер общественной опасности совершенного деяния. [6, с. 318] Совершенное деяние, которое имеет внешне одинаковые признаки, с учетом существующего конкретного объекта преступления может являться в большей или же в меньшей мере опасным и определяется лишь с учетом остальных составных компонентов состава совершенного преступления.

Созданием учения относительно объекта совершаемого преступления в разное время занимались различные российские исследователи, начиная с дореволюционного периода времени. В частности, это такие ученые, как В.Д. Спасовия, Н.С. Таганцев, А.В. Наумов Б.С. Никифоров и ряд других. Все они внесли свой вклад в рассмотрение указанного вопроса. Но

в то же самое время сейчас в уголовном праве нет какого-либо единства среди исследователей по вопросу понимания ими существующего содержания объекта совершенного преступления. Некоторые из исследователей относят к объекту преступления складывающиеся общественные отношения (в частности, можно отметить таких ученых, как Н.И. Коржанский, Я.М. Брайнин). Есть и исследователи, которые дополнительно к числу объектов совершаемых преступлений относят также интересы, имеющиеся у всего общества и у отдельной личности, а также у государства, и ряд ценностей, неотделимых от человека (исследователь В.В. Сверчков). Ряд ученых относят к объектам преступлений различные существующие правовые блага (в частности, к этой группе ученых относятся А.В. Наумов, А.Э. Жалинский и др.) [7, с. 187]

Ряд правоведов проводят анализ наметившегося сейчас отхода от подобной вполне четкой и однозначной трактовки, касающейся понятия объекта преступления. Они уже не соотносят его напрямую с общественными отношениями. В частности, существует представление А.В. Наумова по поводу того, что существующая сейчас теория объекта уголовного преступления, воспринимаемая в качестве общественного отношения, на деле не всегда «срабатывает», и в итоге ее нельзя назвать универсальной [3, с. 51]. Исследователь А.В. Пашковская спрашивает: «...как можно в данном случае вести речь именно об общественных отношениях, когда преступное посягательство оказывается направленным против здоровья или жизни человека? Речь в данном случае не о здоровье членов общества в целом или их жизни, а о жизни и здоровье того или иного конкретного человека». [5, с. 225 (А.В. Пашковская)]. Данные юристы полагают, что требуется в настоящее время постепенно постараться «вернуться к исследованию теории объекта в качестве определенного правового блага, сформированного в классической, а также затем в социологической школе в сфере уголовного права». К примеру, в данной связи требуется отметить существующую теорию Н.С. Таганцева.

Важно учесть, что содержание и список общественных ценностей, охраняемых посредством действующего сейчас в уголовной сфере законодательства, постепенно изменяются, с учетом того или иного исторического периода и его условий в социальной и экономической сферах. Сейчас совсем не удивительно появление подобных представлений, придающих существующей проблеме иной уровень. Принимая это в расчет, в итоге можно сформулировать противоречие существующего учения об объекте совершаемого преступного деяния. Так, сейчас некоторые из исследователей считают, что в качестве объекта следует рассматривать складывающиеся в обществе отношения; есть и те, кто полагает, что объект представляет собой не что иное, чем определенные правовые блага. Ряд юристов считает, что в качестве объекта совершаемого преступного деяния следует воспринимать только человека. Есть и те, которые объектом называют одновременно и определенное правовое благо, и человека. Итак, объект преступления является весьма важным для определения такого понятия, как преступление.

С учетом содержания ст. 2 УК РФ, а также существующей структуры Особенной части этой главы, в результате можно сделать вывод относительно того, что складывающиеся общественные отношения, которые охраняет уголовное законодательство, на деле являются достаточно неоднородными. В результате в уголовном праве появилась необходимость в том, чтобы выполнить систематизацию различных объектов уголовного преступления с учетом того, какова их общественная значимость. При этом необходимо представить определенную структуру объекта уголовного преступления. С появлением УУ ПФ за 1996 г. в его рамках появилась его совершенно новая структура. Сейчас УК РФ оказывается разделен на несколько разных разделов, а также статей и глав в его составе. Подобная структура на практике подтвердила существующую сейчас тенденцию к постепенному развитию логического подхода при создании совершенно легальных разновидностей объекта.

Из всех существующих в теории понятий в данной сфере принято выделять общий объект совершенного уголовного преступления. Его при этом принято подразделять на видовой, а также родовой и непосредственный объекты.

Исследователь А. И. Чучаев говорит о том, что общий объект совершенного преступления — это совокупность складывающихся на практике общественных отношений, которые оказываются взяты под охрану права в уголовной сфере [8, с. 85]. Не взирая на однообразные подходы различных исследователей к общему объекту совершенного преступления, также отмечается ряд своих нюансов и аспектов относительно данного понятия. Р. Р. Галиакбаров определяет общий объект в качестве совокупности, «на которую посягает преступление»). И. Я. Козаченко говорит о том, что «уголовная ответственность за совершаемое посягательство предусматривается на основе действующего в настоящее время законодательства». При этом акцент делается на совершенном преступном деянии. Есть исследователи, раскрывающие рассматриваемое понятие сквозь призму различных охраняемых в действующем законе в уголовной сфере общественных отношений. Что касается существующей служебной функции общего объекта, то она касается двух вполне самостоятельных составляющих. Первая из них

состоит в том, что любые отношения, являющиеся видовыми, родовыми, а также непосредственными объектами, можно объединить как единую систему, в ней они состоят в диалектической связи друг с другом. А вторая из этих составляющих заключается в том, что основное свойство складывающихся общественных отношений — это то, что они относятся к числу наиболее существенных на данном конкретном историческом этапе общественного развития» [4, с. 85].

Родовой объект представляет собой совокупность однородных, тесно связанных отношений в обществе, которые берутся под охрану на основе норм закона, отраженных в той или иной главе действующего УК РФ. Видовой объект представляет собой совокупность схожих общественных отношений, которые берутся под охрану определенной применяемой группой действующих в уголовно-правовой сфере норм в рамках одинаковой главы УК. Что касается существующего видового объекта, то она на практике не предусматривается применяемой структурой УК РФ, он находится в основе систематизации преступных деяний внутри главы Особенной части УК РФ. В качестве непосредственных объектов преступных деяний признают те из общественных отношений, что охраняются действующим законом в уголовной сфере, и отражены в Особенной части российского УК. Осуществление классификации объекта совершенного преступления по вертикали в итоге дает возможность установить определенную структуру Особенной части российского УК, и позволяет правильно квалифицировать содеянное.

Классификация различных объектов совершенного преступления по горизонтали осуществляется на уровне объекта, при этом происходит выделение 3 разных видов объектов (а именно это непосредственный основной, а также непосредственный дополнительный, непосредственный факультативный виды объектов). В результате появляется возможность установить место определенной применяемой нормы в системе законодательства. В итоге можно произвести отграничение единичного многообъектного совершенного преступления от существующей совокупности различных преступлений, выполнить дифференциацию и индивидуализацию применяемой ответственности в отношении нарушителя.

В настоящее время дискуссионной является категория непосредственных факультативных объектов. В наименовании этой категории оказываются проявлены определенные противоречия: такое понятие, как «факультативный», обычно применяется как синоним пониманию «дополнительный». Для предотвращения тавтологии применяется классификация объектов совершенного в уголовной сфере преступления: обязательный, альтернативный, а также факультативный [2, с. 27].

Итак, значение объекта уголовного преступления заключается в том, что он является важным критерием, который позволяет определять структуру Особенной части российского УК; дает возможность выполнять отграничение между собой схожих по ряду своих признаков составов совершенных преступлений, и отграничивать преступления от иных совершенных правовых нарушений и т.д. Можно сделать вывод о том, что в сравнении с конструкцией объекта в качестве общественных отношений, на сегодня более удачной является теория объекта совершаемых преступлений «объект — это опре-

деленное правовое благо». В данном случае речь о специфике уголовного права (при этом ответственность наступает только в случае посягательства на блага, которые охраняются в уго-

ловном законодательстве, вместе с тем в данном случае наблюдается указание на имеющееся в наличии благо, воспринимаемое в качестве определенной охраняемой ценности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
2. Гаухман А. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2011
3. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 3 т. Т. 1: Общая часть. М., 2010
4. Тимошенко Н. А., Герасименко В. К. Объект преступления и его виды // Вестник Донецкого национального университета. Серия: юридические науки. 2019. № 2. С. 85
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012
6. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 6. С. 318
7. Чеботарева Г. В., Подкорытова Л. Н. Объект преступления: общий обзор проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 187
8. Чучаев А. И. Объект преступления // Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рапога. М., 2017

Институт применения видеоконференцсвязи в системе российского права

Алиев Абдулалибек Беглярович, студент
Тольяттинский государственный университет

Институт применения системы видеоконференцсвязи — это новелла российского законодательства, связанная с переходом в постиндустриальное (информационное) общество. Появившись, он вошел в состав системы права, как ее неотъемлемый элемент и занял в ней определенное место. Цель: определить место института применения системы видеоконференцсвязи в системе российского права. Задачи: исследовать правовую природу института применения системы видеоконференцсвязи; сопоставить его с позицией разных отраслей права; дать сущностную характеристику всем элементам системы права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, видеоконференцсвязь, система права, элемент системы права, институт.

Институт применения системы видеоконференцсвязи — это межотраслевой институт, состоящий из группы правовых норм, содержащихся в арбитражно-процессуальном, гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном праве, в совокупности устанавливающих правила применения систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве. Касательно, института применения видеоконференцсвязи в рамках уголовного судопроизводства — это совокупность правовых норм, регулирующих вопросы применения систем видеоконференцсвязи при разрешении и рассмотрении уголовных дел.

Система видеоконференцсвязи начала активно внедряться в систему судопроизводства, в том числе при исследовании доказательств. Данные тенденции в этой области, сопровождались законодательными изменениями, а именно путем формального закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Несмотря на это, налицо существует бессистемность правовой регламентации использования видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве, а именно тот факт, что статьи и нормы права, посвященные использованию видеоконференцсвязи, разбросаны по всему уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ), что порождает проблему определения термина «видеоконференцсвязь», его закрепления в национальном законодательстве.

Определение термина «видеоконференцсвязь» должно быть дано в статье 5 УПК РФ. Термин «видеоконференцсвязь» встречается во многих статьях УПК РФ. [1 с. 82–86]

Можно сформулировать следующее определение системе видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: «Система видеоконференцсвязи — это информационно-коммуникационная технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких субъектов — участников уголовного судопроизводства, с возможностью добавления к каналу связи дополнительных субъектов имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеoinформацией. Подобное определение следует закрепить в статье 5 УПК РФ.

Институт применения систем видеоконференцсвязи, как необходимая технология в современных условиях, требует правовой регламентации. Органы правотворчества создают соответствующие правовые нормы, регулирующие все аспекты, касающиеся данного института, которые включаются в состав системы права. Отсюда возникает вопрос о месте данных правовых норм в системе права.

В юридической науке есть несколько точек зрения по поводу структуры системы права. Так, С. С. Алексеев считает,

что структура системы права имеет четыре уровня: норма права — правовой институт — отрасль права — структура права в целом, то есть система права [2, с. 124]. С. В. Поленина выделяет пять структурных подразделений: норма права — субинститут права — институт права — подотрасль права — отрасль права [3, с. 389].

На мой взгляд, более обоснованным и соответствующей объективной действительности будет следующая структура системы права (от менее крупного к более крупному): правовая норма, субинститут права, институт права, подотрасль права, отрасль права.

Правовая норма — это элемент системы права, который представляет собой установленное государством общеобязательное правило поведения.

Субинститут права — это элемент системы права, который входит в состав того или иного института права, представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют какую-либо часть отношений, регулируемых институтом права.

Правовой институт или институт права — это элемент системы права, который представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих близкие по своему характеру и содержанию общественные отношения.

Иными словами, правовые нормы, образующие институт права, представляют собой сравнительно небольшую родственную группу, они регулируют отдельные подвиды общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования конкретной отрасли права.

Следующий элемент системы права — подотрасль права. Подотрасль права меньше по объему, чем отрасль права, объективно существует в рамках отрасли и представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения определенного вида, которые составляют часть предмета правового регулирования отрасли права.

Литература:

1. Гринь Д. С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве. Юридическая наука. 2020. № 3. с. 82–86.
2. Алексеев С. С., Теория права. М., 1994. с. 124.
3. Бабаев В. И. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 1999. с. 389.
4. Радько Т. Н. / Проблемы теории государства и права: учебник — Москва: Проспект, 2016. — 603 с.

Функции и принципы государственного управления как объекта административно-правового регулирования

Антонов Артем Анатольевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Государственное управление является одним из видов социального управления, имеет общие с ним черты. Государственное управление может осуществляться органами публичной власти и их структурами. Негосударственное управление осуществля-

ется муниципальными органами власти, партиями, религиозными организациями, частными предприятиями.

Содержание определения государственного управления может рассматриваться как функционирование всех субъек-

Подотрасль в системе отрасли права выделяется тогда, когда есть определенное количество правовых норм, во-первых, регулирующих не все те отношения, которые регулируются отраслью права, во-вторых, количество правовых норм не столь мало численно, чтобы отнести данный элемент к институту права, в тоже время их не столь много, чтобы отнести к отрасли права. Подотрасль права — это группа родственных институтов права в составе определенной отрасли права [4, с. 603].

Отрасль права — это наиболее крупный структурный элемент системы права, который представляет из себя совокупность правовых норм, которые регулируют ту или иную однородную область общественных отношений.

Институт применения системы видеоконференцсвязи реализуется в рамках конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, представляет из себя совокупность правовых норм, регулирующих порядок применения данной системы в рамках всех процессуальных отраслей. Этот факт, делает невозможным отнесение его к такому элементу как правовая норма, так как представляет собой их совокупность. Также, нет достаточного количества правовых норм, чтобы отнести институт применения систем видеоконференцсвязи к отрасли или подотрасли права.

Самым логическим, обоснованным и соответствующим юридической действительности будет отнесение института применения систем видеоконференцсвязи к межотраслевому институту, так как он включает правовые нормы, встречающиеся в рамках разных процессуальных отраслей: уголовное процессуальное право, гражданское процессуальное право.

Таким образом, нормы, регулирующие применение систем видеоконференцсвязи при производстве по уголовным делам, составляют целый межотраслевой институт в рамках уголовного процессуального права.

ется муниципальными органами власти, партиями, религиозными организациями, частными предприятиями.

Содержание определения государственного управления может рассматриваться как функционирование всех субъек-

ектов публичной власти, и направлено на организацию общественных отношений. Государственное управление предполагает деятельность органов исполнительной и законодательной власти, судебной системы, прокуратуры, региональных и муниципальных органов власти. Все они в совокупности организуют общественные отношения, складывающиеся между гражданами, хозяйствующими субъектами, общественными организациями.

Законодательное нормотворчество является основной функцией представительных органов власти (Федерального Собрания РФ, органов законодательной власти субъектов РФ). Органы исполнительной власти обеспечивают реализацию принятых законодательных норм посредством директивных предписаний субъектам правоотношений. Судебная власть рассматривает и разрешает споры, возникающие между этими субъектами. Деятельность указанных органов власти регламентируется конституционным, гражданским, административным, уголовным и другими отраслями права. Такой подход к определению государственного управления используется в теории государства и права, политологии, экономике и иных отраслях науки [3, с. 49].

Иная точка зрения заключается в рассмотрении государственного управления в узком аспекте, в первую очередь, в качестве деятельности по организации исполнения законов, а также в текущем распорядительстве различными хозяйствующими, социальными объектами, людьми, что выражается в издании обязательных для них подзаконных актов. Такая трактовка используется в науке административного права [4, с. 34].

Государственное управление имеет ряд признаков.

Всеобщность означает, что государственное управление реализовано во всех сферах функционирования государственной власти, там, где возникает необходимость государственного регулирования.

Исполнительный характер. Фактически государственное управление призвано заниматься исполнением законов и иных нормативно-правовых актов. В этом смысле оно имеет подчиненное положение по отношению к органам законодательной власти. В этом выражается сущность взаимоотношений органов законодательной и исполнительной власти.

Распорядительный характер. Государственное управление всегда предполагает подчинение объекта управления и субординационный характер взаимоотношений. Законодательство наделяет субъекты государственного управления объемом распорядительных полномочий, представляющих собой право издания юридических актов, содержащих нормативные предписания.

Организационный характер состоит в регулировании и координации совместной деятельности граждан в целях реализации законов.

Непрерывный характер государственного управления заключается в его цикличности, предполагающей подготовку к принятию управленческого решения, организацию его исполнения и контроль. При этом должно присутствовать оперативное регулирование управленческих связей.

Функции государственного управления определяют характер и содержание деятельности органов власти, а также методы регулирования объектов управления.

Прогнозирование — это обоснованное представление о возможных состояниях и последствиях применения регуляторного воздействия на объект управления, представляет собой изучение, разработку и оценку рисков социально-экономического развития отраслей управления.

Планирование заключается в процессе выработки целей принятия решений и способов их достижения. Оно выражено в разработке нормативных показателей социально-экономического развития.

Организация — это проведение определенных мероприятий по исполнению принятого решения, включает подбор и обучение исполнителей, техническое и финансовое обеспечение. Под организацией также понимается структурирование государственных органов и процессов управления.

Контроль и учет позволяют определить количественные изменения всех ресурсов, задействованных в процессе исполнения управленческих решений. При контроле также происходит сопоставление плановых, промежуточных и конечных результатов. Полученная по результатам контроля информация помогает совершенствовать способы реализации управленческих решений.

Регулирование — это установка обязательных требований и процедур для участников управленческой деятельности. К примеру, посредством регулирования органы государственной власти разрабатывают механизм лицензирования отдельных видов деятельности, правила сертификации, регистрации, проведения контрольно-надзорных мероприятий.

Управляющее воздействие органов государственной власти направляется как на внешние объекты, так и на организацию деятельности самого органа власти.

Принципы государственного управления выражают не только его сущность, но и влияют на формирование структуры органов управления, а также на формы и методы осуществления управленческих функций. Под принципами государственного управления понимаются закрепленные в нормах права основные, исходные положения и идеи, отражающие его особенности и назначение [2, с. 21]. Охарактеризуем основные принципы государственного управления более подробно.

Принцип *законности* означает неукоснительное соблюдение законов, единообразие их исполнения. Ни один государственный орган не имеет права по своей инициативе расширить или сузить объем своих полномочий. Способами обеспечения исполнения данного принципа являются судебный контроль и прокурорский надзор, а также обжалование в административном порядке действий (бездействий) и решений органов власти и их должностных лиц.

Принцип *федерализма* предполагает наличие соответствующей формы государственного устройства. В Конституции РФ закреплено разграничение перечня вопросов, отнесенных к исключительному ведению Российской Федерации и совместному ведению РФ и ее субъектов. Это означает наличие двухуровневой системы органов государственного управления.

Территориальный принцип государственного управления заключается в решении управленческих задач по отношению к объектам, находящимся на определенных территориях. Примером реализации этого принципа является создание террито-

риальных органов исполнительной власти в структуре федеральных органов власти.

Отраслевой принцип заключается в осуществлении государственного управления в отношении однотипной группы предприятий и учреждений. Примером может служить государственное управление в области образовательной деятельности Министерством просвещения РФ, в сфере природопользования — Министерством природы РФ.

Принцип *плановости* обусловлен самой сущностью управления, заключающейся в постановке целей и разработке программ их достижения. Развитие государственного управления в рамках установленных планов является важным условием функционирования органов государственной власти. Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований [1].

Принцип *двойного подчинения* в государственном управлении предполагает ведомственное подчинение территориального органа исполнительной власти субъекта РФ федеральному органу власти по соответствующей компетенции, а по вопросам совместного ведения — руководящим органам субъекта РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.08.2020).
2. Административно-процессуальное право / под ред. А. И. Каплунова — 2-е изд. перераб. и доп. — Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2017. — 376 с. — Текст: непосредственный.
3. Зеркин, Д. П., Игнатов В. Г. Основы теории государственного управления. — 3-е изд., доп. и перераб. — Москва: МарТ, 2007. — 541 с. — Текст: непосредственный.
4. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. — 5-е изд., пересмотр. — Москва: Норма, 2015. — 575 с. — Текст: непосредственный.

Гарантии реализации административно-правового статуса граждан

Антонов Артем Анатольевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Административные права граждан посредством метода дозволения закрепляются в нормативно-правовых актах и позволяют осуществлять определенные действия в рамках установленных законодательных границ. При этом неотъемлемой частью таких прав является право самих граждан требовать от других лиц и государственных органов действовать в этих границах и не препятствовать осуществлению указанных прав, а также содействовать их реализации. Права и обязанности граждан занимают главенствующее место в основах правового положения личности.

В целях классификации прав граждан можно выделить конституционные права и права, регулируемые иными законами и нормативно-правовыми актами. Права, регулируемые административными нормами, делятся на два вида: первичные права (к примеру, право избираться в органы власти, право управ-

Принцип *гласности* означает всестороннее объективное информирование о деятельности субъектов государственного управления. Примером реализации этого принципа является официальное опубликование нормативных актов, статистических данных, аналитики, характеризующих работу органа государственной власти.

Таким образом, принципы административного права — это основополагающие начала организации государственного управления. Без их соблюдения невозможно осуществление эффективного управленческого воздействия, а также построение административных правоотношений. Функции и принципы административного права, подлежащие применению органом исполнительной власти, являются важнейшими инструментами административного регулирования. Они формируются исходя из конкретного правового опыта и уровня развития всех отраслей законодательства. Несомненно, они имеют конституционно-правовые начала, но с развитием отрасли административного права приобретают собственные, особенные черты. Соблюдение указанных принципов в нормотворческой деятельности позволяет совершенствовать административное законодательство.

ления транспортным средством, право на ношение оружия) и конкретизирующие (например, право на обращение в органы власти детально отрегулировано различными нормами).

Д. Н. Бахрах классифицирует права на абсолютные (безусловные) и относительные. К абсолютным относятся права, используемые гражданами на свое усмотрение, при этом органы власти обязаны создавать условия для реализации этих прав, осуществлять их защиту. Например, право на административное обжалование, на образование. К относительным правам относят такие, для которых требуется акт органа публичной власти, который закрепляет волеизъявление гражданина. Это различные постановления, приказы, выдача разрешений и лицензий [3, с. 30].

В законодательстве закреплён перечень обстоятельств, при которых административно-правовой статус граждан может быть

ограничен. К примеру, это чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, беспорядки), несовместимость статуса субъекта с его деятельностью (запрет для предпринимателей замещать должности государственной службы), вопросы государственной безопасности (доступ к государственной тайне), совершение правонарушений (ограничение использования оружия).

Основополагающим правом граждан РФ является право на участие в управлении делами государства. Такое право является отличительным признаком демократической политической системы. Данное право подробно регулируется федеральными законами — о местном самоуправлении, об организации государственной власти субъектов РФ и другими. Важным способом участия граждан в государственном управлении является возможность участия в законотворческой деятельности. Эта возможность обеспечивается правом внесения предложений и поправок в законодательные акты, а также проведением публичных слушаний.

Право граждан на равный доступ к государственной службе также закреплено в Конституции РФ. Таким правом обладают граждане РФ не моложе 18 лет, владеющие государственным языком, имеющие профессиональное образование и отвечающие требованиям, соответствующим должности. Для поступления на госслужбу существуют и ограничения, связанные с предельным возрастом, наличием судимости, иностранного гражданства и другие [1]. Государственный служащий действует от имени государства и обладает специальным статусом.

Право граждан на объединение заключается в праве создания общественных объединений в целях защиты своих интересов и достижения общих целей. Одним из принципов реализации данного права является невмешательство органов публичной власти в деятельность таких объединений. Однако государством устанавливаются правила их создания и функционирования, а также осуществляется контроль над их деятельностью.

Право свободы собраний также закреплено в Конституции РФ. Граждане имеют право организовывать публичные мероприятия, митинги, демонстрации. Их проведение имеет уведомительный порядок, но оно не должно препятствовать реализации прав иных граждан.

Право граждан на обращение в органы государственной власти закреплено в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2]. Граждане имеют право обращаться лично или коллективно в государственные органы, органы местного самоуправления, учреждения, к должностным лицам.

Под правом на свободу и личную неприкосновенность понимается гарантия государством обеспечения безопасности граждан, пресечение посягательств на их неприкосновенность. Одним из способов обеспечения такого права является применение мер принуждения к лицам, совершившим административные правонарушения.

Неприкосновенность жилища граждан предполагает запрет проникать в жилище против воли собственников. Исключением являются противоправные действия граждан, чрезвычайные ситуации, а также исполнение судебных решений.

Право на свободу передвижения предполагает свободный выбор места проживания и перемещения внутри территории

страны. При этом при смене места жительства граждане обязаны произвести государственную регистрацию по своему месту нахождения. В закрытых административно-территориальных образованиях предусмотрен особый режим проживания и перемещения.

Граждане имеют право свободного выезда за пределы страны, за исключением случаев призыва на военную службу, статуса обвиняемого по уголовному делу, а также наложения ограничения со стороны судебного пристава-исполнителя.

Административно-правовые обязанности граждан устанавливаются государством как меры должного поведения граждан, которые закрепляются в источниках административного права, и обеспечивают интересы общества и государства.

Абсолютные административно-правовые обязанности являются фундаментальными и не зависят от обстоятельств. Такими являются обязанность уплаты налогов, соблюдение действующего законодательства, обязанность охраны и защиты природы, и другие. Относительные вытекают из действий после приобретения прав и в результате их использования (к примеру, обязанность произвести государственную регистрацию недвижимости).

Гарантия реализации административно-правового статуса гражданина должна содержать в себе не только его декларацию в законодательстве, но и устанавливать механизм реализации его положений.

Организационные гарантии подразумевают наличие разветвленной системы правоохранительных и контрольных органов, прокуратуры и суда, нотариата.

Экономические гарантии предполагают обеспечение эффективной работы денежно-кредитной, финансовой системы, промышленности, стабильности в выплате государственных пенсий и пособий, обеспечение благосостояния и высокого уровня жизни населения.

Политические гарантии подразумевают приоритет личности и его свобод, признание прав человека высшей ценностью, идеологическое многообразие, система сдержек и противовесов в системе публичной власти, обеспечение согласия в многонациональном федеративном государстве.

Юридические гарантии подразделяются на судебные и внесудебные. Суды в большом объеме рассматривают дела об административных правонарушениях, а также споры, вытекающие из административных правоотношений. Административное законодательство, сформировавшееся за последние 5–7 лет, предусматривает судебную защиту прав и свобод граждан, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений. Такими делами являются дела об оспаривании нормативно-правовых актов органов власти, об установлении и прекращении административного надзора, о защите избирательных прав граждан.

Многообразие юридических и правовых взаимосвязей в системе государственного управления порождает многочисленные нарушения и споры, связанные с ними [4].

У граждан есть возможность обращения в суд, в том числе и без участия профессионального представителя, с административным иском об оспаривании действия (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, их ре-

шений, в случае нарушения прав и законных интересов граждан. Как следует из Кодекса административного судопроизводства, обязанность доказывания фактов нарушения прав лежит на обратившемся лице, однако гражданин имеет право представить суду ходатайство об истребовании любых доказательств в подтверждение своих доводов, и суд обязан оказать содействие в получении этих доказательств. Право обжалования постановлений должностных лиц также закреплено в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.05.2021).
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Эксмо, 2011. — 622 с. — Текст: непосредственный.
4. Хлебников П. Оспаривание в административном праве. — Текст: непосредственный // Административное право. — 2020. — № 2. — С. 6.

Внесудебные гарантии шире по содержанию, и предполагают участие всех органов публичной власти в защите прав граждан, так как законодательство предоставляет этим органам значительные юрисдикционные полномочия. Примером этого является организация многофункциональных центров по оказанию государственных услуг, а также возможность обращения в органы власти в электронном виде. При этом вышестоящие органы власти имеют полномочия по контролю работы нижестоящих органов в целях обеспечения прав граждан.

Понятие и признаки соучастия в преступлении.

Виды соучастников преступления. Формы и виды соучастия в преступлении

Бабинская Юлия Михайловна, студент
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия и признаков соучастия в преступлении. Важным моментом является разграничение форм и видов соучастия, классификация соучастников и особенности их уголовной ответственности. Тему можно считать весьма актуальной, так как данный вид преступлений очень распространен в уголовно-судебной практике.

Ключевые слова: преступление, соучастие, уголовное право, соучастники.

Приступая к исследованию данного вопроса, необходимо определить термин, закрепленный в статье 32 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Соучастие есть совокупность установленных объективных и субъективных (рис 1.) признаков совместной преступной деятельности нескольких лиц.

Важно отличать по этим же признакам соучастие в преступлении от совокупности преступлений, не составляющих соучастие, но являющихся многосубъектными. Среди них: неосторожное и посредственное причинение вреда, прикосновенность к преступлению.

Согласно российскому законодательству, участие группы в преступлении можно считать одним из самых сложных институтов. Но до сих пор остается открытым вопрос о точном понимании этого определения. В УК РФ, еще в первой редакции 1996 года, основные понятия, формы и виды соучастия, ответственность и эксцесс исполнителя приведены в главе 7, содержащей пять статей. В целом совиновность определяется как разнообразие всевозможных преступлений, совершенных многими людьми.

В самом узком смысле определение соучастия включает в себя сознательное совместное участие многих лиц в действиях с преступным умыслом. Особое внимание следует уделить понятию «прикосновенность к преступлению». С недавнего времени в Особенной части УК РФ расширили перечень составов с возможными формами прикосновенности. Например, попустительство, спонтанное укрывательство, несообщение о некоторых преступлениях (в основном террористической направленности).

Анализ юридических аспектов данного понятия указывает на две основные теории: [7, с. 108]

1. Теория акцессорной природы совиновности (несамостоятельная природа совиновности). Действия исполнителя — самый важный аспект. Деятельность соучастников подвергается правовой оценке, но ответственность наравне с исполнителем. Виновен он, значит, виновны и остальные.

2. Теория самостоятельности поступков соучастников. Уголовному преследованию по данной теории должен подлежать каждый соучастник индивидуально согласно соответствующим нормам.

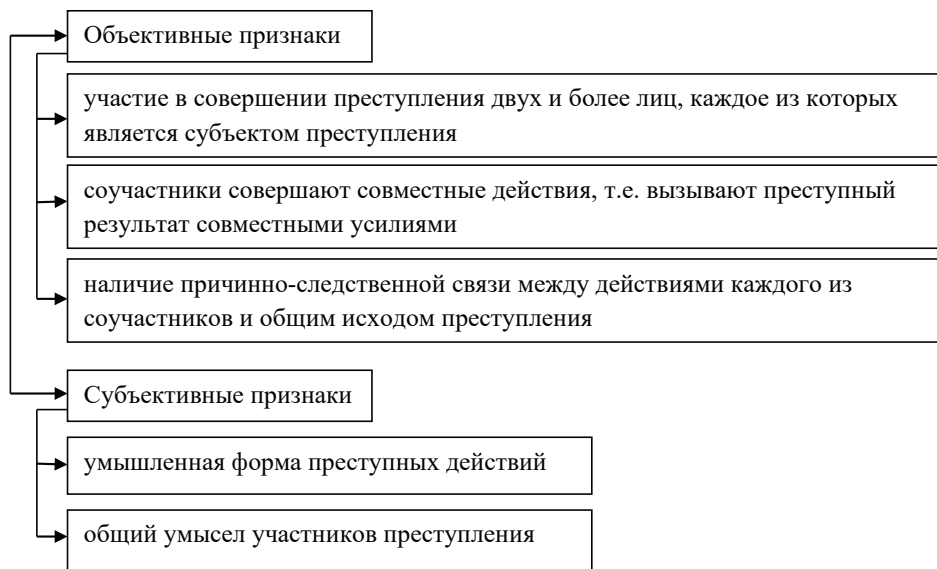

Рис. 1. Объективные и субъективные признаки [1]

В общем понимании прикосновенность к преступлению — это ограничение возможности предотвратить преступление или даже раскрыть его. Но в отличие от соучастия в таких действиях отсутствует причинно-следственная связь с самим правонарушением.

Прикосновенность можно классифицировать на:

- сокрытие (ст. 316) — действие, ограничивающее раскрытие преступления, может быть заранее запланированное до его совершения или не являться таковым;
- попустительство — это преднамеренное принятие противоправных действий. [9, с. 111]

В научных кругах популярно мнение о необходимости добавления в перечень еще одного вида — подстрекательство. Данное мнение основано на том, что в этом случае один человек склоняет другого к совершению преступления, но сам подстрекатель физических действий не осуществляет.

При определении видов и форм соучастия необходимо обозначить, что их классификация возможна как по объективным, так и по субъективным признакам.

По объективным признакам, а именно по характеру роли в преступлении, различают:

- каждый из соучастников полностью или частично исполняет объективную сторону преступления (в ч. 1 ст. 35 УК РФ обозначено как совершение преступления группой лиц);
- юридическое разграничение ролей соучастников, каждый из которых совершает различные виды действий, что отражено в ст. 33 УК РФ [1].

Интересный факт, в ст. 35 УК РФ отсутствует термин «форма соучастия». Только устоявшиеся представления в диалектике, теории права и науке уголовного права позволяют обозначить форму соучастия как определенное внешнее юридическое проявление совместного участия двух или более лиц в осуществлении умышленного преступления.

По субъективному признаку степени согласованности действий в той же ст. 35 УК РФ отражены формы соучастия в преступлении:

- вид соучастия без создания группы, в котором исполнитель совершает правонарушение хотя бы с одним соучастником, предусмотренным ст. 33 УК РФ. Такая форма дает основание для уголовной ответственности так называемых «пособников», но не влияет на меру ответственности.

Все остальные формы соучастия предусмотрены в ч. 1–4 ст. 35 УК РФ, и являются групповыми:

- преступное деяние осуществилось группой граждан при условии, что в нем принимали общее участие двое и более исполнителей без предварительного сговора;
- преступление, осуществленное по предварительному сговору;
- преступное деяние группой (организованной), объединенной для этого, по предварительному сговору;
- преступное деяние считается совершенным организацией (преступной), если оно происходило при наличии организованной группы, объединения граждан, которые действовали под руководством в целях совершения преступного деяния. [6, с. 35]

В зависимости от степени участия и осуществляемых действий можно выделить следующие виды соучастников согласно УК РФ: организатор, исполнитель, подстрекатель и пособник.

Законом не обозначена особая или дополнительная уголовная ответственность за соучастие, а значит, правонарушение каждого из участников определяется статьей, под которую попали действия исполнителя.

Лицо, не являющееся субъектом преступления, конкретно предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но принимавшее непосредственное участие в совершении преступления, несет за него уголовную ответственность как организатор, подстрекатель или пособник. Если исполнитель не осуществил задуманное правонарушение в силу внешних факторов, то остальные соучастники несут уголовную ответственность за покушение или приготовление к преступлению.

Если преступник осуществлял правонарушение с не подлежащими уголовному преследованию соучастниками (по объек-

тивными причинами, например, малолетний возраст, недееспособность), то суд признает его единственным исполнителем.

Судебная практика [3] по данной категории преступлений обширна, что обусловлено распространенностью правонарушений, совершенных группой лиц, ответственность которых равна степени их участия. По таким делам преобладают обвинительные приговоры, так как преступление уже совершено или оно было тщательно спланировано. В зависимости от роли и своих действий, наказание соучастников различается. Возможен только штраф, либо лишение или ограничение свободы, принудительные или иные работы, лишение права заниматься определенным видом деятельности.

Понятие и признаки соучастия в правонарушении играют важную роль в последующей персонализации наказания за преступление. Согласно УК РФ коллективная ответственность за преступление, объединенное единым умыслом, не предусмотрена. Бывает и так, что действия членов одной преступной группы квалифицированы по разным статьям. Хотя в целом ответственность всех соучастников напрямую связана с ответственно-

стью исполнителя, на которого и была возложена задача по реализации задуманного злодеяния. В случае непривлечения его к ответственности изменятся и пределы оной у всех остальных в группе. Но решение о смягчающих и отягчающих обстоятельствах принимается по каждому участнику преступления.

В заключении следует отметить, что в статье было сформулировано определение понятия «соучастие в преступлении», перечислены его характерные признаки, обозначены виды соучастников и особенности их уголовной ответственности. Всё это довольно точно отражено в УК РФ, но часто на практике возникает путаница в терминах и правильной квалификации данных правонарушений.

Вопросы, связанные с преступлениями этой категории являются достаточно сложными и значимыми для деятельности органов предварительного следствия и суда, ведь согласно статистике каждый год увеличивается количество правонарушений разной степени тяжести, совершенных в соучастии. Поэтому так важны новые методы борьбы с групповой и организованной преступностью.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 № 25 ст. 2954.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст]: с учетом Федеральных законов № 329-ФЗ, 330-ФЗ, 375-ФЗ / [С. А. Боженко и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. — Изд. 11-е, перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — С. 535–641.
3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2010. — № 8
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Российская газета, 2001 22 дек.
5. Безбородов Д. А. Виды соучастников преступления. — Учебное пособие. — Санкт-Петербург, 2013. — С. 39–64.
6. Гарбатович Д. А. Зависимость уголовно-правовой оценки деяний соучастников от квалификации исполнителя. // Уголовное право, 2018. — № 1. — С. 33–38.
7. Генев Е. В. Формы соучастия в уголовном законодательстве Российской Федерации. // Юридический вестник ДГУ, 2016. — № 2. — С. 106–109.
8. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / В. М. Лебедев; ответственный редактор В. М. Лебедев. — 13-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2013. — С. 411–602. — (Профессиональные комментарии). — ISBN978–5–9916–2356–8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/372594> (дата обращения: 30.01.2022)
9. Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica, 2016. — № 10. — С. 105–115.

Производство освидетельствования лица, сопровождающееся обнажением: правовой и этический аспекты

Барановский Максим Александрович, студент магистратуры;
Леонтьев Анастас Дмитриевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируются правовые и этические стороны производства освидетельствования, сопровождающегося обнажением, предпринята попытка обосновать необходимость признания субъектом производства освидетельствования только врача либо иного медицинского специалиста. Предложен проект изменений в нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с рассмотренными изменениями процедуры освидетельствования.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, следственные действия, освидетельствование, этические нормы, личная неприкосновенность, уважение чести и достоинства, врач, медицинский специалист.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) закрепляет широкий спектр следственных и иных процессуальных действий, служащих инструментами для проверки сообщения о преступлении, возбуждения уголовного дела, производства предварительного расследования и судебного разбирательства. Одним из таких средств является освидетельствование, основные положения относительно которого изложены в ст. 179 УПК РФ. Цели производства данного следственного действия не различаются применительно к отдельным стадиям уголовного процесса (будь то стадия возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), стадия предварительного расследования (ст. 179 УПК РФ) или же стадия судебного следствия (ст. 290, ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ)): обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения и иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. Сущность освидетельствования была определена ещё его далёким предком, наименование которого её и раскрывало: «досмотр побоев и ран» [2].

По своей сущности освидетельствование мало отличается от осмотра, являющегося механизмом органолептического восприятия действительности. Однако законодатель счёл необходимым выделить данное следственное действие в качестве самостоятельного. Причиной тому, по мнению наших коллег, послужил факт того, что при производстве освидетельствования затрагиваются дополнительные по сравнению с простым осмотром конституционные права граждан, а именно право на личную неприкосновенность [3, с. 227], гарантированное Конституцией РФ [4] (ст. 23).

Понятие «личная неприкосновенность» имеет неравнозначное содержание в конституционном изложении и в уголовно-процессуальном. Статья 23 Конституции РФ закрепляет следующие положения: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

Статья 10 УПК РФ в свою очередь содержание права на личную неприкосновенность излагает так: «Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов; суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишённого свободы, или незаконно помещённого в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей

свыше срока, предусмотренного настоящим Кодексом; лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью».

Все указанные нормы являются узкими по своему содержанию, поскольку игнорируют вопрос о телесной (или физической) неприкосновенности.

Закон опрометчиво обходит стороной вопрос гарантированности прав при производстве освидетельствования, ведь его этическая сторона в первую очередь связана с фактом ограничения телесной неприкосновенности человека, ведь в большинстве случаев производство анализируемого следственного действия требует контактов освидетельствуемого лица с посторонними лицами, обладающими властью и инструментарием принуждения. При этом не исключаются и случаи некоторого игнорирования морально-этических норм, которыми приходится поступиться при необходимости обнажения лица для эффективного производства следственного действия.

Некоторые предполагают, что аспект телесной неприкосновенности обеспечен положениями ст. 9 УПК РФ, не допускающей унижения чести и достоинства личности. Однако данное понятие является неоднозначным, субъективно толкуемым. Вместе с тем некоторые исследователи предлагают перечень универсальных критериев, позволяющих установить факт унижения чести и достоинства. Например, к безусловно неправомерным действиям можно отнести грубое обращение, неуместные, оскорбительные реплики, замечания, комментарии, касающиеся предметом одежды, частей тела, татуировок и иных украшений тела человека. Недопустимы любые действия и речи, имеющей потенциальный результат в виде сильных негативных эмоций: страх, злоба, чувство униженности. [5, с. 69]

Установленная неоднородность правового регулирования, неполнота гарантий соблюдения прав граждан при производстве освидетельствования особенно остро проявляются при производстве освидетельствовании, сопряжённого с обнажением лица.

Часть 4 ст. 179 УПК РФ закрепляет правило, согласно которому «при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом». Буквальное толкование данного положения позволяет заключить, что при совпадении гендерной принадлежности следователь вправе произвести освидетельствование, сопряжённое с обнажением освидетельствуемого, и лишь в случае отсутствия такого совпадения к участию в следственном действии привлекается врач. Авторы усматривают в указанной норме серьёзную недоработку, ошибку законодателя.

Закон требует соблюдать право лиц на защиту чести и достоинства при производстве освидетельствования, однако для многих людей унижением может быть уже само требование должностного лица оголить ту или иную часть тела

либо любой физической контакт с посторонним лицом. Особенно чётко стоит вопрос о допустимости производства освидетельствования, сопряжённого с обнажением, пусть и лицом того же пола, но в отношении лица, принадлежащего к кардинально иной культуре. В частности, речь идёт о случаях необходимости освидетельствования женщин, исповедующих ислам, которые носят особые предметы одежды и не могут их снимать. Принуждение к освобождению тела, головы от этих предметов одежды должностным лицом правоохранительных органов может быть расценено как оскорбление. Закон определяет приоритет общественного интереса, возможность производства следственного действия в принудительном порядке, что лишает женщин ислама всякой защиты их чести.

Ещё одной опасностью в этом контексте является позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Определении от 10.07.2013 № 19-АПГ13-2 [6]. Суть заключается в том, что Верховный Суд указал на светский характер нашего государства и признал правомерным внедрение правил ношения универсальной светской униформы в государственных учреждениях, в том числе социального толка. Ориентация на данную позицию может создать условия, в которых культурные особенности отдельных представителей общества будут игнорироваться, в связи с чем права граждан подвергнутся нарушению. [7, 8, с. 54, 9, с. 22–26]

Стоит сделать замечание относительно формулировки анализируемой нормы в сопоставлении с нормами ст. 260 Модельного УПК СНГ [10]. Так, согласно ч. 3 данной статьи «в случае необходимости освидетельствование производится с участием специалиста в области судебной медицины или врача». Там же содержится положение о необходимости участия двух понятых того же пола, что и освидетельствуемое лицо. Следует признать такой подход куда более удачным в контексте обеспечения прав освидетельствуемого лица.

Усматривается коллизия в положениях ст. 179 УПК РФ и п. 2 Порядка проведения медицинского освидетельствования, утверждённого Приказом Министерства здравоохранения РФ от 18.12.2015 № 933н [11], поскольку оба документа предусматривают производство освидетельствования в целях установления состояния опьянения (алкогольного, наркотического либо токсического). При этом УПК РФ ведёт речь о простом освидетельствовании, то есть органолептическом восприятии действительности, а Приказ предусматривает производство медицинского освидетельствования, которое является медицинской диагностической процедурой, строго регламентированной нормативно-правовыми актами, которая предусматривает возможность установления не только текущего состояния опьянения, но и факта употребления соответствующих веществ определённое время назад. Пункт 2.1 указанного Порядка содержит ссылку на необходимость учёта положений ст. 179, 180 УПК РФ при производстве медицинского освидетельствования в отношении участников уголовного процесса, что создаёт некоторый замкнутый круг: УПК регламентирует «простое» освидетельствование, которое не является по своей сути медицинским в том смысле, который заложен в Порядке, но при этом Порядок отсылает к нормам УПК. Возможно, подразумевается, что в таком случае имеет место производство освидетельствования посредством приглашения специалиста, однако такой

подход нельзя признать справедливым, так как медицинское освидетельствование по своему содержанию скорее является экспертным исследованием, хотя бы потому, что для его производства необходимо обратиться в организацию, имеющую соответствующую лицензию, а сама процедура осуществляется в специально оборудованных помещениях или транспортных средствах, к которым предъявляются жёсткие требования. На потенциальную невозможность реализации норм ст. 179 УПК РФ в части установления состояния опьянения указывали С. А. Шейфер [12, с. 56], В. Г. Глебов [5, с. 12]. Более того, состояние опьянения является ограниченным во времени, в связи с чем при возникновении сомнений в достоверности сделанных должностным лицом выводов относительно наличия такого состояния у освидетельствуемого лица, подтвердить их будет невозможно и полученные неубедительные доказательственные сведения будут признаны недостоверными.

Освидетельствование как осмотр живого лица требует особого индивидуального подхода к каждому человеку, особенно когда речь идёт о случаях посягательства на половую неприкосновенность [13]. Зачастую необходимо умение установить доверительный психологический контакт, который возможен лишь с беспристрастным по природе своей человеком — врачом. В подтверждение сказанного можно привести следующие положения ряда нормативно-правовых актов.

Например, согласно положениям абз. 3, 6 п. 4.3, абз. 6, 10, 17 ФГОС ВО по специальности 31.08.49 Терапия (уровень подготовки кадров высшей квалификации) [14] после прохождения ординатуры врач-терапевт обладает профессиональной компетенцией в сфере медицинской диагностики, медицинской экспертизы, медицинской психолого-педагогической деятельности, что предполагает его способность на должном нравственном и психологическом уровне взаимодействовать с пациентами, следовательно, и с освидетельствуемыми лицами.

Кодекс профессиональной этики и служебного поведения работников федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы [15] обязывает сотрудников быть терпимыми и проявлять корректность по отношению к обычаям представителей иных культурных и национальных единств (пп. «ж», «з» п. 8), не проявлять дискриминационного отношения по каким бы то ни было признакам (пп. «а» п. 13), не допускать оскорбительных выражений, пренебрежительного отношения (пп. «б», «в» п. 13). Безусловно, подобные правила есть и в этических кодексах должностных лиц следствия и дознания, однако в последних нет ряда иных требований, ставящих врачей в вопросах этики на порядок выше.

Врач является субъектом реализации «глубокого уважения личности и достоинства человека», основывая свою деятельность на «высоких этических, моральных и деонтологических принципах» (ст. 1 Кодекса профессиональной этики врача [16]). Врач ни под каким предлогом не может отступать от требований этики при исполнении своих обязанностей (ст. 6 Кодекса). Кодекс также обязывает врача быть исключительно честным и откровенным при составлении любых документов медицинского характера (ст. 21). При отправлении своей деятельности врач обязывается учитывать индивидуальные особенности каждого пациента (ст. 28 Кодекса).

На преимущество производства освидетельствования тела живого человека врачом указывают некоторые учёные. Например, О.В. Волохова пишет: «Надо сказать, что и участие врача в освидетельствовании не только обеспечивает обнаружение следов преступления и примет человека, влияет на полноту их описания, но и предупреждает возможность причинения вреда здоровью, избавляет лицо от неприятных переживаний» [17]. Случаев, когда присутствие врача не столь целесообразно, не так много (самое очевидное — обнаружение татуировок и пирсинга).

Ещё одним положением, позволяющим вести полемику о необходимости установления правила о производстве освидетельствования только врачом, является ч. 2 ст. 290 УПК РФ, которая предусматривает производство данного следственного действия в период судебного разбирательства только врачом либо иным специалистом. То есть возможность участия в процедуре должностного лица даже не рассматривается, а также нет условий о гендерной принадлежности лица, опосредующих такую возможность.

Множество нареканий процессуального характера в отношении содержания ст. 179 УПК РФ возникает в случае рассмотрения процедуры освидетельствования (в том числе при необходимости обнажения лица) в рамках стадии возбуждения уголовного дела.

Во-первых, ч. 1 ст. 144 УПК РФ допускает возможность производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела без каких-либо дополнительных условий. В части же первой ст. 179 УПК РФ такая возможность видится иначе: «В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела». Поскольку норма ч. 1 ст. 179 УПК РФ является специальной, то применению подлежит именно она [18, с. 172]. То есть для реализации норм ст. 179 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела необходимо обосновать неотложность производства этого следственного действия, а степень и характер неотложности является сферой субъективного усмотрения, что снижает степень гарантированности прав граждан.

Часть 1 ст. 179 УПК РФ является противоречивой также в том, что при изложении целей производства освидетельствования акцент сделан на получение информации, имеющей значение для уголовного дела. Однако на этапе проверки сообщения о предположительно совершённом либо подготавливаемом преступлении уголовного дела как такового не существует, посему допущение, изложенное в ч. 1 ст. 179 УПК РФ и позволяющее производить освидетельствование на стадии возбуждения уголовного дела фактически не должно реализовываться на практике в связи с наличием прямых законодательных противоречий.

Анализ той же ч. 1 ст. 179 УПК РФ позволяет выделить и ещё одно, не менее острое противоречие. Закон устанавливает перечень участников уголовного процесса, в отношении которых допускается производство освидетельствования по принципу *numerus clausus*, то есть помимо указанных участников никакие другие «задействованы» быть не могут. В связи с тем, что никакое лицо, кроме должностных, при проверке сообщения о преступлении не обладает урегулированным процессуальным

статусом, производство освидетельствования, согласно буквальному толкованию действующих правовых предписаний, при проверке сообщения о преступлении невозможно в силу отсутствия допустимых объектов исследования.

Однако не все исследователи соглашались с таким выводом. Например, Т.Р. Устов пишет о том, что в связи с отсутствием каких-либо особенностей производства освидетельствования применительно к стадии возбуждения уголовного дела в ст. 179, 180 УПК РФ, вопрос о допустимости производства данного следственного действия при проверке сообщения о преступлении решается положительным ответом: «порядок этого следственного действия в полной мере может быть использован на начальном этапе уголовного судопроизводства» [19, с. 121]. Однако по уже изложенным основаниям мы считаем данный подход несостоятельным, поскольку он зиждется лишь на том факте, что раз законодатель предусмотрел такое мероприятие при проверке сообщения о преступлении, то оно допустимо. Не более того.

В связи с тем, что закон не даёт возможности правильно определить процедуру освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела, должностные лица самостоятельно решают вопрос об объёме процессуального принуждения и ущемления прав лица, что не может быть объективным мериллом и приводит к произволу, нарушению прав граждан, о чём свидетельствует и правоприменительная практика [20, 21].

Правоприменители и сами понимают, что отсутствие чёткого процессуального статуса является большой проблемой при проведении проверки сообщения о преступлении. Так, респонденты диссертанта

Т.А. Николаевой (более 60% опрошенных) ответили, что проблемы освидетельствования связаны с тем, что закон не устанавливает круг лиц, в отношении которых оно может быть произведено, а также с тем, что таким лицам не предоставляется профессиональная защита их прав. [22, с. 120, 121]

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что правовые коллизии и игнорирование этической составляющей производства освидетельствования создают почву для малообоснованного ущемления прав граждан на телесную неприкосновенность и уважение чести и достоинства. Особенно заметно это проявляется на стадии возбуждения уголовного дела, когда лицо может подвергнуться освидетельствованию с необходимостью обнажения в условиях, когда степень неотложности такой процедуры определяется исключительно субъективными воззрениями должностного лица, в целях, непоименованных в законе, так как уголовного дела ещё нет, и при этом освидетельствуемое лицо не обладает каким бы то ни было процессуальным статусом, то есть является фактически бесправным.

Стоит отметить и такой неочевидный недостаток освидетельствования, производимого следователем, как риск снятия отпечатков пальцев для несанкционированного доступа к смартфону лица, защищённого биометрическими данными. На примере законов ФРГ данную проблему рассматривали Д. Бродовски, М. Ян [23].

С учётом вышеизложенного считаем обоснованным предложение о наделении правом производить освидетельствование, сопряжённое с обнажением, только врача либо иного медицинского специалиста (например, медицинскую сестру).

Для создания условий гарантированности соблюдения права на личную неприкосновенность предлагаем также опосредовать производство освидетельствования, сопряжённого с обнажением, получением судебного разрешения в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ.

На основе изложенного предлагаем следующие изменения и дополнения в уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Включить в текст ст. 10 УПК РФ частью 4 следующего содержания:

«Не допускается ограничение физической (телесной) неприкосновенности личности иначе как по основаниям, установленным настоящим Кодексом, и при наличии согласия лица, в отношении которого должно быть проведено освидетельствование, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В случае, когда ограничение физической (телесной) неприкосновенности личности сопровождается обнажением, производство процессуальных действий допускается только врачом либо иным медицинским специалистом».

Часть 2 ст. 29 УПК РФ дополнить пунктом 4.1 следующего содержания: «4.1) об освидетельствовании, сопровождающемся обнажением лица, в отношении которого производится освидетельствование».

Статью 179 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1. Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

2. О производстве освидетельствования следователь, дознаватель выносит постановление, которое является обязательным

для освидетельствуемого лица. Производство освидетельствования, сопровождающегося обнажением, осуществляется на основании судебного решения, принимаемого в порядке, предусмотренном статьей 165 настоящего Кодекса.

3. Освидетельствование производится врачом либо иным медицинским специалистом, которые перед производством освидетельствования предупреждаются об уголовной ответственности в соответствии с положениями статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чём отбирается подписка.

4. Фотографирование, видеозапись и киносъемка в случаях, когда освидетельствование лица сопровождается обнажением, проводятся с согласия освидетельствуемого лица».

Статью 180 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1. Протоколы осмотра и освидетельствования составляются с соблюдением требований настоящей статьи, статей 166 и 167 настоящего Кодекса.

2. Протокол освидетельствования составляется со слов врача или иного медицинского специалиста, производившего освидетельствование. В протоколе осмотра описываются все действия врача либо иного медицинского специалиста, производившего освидетельствование, с его слов. В протоколе должны быть отражены действия врача либо иного медицинского специалиста, все обнаруженные особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, иные выявленные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела.

3. В протоколах также должно быть указано, в какое время, при какой погоде и каком освещении производились осмотр или освидетельствование, какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъяты и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для уголовного дела».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Тарасенко И. В. Доказательства и доказывание в российском уголовном процессе XV–XVII столетий // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации». 2020. № 4.
3. Гладышева О. В., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2013.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.02.2022).
5. Уголовный процесс. В 3 ч. 3-е издание, перераб. и доп. / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград, 2009. Ч. 2.
6. Определение Верховного Суда РФ от 10.07.2013 № 19-АПГ13–2 [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/V6oXksgjPxdO/?vsrf-txt=Об+отказе+в+признании+недействующими+подпунктов+2+и+3+пункта+9+Основных+требований+к+школьной+одежде+и+внешнему+виду+обучающихся+в+государственных+общеобразовательных+учреждениях+Ставропольского+края+и+муниципальных+общеобразовательных+учреждениях+муниципальных+образовательных+Ставропольского+края&vsrf-case_doc=№+19-АПГ13–2&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1645521591765&snippet_pos=146#snippet (дата обращения: 22.02.2022).
7. Смирнова И. Г., Фойгель Е. И. К вопросу о необходимости выделения категории адвентальных участников российского уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Lex Russica. 2019. № 7.
8. Базарова Д. Б. Принцип уважения чести и достоинства личности как важнейшая процессуальная гарантия в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. № 20.

9. Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б. Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Российский судья. 2015. № 3.
10. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.
11. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): Приказ Министерства здравоохранения РФ от 18.12.2015 № 933н (зарегистрирован в Минюсте 11.03.2016, № 41390) // Российская газета. 2016. № 60.
12. Шейфер С. А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2.
13. Соколова О. А. Использование диагностической информации при освидетельствовании и предъявлении для опознания живых людей и трупов // Lex Russica. 2015. № 5.
14. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 31.08.49 Терапия (уровень подготовки кадров высшей квалификации): Приказ Министерства образования и науки РФ от 25.08.2014 № 1092 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27.10.2014, № 34466) // Российская газета. 2015. № 19.
15. Об утверждении Кодекса профессиональной этики и служебного поведения работников федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 01.09.2014 № 596 // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2014. № 10.
16. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (Принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации (г. Москва, 5 октября 2012 г.)) (документ официально опубликован не был) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174773/5543aa19e886609f27886c83aa0cc20876568198/ (дата обращения: 22.02.2022).
17. Бабаева Э. У., Волохова О. В., Егоров Н. Н., Жижилина М. В., Исютин-Федотков Д. В., Ищенко Е. П., Комиссарова Я. В., Корма В. Д., Кручинина Н. В., Милованова М. М., Паршиков В. И., Уваров В. Н., Харина Э. Н. Криминалистика (учебник для бакалавров и специалистов) (отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. П. Ищенко) (автор главы Волохова О. В.). М.: «Прспект», 2020. 560 с.
18. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы права. М., 1961. 381 с.
19. Устов Т. Р. Обеспечение прав участников следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.
20. Приговор Звериноголовского районного суда Курганской области № 1–3/2019 1–37/2018 от 10 января 2019 г. по уголовному делу № 1–3/2019 1–37/2018 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1T4EL3Mum16/> (дата обращения: 22.02.2022).
21. Приговор Борского городского суда Нижегородской области № 1–88/2020 от 26 февраля 2020 г. по уголовному делу № 1–88/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Uf3oMjkrB9Y1/> (дата обращения: 22.02.2022).
22. Николаева Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.
23. Бродовски Д., Ян М. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3.

Основание конституционно-правовой ответственности

Булатов Булат Алиевич, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Конституционно-правовая ответственность — это, по своей сути, вид и мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении правонарушения, выражающаяся в наступлении для правонарушителя конкретных негативных последствий, предусмотренных на законодательном уровне.

Таким образом, можно сказать, что конституционно-правовая ответственность выступает в качестве негативной оценки со стороны государства деятельности граждан, государственного органа, должностного лица и пр., а также мера принуждения, реализация санкции правовой нормы.

Под основанием конституционно-правовой ответственности следует понимать действие или, наоборот, бездействие, причинившее либо же могущее причинить ущерб гражданам (народу) и/или государству в независимости от того, происходит при этом нарушение конституционных норм или же нет. В процессе анализа оснований конституционно-правовой ответственности важно учитывать наличие в деянии лица конкретного состава правонарушения, а также конкретную правовую норму, которая в данном конкретном случае нарушается. Т. е. следует выделять фактическое и нормативное основание конституционно-правовой ответственности.

Нормативным основанием в данном случае является нормативное положение конституционного права, предусматривающее ответственность. Так, к примеру, отрешение от должности Президента Российской Федерации является возможным, в частности, лишь на основании заключения Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента признаков преступного деяния (в соответствии с п. 1 ст. 93 Конституции Российской Федерации). Таким образом, конституционно-правовая ответственность наступает лишь при изначальном нарушении норм отраслевого законодательства.

О фактическом основании конституционно-правовой ответственности следует говорить, когда происходит конкретное правонарушение (то есть конституционный деликт). Такое правонарушение или конституционный деликт включают обязательно объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Ответственность по конституционному праву выглядит следующим образом.

Конституционно-правовыми нормами, определяющими возможное и должное поведение, устанавливаются границы правомерного поведения субъектов конституционно-правовых отношений. Нарушение данных границ выступает в качестве основания возникновения ответственности. Нормы конституционного права устанавливают меры государственного принуждения, которые, по сути, являются неблагоприятными последствиями и должны быть известны субъектам ответственности. В нормативных положениях конституционного права отражен порядок привлечения субъектов-правонарушителей к конституционно-правовой ответственности, назначения мер наказания, исполнения ответственности, а также основания освобождения от исполнения мер государственного принуждения в определенных случаях.

Таким образом, следует констатировать, что суть конституционно-правового регулирования ответственности выражается в закреплении фактического и правового комплекса, компоненты которого являются связанными с возникновением или прекращением соответствующих правоотношений.

Итак, общественные отношения, которые регулируются нормами конституционного права, выступают в качестве объекта конституционно-правового нарушения. Важно подчеркнуть, что конституционно-правовые отношения в значительной степени отличаются от общественных отношений, являющихся объектами правонарушений в иных отраслях российского права.

Нормы конституционного права регламентируют общие основы, базу функционирования буквально всей экономической и политической жизни современного общества, всего конституционного строя российского государства. Соответственно, неправомерное поведение субъекта анализируемых отношений может привести к нарушению или посягательству на нарушение отдельных моментов устройства общественной и государственной жизни в стране, что является угрозой для нормального и стабильного функционирования конституционного строя государства и конституционной законности.

Так, неправомерным поведением субъектов конституционно-правовых отношений может быть нанесен значительный вред основам взаимоотношений человека (народа) с государ-

ством, базовым неотъемлемым правам человека и гражданина, его свободам и обязанностям, может стать причиной возникновения трудностей, препятствующих качественному выполнению государством своих обязанностей по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

В качестве объекта правонарушений в конституционном праве могут выступать также и отношения в области выражения власти народа при помощи проведения свободных выборов, референдума и пр. (к примеру, нарушение процедуры проведения референдума).

Таким образом, следует констатировать, что объектам конституционно-правовых нарушений свойственна определенная специфика в силу того, что ими являются базовые, основополагающие общественные отношения во всех областях общественной жизни российского государства.

В качестве важного элемента субъективной стороны конституционного деликта признается вина. Под названным термином следует понимать психическое отношение субъекта к совершенному деянию.

Содержание вины в конституционных правонарушениях имеет определенную специфику. Важно подчеркнуть, что в случае с конституционно-правовой ответственностью важным является верное понимание умысла и неосторожности. Так, используя в конституционном праве названные психологические категории, является невозможным говорить, к примеру, о «неосторожном» неисполнении лицом своих должностных полномочий, или о «неосторожном» неисполнении контрольных функций. Но при этом естественно было бы отметить отсутствие профессионализма или некомпетентность должностного лица, неумышленно допустившего при осуществлении профессиональной деятельности очевидные нарушения, в виде действия или бездействия, которые в иных отраслях права являются неосторожными. Соответственно, конституционно-правовую ответственность является возможным трактовать, как нами писалось выше по тексту, в качестве отрицательной оценки со стороны государства деятельности граждан, государственного органа, должностного лица и пр., а также меры принуждения, реализации санкции правовой нормы.

Содержание субъективной стороны правонарушений в конституционном праве в значительной степени зависит от характера субъектов, которые непосредственно несут конституционно-правовую ответственность. Так, для физических лиц в содержании субъективной стороны важное место занимает психологическое отношение лица к своим противоправным действиям и их возможным последствиям.

Для применения конституционно-правовой ответственности к гражданам также необходим признак вины. Так, гражданин Российской Федерации не может быть лишен избирательных прав, если он является ограниченным в дееспособности по суду вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами и ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Для применения конституционно-правовой ответственности к должностным лицам, избирающимся или назначаемым на должность, также необходим признак вины. Названные субъекты конституцион-

но-правовых отношений, занимая определенное служебное положение, являются обязанными ответственно выполнять порученные им должностные обязанности. По этой причине если должностное лицо не выполняет должным образом возложенные на него служебные обязанности, тем самым не оправдывая доверие народа или государственного органа, назначившего его на должность, то это является результатом его вины как должностного лица. Соответственно, в данном случае необходимо говорить не об умысле, а скорее о неосторожности.

Субъективную сторону состава конституционно-правового нарушения наряду с виной характеризуют дополнительные признаки — мотив и цель. Например, создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни является конституционно-правовым деликтом.

Противоправное поведение субъекта, не соответствующее требованиям норм конституционного права, является объективной стороной конституционно-правовых нарушений.

Литература:

1. Шон Д. Т. Конституционная ответственность // Государство и право. — 1995.
2. Виноградов В. А. Конституционно-правовые санкции // Законодательство. — 2001.
3. Тхабисимова Л. А. К вопросу об основаниях привлечения к конституционно-правовой ответственности // Реализация конституционных принципов в современном законодательстве России.
4. Павлова Е. Д. Проблемы субъектного состава и реализации конституционно-правовой ответственности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011.
5. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

К вопросу об участии органов предварительного следствия в уголовном судопроизводстве при поддержании государственного обвинения

Гаврильев Александр Андреевич, студент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Рассматриваются актуальные проблемы и вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве в качестве государственного обвинителя. Обосновывается точка зрения о наделении органов предварительного следствия поддерживать в судах первой инстанции государственное обвинение. Статья также посвящена изучению деятельности прокурора как субъекта функции уголовного преследования, нормативному регулированию статуса и полномочий прокурора на разных стадиях уголовного преследования.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ находится в центре постоянного внимания ученых и практиков. Это обусловлено тем, что за последние 17 лет существования он неоднократно подвергался изменениям. Кроме того, многие изменения носили концептуальный характер, и процесс его совершенствования продолжается. Положительным является то, что законодатель пытается создать такой закон, который бы реально обеспечивал защиту личности в уголовном су-

Объективная сторона конституционного правонарушения содержит деяния, негативные последствия и причинную связь между ними.

В отличие от других видов юридической ответственности вопрос об оценке объективной стороны конституционно-правового нарушения окончательно решает субъект, который обладает правом применять конституционно-правовую санкцию. Например, оценку деятельности Правительства за невыполнение требований ст. 114 Конституции может осуществлять Президент РФ, который вправе принять решение об отставке Правительства, а также Государственная Дума, обладающая правом выразить недоверие Правительству (ст. 117 Конституции РФ).

Таким образом, фактическим основанием конституционной ответственности является наличие в действиях или бездействиях субъекта права состава конституционного деликта. Конституционный деликт, в свою очередь включает субъект, субъективную сторону, объект и объективную сторону. Объективная сторона заключается в нарушении субъектами права конституционных обязанностей или злоупотребления своими правами.

допроизводстве, независимо от того, какой статус она имеет. Однако столь частые и большие изменения, вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, негативно отражаются на деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Не успев привыкнуть к одним требованиям закона, правоприменитель должен применять его по-новому, что не может не отразиться на качестве производства по уголовным делам.

Одним из главных вопросов, вызывающим множество дискуссий, является поддержание государственного обвинения в суде первой инстанции. Среди некоторых ученых ведутся научные споры о том, кому же все-таки стоит поддерживать функцию государственного обвинения в суде, исходя из предназначения и основных полномочий прокурора, а также следователя как основного субъекта уголовного преследования, чтобы в конечном итоге, суд пришел к объективному решению, при этом, не создавая каких-либо препятствий в судебном разбирательстве.

Как известно в соответствии с частью 2 статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» прокурор осуществляет уголовное преследование в суде, а также выступает в качестве государственного обвинителя [1, 4472].

Прокурор — один из главных субъектов функции уголовного преследования и его неотъемлемое звено. Нормативное закрепление статуса и полномочий прокурора отображаются в ч. 1 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где прокурору, как субъекту уголовного преследования, поручается выполнение этой функции по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, которая реализуется от государственного имени [2, 4921]. Базовый признак этой функции — ее реализация и в судебном разбирательстве, и в досудебном производстве. Анализируя действующее законодательство, формируется суждение о том, что прокурор фактически реализует три функции: надзорную, следственную и обвинительную. Подтверждением такой точки зрения является то, что прокурор напрямую участвует в расследовании правонарушений на стадии досудебного расследования. Преимущественно это отображается на стадии предварительного расследования в формах дознания и на стадии судебного судопроизводства в поддержке обвинения от имени государства.

Указанное обстоятельство приводит к выводу, что одновременно прокурор исполняет и уголовное преследование, и участвует со стороны обвинения как субъект уголовного преследования в судебном производстве. Для корректного понимания рассматриваемой темы, нужно подвергнуть анализу соотношение понятий «уголовное преследование», «обвинение», а также «надзор».

Согласно пункту 6 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ «под государственным обвинителем понимается поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры», а в пункте 22 «под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом. Под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Исходя из первой формулировки, прокурор — единственный субъект, который вправе осуществлять обговариваемую функцию в судебном следствии. В то же время уголовное преследование может реализовываться как органами дознания, так и органами предварительного следствия.

Суть функции уголовного преследования отображается в изобличения лица, совершившего преступление. То есть,

устанавливается конкретный человек, которому в дальнейшем выдвигается подозрение, что в результате приобретает обвинительную форму.

Как одно из основополагающих уголовно-процессуальных понятий «обвинение» связано с сущностью, природой уголовного судопроизводства и соответственно выступает в качестве явления, которое в значительной степени генерирует всю уголовно-процессуальную деятельность и во многом раскрывает механизм реализации нормы материального уголовного права в рамках уголовно-процессуальной деятельности (как досудебной, так и судебной соответствующими субъектами).

Еще М. С. Строгович отмечал, что участие следователя в качестве обвинителя не может содействовать правильной постановке обвинения и проведению судебного следствия [8, 468].

Интересное мнение было высказано В. П. Ашитко, который считает, что «оглашать в суде предъявленное лицу обвинение должен не прокурор, выступающий в суде обвинителем, а следователь, производивший следствие по делу и вынесший мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, либо следователь, передавший дело прокурору для направления в суд» [3, 77].

А. П. Кругликов высказывается о том, может ли прокурор результативно и полноценно реализовать уголовное преследование при введении новых изменений в законодательстве РФ. Он оперирует тем, что изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, отняли у прокурора ряд таких прав как:

- 1) возбуждать уголовные дела;
- 2) лично производить предварительное следствие по делу в полном объеме;
- 3) участвовать в производстве предварительного следствия и в необходимых случаях давать обязательные для исполнения указания следователю о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий;
- 4) лично производить по делу отдельные следственные и иные процессуальные действия;
- 5) прекращать уголовное дело или уголовное преследование [5, 37–40].

Но вышеописанное суждение имеет некоторые недочеты, поскольку ученый не разделяет функции надзора за расследованием. Можно сделать заключение, что он не разделяет позицию усиления ведомственного процессуального наблюдения за предварительным следствием, а стремится вернуть процессуальное положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, существовавшее до реформы 2011 года.

Ю. Цветков полагает, что «уголовный процесс, особенно процесс судебный, преобразит передача функции поддержания государственного обвинения от прокурора следователю. Последний, в отличие от прокурора, дело знает и за судьбу его переживает. А это, в свою очередь, приведет к тому, что поддержание обвинения из чисто ритуальной станет, наконец, вполне осмысленной деятельностью» [7].

Сложность работы следователя аксиоматична. Однако на общем фоне должной оценки результатов расследования многих сложнейших преступлений различных видов все же крайне затруднительно согласиться с тем, что профессиональная подготовка всех без исключения следователей стала

настолько высокой, что позволит безболезненно перепоручить им поддержание государственного обвинения. Тем более трудно сказать, что стало основанием для приведенных выше суждений. Их суть едина — участие прокурора в судебном процессе не влияет на результат рассмотрения и разрешения дела судом, поскольку это участие носит исключительно символический (ритуальный, по мнению Ю. Цветкова) характер, поскольку этого требует уголовно-процессуальный закон [4, 5–10]. Недалека от приведенной и позиция Л. Татьяниной, считающей поддержание обвинения стремлением к достижению ведомственного или личного интереса (без уточнения, в чем он заключается) [6].

Такой вывод можно сделать, если за основу рассуждений о ритуальном характере поддержания обвинения прокурором, не являющимся, по мнению автора соответствующего тезиса, «вполне осмысленной деятельностью», взять одно из определений понятия «ритуализм». Он представляет собой тип адаптации, в которой индивид отвергает господствующие в этой среде цели, которых он не может достичь, но одобряет и использует необходимые институциональные средства (порядок, система и т.д.). По логике рассуждений Ю. Цветкова получается, что участие прокурора в судебном разбирательстве сводится к исключительно формальному выполнению последним своих процессуальных обязанностей.

Если рассуждать в этом направлении, то несложно прийти и к выводу о том, что вынесение оправдательных приговоров — не закономерный итог поверхностного расследования, низкое качество которого обусловлено в том числе ненадлежащим процессуальным контролем и прокурорским надзором в досудебном производстве, но, скорее, не более чем досадные факты, вызванные безразличным отношением к результатам судебного разбирательства государственного обвинителя, опять же чисто символически участвовавшего в судебном заседании по делу о преступлении, расследование которого проведено безупречно. Впрочем, последнее — всего лишь предположение.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N47, ст. 4472,
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N52 (ч. I), ст. 4921
3. Ашитко В.П. Концепция участия органа предварительного следствия в стадии судебного расследования // Научные труды. — М., 2004. Т. 3, выпуск 4. — С. 77.
4. Исаенко, В.Н. Павлова Е.В. «Восполнение государственным обвинителем недостатков предварительного следствия в суде». Статьи по предмету Уголовный процесс // Издательство: Редакция журнала «Законность» (Москва) № 7 (981) 2016 г., 5–10с.
5. Кругликов А.П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. — 2012. — № 1. — С. 37.-40.
6. Татьяна Л.Г. Нравственные начала деятельности следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. N4.
7. Цветков Ю.А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. N14.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса // М.С. Строгович. — М.: Наука, 1989. — 468 с.
9. Следственный комитет выводится из состава прокуратуры и становится самостоятельным органом // URL: https://www.itv.ru/news/2010-09-27/137759-sledstvennyy_komitet_vyvoditsya_iz_sostava_prokuratury_i_stanovitsya_samostoyatelnym_organom

Как известно, в 2011 году произошло реформирование прокуратуры Российской Федерации, а именно выведение из состава прокуратуры Следственного Комитета РФ, становясь самостоятельным государственным органом, с целью разграничения функции прокурорского надзора и объективности следствия.

Как отмечал Анатолий Кучерена (адвокат, член Общественной палаты РФ): «Человека отправляют под стражу, тяжелобольного человека, человека, у которого на руках четверо-пятеро несовершеннолетних детей. Понятно, что в данном случае суд принимает такое решение. Но с инициативой кто выходит? Следователь. Будет персональная ответственность следователя, который будет расследовать ту или иную категорию уголовных дел» [9]. Исходя из вышесказанной точки зрения, возникает мнение, что в данном случае теперь должна наступить ответственность следователя за все стадии уголовного преследования, и прокурор — как основной субъект надзора, не должен нести ответственность за поддержание государственного обвинения в суде, при этом, не зная сути материалов дела на практике.

Стоит также согласиться с мнением Владимира Маркина (бывший представитель СМИ Следственного Комитета при прокуратуре РФ), который пояснил что это «большое доверие и одновременно и большая ответственность следователя. Это в комплексе с повышением принципиальности прокурорского надзора позволит, на наш взгляд, обеспечить дополнительные гарантии соблюдения прав всех участников уголовного процесса» [9].

На наш взгляд, в качестве альтернативы необходимо в Уголовно-процессуальном кодексе предусмотреть право поддержания государственного обвинения в суде представителями органов предварительного расследования. По сложным уголовным делам орган расследования, владея большей информацией, сможет поддержать обвинение более качественно, чем государственный обвинитель.

Генеральный прокурор РФ как субъект права законодательной инициативы

Гаврильев Александр Андреевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В данной статье рассматривается вопрос о наделении правом законодательной инициативы Генерального прокурора РФ, а также реализация им правотворческих функций, закрепленными в Федеральном законе от 17.01.1992 года «О прокуратуре Российской Федерации». Как показывает практика, благодаря участию прокуроров в правотворческой деятельности, активно обеспечиваются реализация прав и свобод человека и гражданина, гарантируется их защита прав и законных интересов. Рассматриваются некоторые аспекты участия органов прокуратуры РФ в правотворчестве. Представляется необходимость расширить полномочия прокуроров субъектов в части дачи им права законодательной инициативы. В силу конституционно-правового статуса прокуратуры РФ обособляется вопрос о необязательности согласования законопроектов органов прокуратуры с субъектами законодательной инициативы указанные в 104 статье Конституции РФ. Доказано, что в случае закрепления в Конституции РФ право на законодательную инициативу Генерального прокурора РФ, исходящие от него акты могут быть обоснованы готовившими их работниками прокуратуры, знакомыми с правовыми реалиями и поскольку прокуратура, как никакой другой орган государства, осведомлена о состоянии законности, возможных законодательных пробелах и упущениях, и о реальном действии законов в стране, их соответствии жизненным потребностям.

Состояние действующего российского законодательства характеризуется как позитивными, так и негативными тенденциями. Среди многих ученых-конституционалистов, а также законодателями уже давно рассматривается вопрос об отсутствии законодательной инициативы у Генерального прокурора РФ и органов прокуратуры в целом. Если обратиться к зарубежной практике, то прокуратура занимает разнообразное место в системе разделения властей — она относится либо же к исполнительной, либо к судебной. Из этого видно, что, к примеру, в Соединенных Штатах и Германии определено правовое положение и место прокуратуры в системе органов государственной власти. Но в Российской Федерации она не относится ни к одной из ветвей. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что прокуратура РФ занимает важное и особое место в системе разделения властей, и ее скорее относят к прокурорской или контрольно-надзорной ветви власти, и обладает особыми функциями и компетенцией, обеспечивающие правильное функционирование системы сдержек и противовесов [8].

Согласно статье 94 Конституции РФ, законодательную деятельность осуществляет Федеральное собрание [1]. Прокуратура не входит в законодательную ветвь власти. И поэтому главным участником законодательного процесса можно назвать Федеральное собрание, потому как только оно вправе принимать федеральные конституционные и федеральные законы, которые имеют высшую юридическую силу и прямое их действие на всей территории Российской Федерации. В прокурорской практике нередко можно встретить такие случаи, когда от палат Федерального собрания поступают ряд предложений, проектов, которые передаются в надзорные подразделения Генеральной прокуратуры РФ на правовой анализ и доработку. Согласно статье 12 Федерального закона «О прокуратуре РФ», Генеральной прокурор выступает перед палатами Федерального собрания с докладом о состоянии законности и правопорядка и о проделанной работе по их укреплению, анализирует действующее законодательство, предлагая меры, направленные на улучшение регулирования надзорных и поднадзорных правоотношений, и анализируют доклад с целью подготовки предложений по совершенствованию и изменению законодательства.

Однако статья 104 Конституция РФ не относит в качестве субъекта законодательной инициативы Генерального прокурора РФ, но вместе с этим наделяет этим правом Конституционный и Верховный суд по вопросам их ведения. Право законодательной инициативы Конституционного и Верховного суда на основе обобщения судебной практики, а также практики применения судами нормативно-правовых актов позволяет вносить предложения по изменению и совершенствованию законодательства. На сегодняшний день, постановления высших судов, практики расценивают это как общеобязательные нормы, как источник права. И в этом случае право законодательной инициативы у Конституционного и Верховного Суда является верным и правильным решением.

Прокуратура в Российской Федерации представляет собой единую централизованную систему органов, осуществляющих наряду с другими функциями, прежде всего надзор за исполнением законов, действующих на территории РФ [9]. Надзор за исполнением законов составляет ведущую отрасль прокурорского надзора, так как гарантирует соблюдение Конституции РФ и законов, вместе с тем с его помощью реализуется наиболее широкий круг полномочий по обеспечению и укреплению законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина [10]. Согласно Федеральному закону «О прокуратуре РФ», прокуроры, реализуя свои полномочия и выявляя потребности в правовом регулировании общественных отношений или определенные пробелы, а иногда и коллизии в законодательстве, имеют право вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативой предложения об изменении, дополнении или отмене законов и иных нормативно-правовых актов [2].

Анализ Федерального закона дает четкую возможность констатировать, что участие органов прокуратуры в правотворческой деятельности осуществляется посредством трех форм: в форме внесения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов; в форме проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов; в форме издания подзаконных нормативных правовых актов.

К слову, в Приказе Генпрокуратуры России от 24.11.2008 N243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления», дается четкое указание о том, что прокурорам субъектов РФ следует обеспечить эффективное участие органов прокуратуры в законотворческой деятельности, а также активнее использовать право законодательной инициативы для внесения в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации предложений об изменении и о дополнении регионального законодательства по актуальным направлениям борьбы с преступностью, обеспечения законности, защиты прав и законных интересов граждан [6].

Наделение Генерального прокурора РФ, прокуратур субъектов, районов и городов правом законодательной инициативы поспособствовало бы решению многих проблем. Часто законодательство не успевает за изменением самих общественных отношений, а также их форм организации и видов, на практике возникают пробелы в законодательстве, которые своевременное вмешательство органов прокуратуры могло бы решить. Например, в Республике Саха (Якутия) согласно Информации о состоянии законности и правопорядка по итогам 2016 года, в связи с бездействием по исполнению федеральных законов, их неверным толкованием и другим причинам оспорено 1176 муниципальных (АППГ — 1075) нормативных актов. Количество приведенных в соответствие с федеральным законодательством муниципальных актов по требованиям прокуроров свидетельствует о наличии серьезных недостатков на стадии их разработки и принятия. Конструктивному взаимодействию органов прокуратуры и местного самоуправления препятствуют факты неисполнения главами муниципальных образований обязанностей по направлению текстов нормативных актов для включения в регистр, размещению обязательной информации и документов на официальных сайтах. Кроме того, проведенный прокуратурой республики анализ показал, что причиной высокого количества ежегодно выявляемых незаконных актов является отсутствие у прокурора республики Саха (Якутия) права законодательной инициативы, а также факты неполноты и ненадлежащего осуществления повторной юридической экспертизы нормативных правовых актов отделом законодательства субъектов Российской Федерации, федерального регистра и регистрации уставов муниципальных образований по Республике Саха (Якутия) Управления, Министерства Юстиции РФ по Дальневосточному федеральному округу [12].

Стоит отметить, что в соответствии со статьей 6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» конституцией субъекта право законодательной инициативы может быть предоставлено иным субъектам. В настоящее время в целом ряде субъектов право законодательной инициативы представляют прокурорам субъектов, районов и городов. Это право предоставлено, например, в Свердловской, Новгородской, Магаданской областях; республика Бурятия. В каждом субъекте по-разному реализуют данную норму. В отдельных регионах это право пред-

ставляется органам прокуратуры областного уровня, в других же напрямую руководителям этих прокуратур. Тем не менее, следует признать, что существует необходимость единства реализации данной нормы, а также внесение изменения в Федеральный закон [3], где надлежит указать наряду с уже перечисленными субъектами и органы прокуратуры.

Стоит обратить также внимание на то, что до принятия в 1993 году Конституции Генеральный прокурор СССР обладал законодательной инициативой. В соответствии со ст. 165 Конституции СССР 1977 г. Генеральный прокурор СССР назначался Верховным Советом СССР, был ответствен перед ним, а в период между сессиями Верховного Совета — перед Президиумом Верховного Совета СССР. Статья 113 Конституции предоставляла также Генеральному прокурору СССР право законодательной инициативы в Верховном Совете [7].

Законодательная инициатива — прежде всего, является обязательной и начальной стадией законодательного процесса и Генеральный прокурор, по моему мнению, не должен находиться в стороне от законотворчества. Некоторые авторы склоняются к тому, чтобы вернуть Генеральному прокурору конституционное право законодательной инициативы, максимально упростить процедуру взаимодействия с законодательными органами. Наличие у него такого права порождало бы обязанность законодательных органов рассмотреть и обсудить вопрос о принятии законопроекта или предлагаемых изменений в законодательстве.

Таким образом, в сфере правотворчества усилия прокуроров сосредоточены на предупреждении нарушений уже на этапе разработки и принятия нормативных положений. Данное введение поспособствует своевременному повышению качества российского законодательства РФ в целом, существенно снизит нагрузку на надзорные ведомства, как самой прокуратуры, так и иных контрольно-надзорных органов, предупреждающие деятельность прокуроров, связанную с поступлением в суд протестов и заявлений о признании незаконными нормативно-правовые акты [4].

Во многом это происходит благодаря принятию Положения «Об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации». В нём устанавливаются постулаты, на основе которых организуется работа в рассматриваемой сфере. Особое внимание в данном нормативном акте уделено процессу подготовки законопроектов [5].

Органами прокуратуры проводится огромная работа по предотвращению принятия незаконных нормативных актов на всех уровнях. Так за 2017 год внесено около 400тыс протестов [11]. Большая часть выявляемых актов относится к правотворчеству органов местного самоуправления. И тем не менее, этот факт не умаляет значимости проводимых прокурорами мероприятий на уровне правотворчества государственных органов.

В связи с вышеперечисленными факторами очевидно, что требуется дальнейшее развитие и расширение полномочий прокуратуры в сфере правотворчества. На сегодняшний день Конституция РФ в ч. 1 ст. 104 к субъектам законодательной инициативы относит Президента РФ, Совет Федерации, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, Конституционный Суд и Верховный Суд. Исходя из вышеперечисленных аргументов, представляется необхо-

димым поставить вопрос о включении Генерального прокурора РФ в данный список. Сотрудниками правового управления Генеральной прокуратуры РФ, осуществляющими надзор за применением норм права и их реализацией в реальной действительности, накоплен значительный опыт в подготовке законопроектов. Данная деятельность выступает основным элементом государственного механизма правотворчества.

В Российской Федерации нет органа, применяющего законы и иные подзаконные акты в столь значительном объеме. Соответственно, можно утверждать, что в случае закрепления в Конституции РФ права на законодательную инициативу Генерального прокурора РФ, исходящие от него акты могут быть обоснованы готовившими их работниками прокуратуры, и более знакомыми с правовыми реалиями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N47, ст. 4472,
3. Федеральный закон от 06.10.1999 N184-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов // »Собрание законодательства РФ», 18.10.1999, N42, ст. 5005,
4. Постановление СФ ФС РФ от 26.05.2010 N199-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года »О состоянии законодательства в Российской Федерации« // Собрание законодательства РФ», 31.05.2010, N22, ст. 2716
5. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2007 N144 (ред. от 06.02.2013) «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — <http://genproc.gov.ru/stat/data/80780/>
6. Приказ Генпрокуратуры России от 24.11.2008 N243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» // «Законность», N4, 2009.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // «Ведомости ВС СССР», 1977, N41, ст. 617
8. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. // С. А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 864 с
9. Кехлеров с. Г., Капинус О. С. Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 1 // под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус; науч. ред. А. Ю. Винокуров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 429 с.
10. Сухарева А. Я. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 480 с.
11. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: <https://genproc.gov.ru>
12. Официальный сайт Прокуратуры Республики Саха (Якутия) // URL: <http://proksakha.ru/prokuratura-razyasnyaet/informaciya-o-sostoyanii-zakonnosti-pravoporyadka-obespecheniya-osnovnykh-garantij-i-socialnykh-prav-grazhdan-v-respublike-sakha-yakutiya-po-itogam-2016-goda/>

Прокурорский надзор при применении мер уголовно-процессуального принуждения

Гарифуллина Аделя Ленаровна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматривается роль прокуратуры при избрании меры уголовно-процессуального принуждения.

Ключевые слова: Российская Федерация, прокурорский надзор, Уголовно-процессуальный кодекс, избрание меры пресечения, мера пресечения, свобода человека.

Прокурорский надзор — специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на ее территории. [1, с. 9]

Прокурорский надзор осуществляется от имени государства — Российской Федерации. Важность этого положения заключается в том, что прокурор, осуществляя надзор, представляет и защищает общественные интересы не от имени отдельных органов местного самоуправления, субъектов фе-

дерации или иной представительной, исполнительной или судебной власти, а в совокупности всех их, объединяемых общей системой государства, приводя таким образом интересы отдельных органов, организаций, учреждений, должностных или физических лиц в соответствие с интересами государства в целом. [1, с. 9]

Согласно части 5 статьи 129 Конституции Российской Федерации установлено, что полномочия и порядок деятельности прокуратуры определяется федеральным законом. Отсюда же вытекает, что деятельность органов прокуратуры регламентируется Федеральным законом от 17.01.1992 N2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В соответствии с частью 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определен круг деятельности органов прокуратуры РФ [2], согласно которой прокуратура РФ осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, к числу которых входит и надзор при применении мер уголовно-процессуального принуждения, которые отражены, непосредственно, в главе 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На сегодняшний день, согласно главе 4 Уголовно-процессуального кодекса РФ закреплены 8 мер пресечения, среди которых заключение под стражу является самой строгой. В связи с тем, что заключение под стражу ограничивает конституционные права человека и гражданина, назначить такую меру пресечения на практике довольно непросто. Для этого необходимыми условиями для назначения указанной меры пресечения являются: совершения преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; избрание иной, более гуманной меры пресечения является невозможным. Отличие меры пресечения в виде заключения под стражу отличается от других мер в первую очередь тем, что избирается только судом, а также в судебном заседании участвует прокурор. По данной мере пресечения сложилось немало судебной практики, на основании которых лицо, обвиняемое или подозреваемое в совершении какого-либо преступления длительное время содержалось под стражей до суда. (Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 «Дело »Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» (жалоба N47095/99) Условия содержания под стражей: нарушена Статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Таким образом, следует сделать вывод в части необходимости прокурорского надзора на досудебной стадии в вопросе правомерности избрания меры пресечения. При назначении меры пресечения в виде заключения под стражу необходимости придерживаться позиции Верховного Суд РФ, который ссылается на необходимость обсуждения вопроса о возможности избрания более мягкой меры пресечения.

Как следует из пункта 1.7 Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 N544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» Прокуратура РФ, в том числе прокуроры, обязаны своевременно реагировать на необоснованное и незаконное применение к подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения [3]. То есть, на досудебной стадии прокурор выступает в качестве гаранта конституционных прав и свобод

человека и гражданина. Прокурор, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в судебном порядке, может обжаловать данное решение ввиду отсутствия обоснованности и законности избрания данной строгой меры пресечения. Прокурор должен рассматривать мотивированность данного решения органами следствия, дознания, а в случае неправомочности избрания данной меры, ходатайствовать об ее смягчении. В случае, если прокурор будет правомерно рассматривать ходатайство следователей, дознавателей об избрании меры пресечения, уменьшится количество обжалуемых решений.

Таким образом, предметом прокурорского надзора, в первую очередь, является соблюдение прав и обязанностей лиц, к которым, непосредственно применяются меры уголовно-процессуального принуждения. Также органы прокуратуры должны проверять обоснованность и мотивированность содержания лиц в изоляторах временного содержания, а также условиях, порядок содержания обвиняемых или подозреваемых в данных местах.

Одним из основных и важных направлений деятельности органов прокуратуры является надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел. Порядок и условия содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в местах заключения, их права и обязанности регламентируются Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [4], а также постановлением Правительства РФ от 11.04.2005 № 205. [5]

Согласно пункту 1.4 Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» [6] при проверках законности задержания граждан по подозрению в совершении преступлений и их пребывания в изоляторах временного содержания в каждом случае необходимо выяснять основания и мотивы такого решения, проверять соблюдение прав подозреваемых. В случае обнаружения у задержанного телесных повреждений, получения сведений о незаконном задержании либо применении к лицу незаконных методов ведения следствия предписано организовать проверку, а при наличии оснований выносить мотивированное постановление и направлять материалы для решения вопроса об уголовном преследовании в соответствующий следственный орган. [6]

Прокуроры при избрании меры пресечения обязаны учитывать в первую очередь имеющиеся для этого основания, предусмотренные ст. 89, 91, ч. 1 ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса, руководствоваться перечнем преступлений, указанных в ч. 2 ст. 96 УПК, объективно рассматривать вопросы применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних лиц, вопросы о применении мер пресечения в отношении лиц со слабым здоровьем, пожилого возраста, а также женщин. [7]

Осуществляя надзор за законностью применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, прокурор должен руководствоваться перечнем тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или об-

виняемых в совершении преступлений, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации [5], проверять, имеется ли в материалах дела медицинское заключение установленной формы о наличии (отсутствии) у лица тяжелого заболевания. При выявлении нарушений федерального законодательства незамедлительно принимать необходимые меры прокурорского реагирования. Так, в решении Европейского суда по делу «Арутюнян против Российской Федерации» было установлено нарушение ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с содержанием заявителя под стражей в обычном следственном изоляторе, несмотря на наличие инвалидности, ряда медицинских проблем, включая крайне слабое зрение, нефункционирующий трансплантат почки, тяжелую форму инсулинового сахарного диабета и чрезмерное ожирение [8].

В каждом случае установления предусмотренных законом оснований прокурор должен принимать меры к своевременному обжалованию в апелляционном и кассационном порядке решений суда, принятых по ходатайствам об избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, а также о производстве иных мер процессуального принуждения, которые допускаются на основании судебного решения.

При освобождении из-под стражи лиц, в отношении которых избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, а затем уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено по реабилитирующим основаниям или судом постановлен оправдательный приговор, не позднее 10 дней со дня принятия окончательного решения по делу прокурор обязан

проводить проверку и составлять мотивированное заключение о законности и обоснованности процессуальной позиции прокурора, поддержавшего в суде ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока содержания под стражей.

Вышестоящие прокуроры должны рассматривать вопрос о необходимости принятия мер реагирования на нарушения, допущенные следователем, руководителем следственного органа и прокурором, участвовавшим в рассмотрении ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения, а также утвердившим обвинительное заключение.

В целях соблюдения интересов участников уголовного судопроизводства стоит учитывать требования, предусмотренные законодателем в статье 99 Уголовно-процессуального кодекса, а именно: состояние здоровья, тяжесть преступления, семейное положение и иные сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, такие как его возраст, род занятий и прочие. Это обеспечивает соблюдение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, который декларируется в статье 11 Уголовно-процессуального кодекса.

Таким образом, прокурор как участник уголовного судопроизводства играет основополагающую роль в определении мер уголовно-процессуального пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых, а также тех или иных лиц, участвующих в деле. От действий прокурора зависит соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, от мотивированности, законности действий прокурора зависит также авторитет и влияние Прокуратуры РФ.

Литература:

1. Винокурова, Ю.Е. Прокурорский надзор / Ю.Е. Винокурова. — 6-е изд. — Москва: Высшее образование, 2005. — 464 с. — Текст: непосредственный.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 21.02.2022).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 N544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/ (дата обращения: 21.02.2022).
4. Федеральный закон от 15.07.1995 N103-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/ (дата обращения: 21.02.2022).
5. Постановление Правительства РФ от 11.04.2005 N205 (ред. от 24.08.2020) «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52811/ (дата обращения: 21.02.2022).
6. Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2007 N189 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 21.02.2022).
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.02.2022).

8. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 «Дело »Арутюнян (Arutyunyan) против Российской Федерации» (жалоба N48977/09) По делу обжалуются негуманные условия содержания лица под стражей в следственном изоляторе, не приспособленном для инвалидов-колясочников, а также незаконный характер и чрезмерная длительность содержания под стражей до суда. По делу нарушены требования статьи 3 и пункта 1 статьи 5, но не нарушены требования пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод..— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=281672#hqAJ9ySIId7V sai9q> (дата обращения: 21.02.2022).

Становление жилищного права в России

Грязнухина Снежанна Германовна, студент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Настоящая статья посвящена современной и очень актуальной теме — месту жилищного права в системе права Российской Федерации. По вопросу о месте жилищного права в системе права дискуссии в научной литературе нашей страны длятся на протяжении нескольких последних десятилетий. При представляющей на первый взгляд чисто теоретической теме статья, несомненно, важна для практикующего юриста, так как создание законодательства в сфере частного права должно соответствовать теоретическим основам юриспруденции. В настоящей статье исследуется процесс формирования жилищного права как отрасли законодательства в нашей стране. Также рассмотрены и проанализированы различные позиции о природе жилищного права, сделан вывод о его месте в системе права Российской Федерации. Рассмотрены три различные системы правового регулирования удовлетворения гражданами своих жилищных потребностей, существовавшие в России на протяжении XX века. Различия этих систем были обусловлены кардинальными изменениями в структуре собственности, в принципах устройства публичной власти и в системе функций нашего государства в прошлом столетии.

Ключевые слова: гражданское право, жилищное право, жилищное законодательство, жилищная кооперация, жилищные отношения, методология права, отрасль права, система права, формирование жилищного права.

Formation of housing law in Russia

This article is devoted to a modern and very relevant topic — the place of housing law in the legal system of the Russian Federation. On the question of the place of housing law in the system of law, discussions in the scientific literature of our country have been going on for the past few decades. Given the seemingly purely theoretical topic, the article is undoubtedly important for a practicing lawyer, since the creation of legislation in the field of private law must comply with the theoretical foundations of jurisprudence. This article examines the process of formation of housing law as a branch of legislation in our country. Various positions on the nature of housing law are also considered and analyzed, a conclusion is made about its place in the system of law of the Russian Federation. Three different systems of legal regulation of citizens' satisfaction of their housing needs that existed in Russia during the 20th century are considered. The differences between these systems were due to fundamental changes in the structure of ownership, in the principles of the structure of public authority and in the system of functions of our state in the last century.

Keywords: civil law, housing law, housing legislation, housing cooperation, housing relations, methodology of law, branch of law, system of law, formation of housing law.

В настоящее время под жилищным правом понимается совокупность норм, которые регулируют жилищные отношения. Под жилищным правоотношением понимается правоотношение, объектом которого всегда выступает жилое помещение. При этом жилищные правоотношения могут возникать из разных оснований, и, следовательно, субъектный состав и содержание таких правоотношений также различаются. Иными словами, жилищные отношения возникают и существуют в процессе удовлетворения гражданами своих жилищных потребностей.

Можно считать, что в России существовали несколько периодов становления жилищного права, считаются разные системы удовлетворения гражданами своих жилищных потреб-

ностей. Различия в периодах обусловлены тем, что бывали изменения в структуре собственности, принципов жилищной политики и в общем функции государства.

До сентября 1917 г. в России жилищные отношения регулировались частным правом, характеризовалось бессистемностью и представляли собой, в основном, отношения по купле-продаже жилья, найма жилых помещений, строительству индивидуальных жилых домов. Граждане решали свои жилищные отношения и проблемы самостоятельно, без решения местного самоуправления и государства в целом. В то время это было стандартное положение дел не только в России, но и в других государствах [5].

И только в советский период было создано жилищное законодательство, а в научных изданиях уже активно начали обсуждать вопросы о месте жилищного законодательства в системе общего права. В данном периоде создание и формирование советского жилищного права представляется возможностью условно разделить этот период на три этапа.

Первый этап жилищного права формировался в 1917–1920 гг. в СССР и с этого и начинается период создания советского права. Формирование советского права шло вместе со становлением советского государства и также характеризовалось отказом от дореволюционной правовой системы. Во время становления советского государства считалось, что правовое отношение в дореволюционной России никак не может соответствовать принципам построения государства нового типа, следовательно, не может

применяться и старая правовая система. Основным источником права являются работы П. И. Стучки, главы первого советского правительства Латвийской социалистической советской республики. Он определял революционное правосознание как «внутренне убеждение сначала отдельных лиц, а далее групп, целого класса и, наконец, целого человечества». При этом утверждал, что революционное правосознание выступает «мерилом, насколько каждый данный старый закон или обычай должен считаться отмененным или измененным». И все-таки применение старого, дореволюционного, законодательства допускалось, но только иногда и в очень ограниченных пределах [7].

На данном историческом периоде основным направлением жилищной политики советского государства является национализация жилищного фонда страны. Одними из первых законов, принятых в советское время, были Декрет СНК от 14 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью», Декрет СНК РСФСР от 23 ноября (6 декабря) 1917 г. «Об отмене частной собственности на городские недвижимости». Также 20 августа 1918 г. был принят Декрет ВЦИК об отмене частной собственности на недвижимость в городах. В результате национализации право собственности на жилые помещения перешло к праву собственности государства, которое административным путем распределяло существовавший жилищный фонд.

В 1918 г. была принята Конституция РСФСР, которая закрепила право собственности национализированного имущества за государством. Таким образом, право собственности на жилые помещения, находящиеся в частной собственности граждан и юридических лиц, было в значительной степени ликвидировано. Для того, чтобы правильно распределить жилой фонд государства был принят Декрет СНК от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» [3]. Разные льготы распространялись на инвалидов труда, войны и лиц, находящихся на их иждивении.

В 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР и в одно время произошло формирование правовых институтов, они регламентировали правоотношения по жилым помещениям. К данному институту относились аренда, залог имущества и купли-продажи жилищных строений, также застройка и имущественный (жилищный) найм. Уже с этого момента в состав

жилищного законодательства начали включать нормативные правовые акты (далее — НПА), регулирующие правоотношения, объектом которого выступало жилое помещение.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в России положено начало формирования национальной государственной системы для потребности населения в жилье.

Третий этап становления жилищного права начинается с 1977 по 1991 гг. Этот период представляет собой период более четкой систематизации и упорядочению нормативных правовых актов по жилищной политике. Упомянулось, что жилищное законодательство состояло из различных норм отраслей законодательства.

В 1977 г. провозгласили конституционное право граждан СССР на жилье, что предопределило иной уровень правового регулирования жилищных отношений. Конституция СССР, принятая Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. закрепила главные идеи жилищного законодательства того времени, т.е. это бесплатное предоставление государственного жилья и распределение жилищного фонда в соответствии с нормами того времени административного права. Таким образом начинается формирование конституционной основы для дальнейшего развития жилищной политики и законодательства в России. По мнению С. Б. Верещак, принятие данного основного закона положило начало формированию самостоятельной отрасли жилищного законодательства, получается формально жилищное право юридически выражает [4].

24 июня 1983 г. утвердили первый Жилищный кодекс РСФСР. Таким образом, наши законодатели однозначно признали жилищные отношения самостоятельными. После принятия Жилищного кодекса были скорректированы некоторые главы Гражданского кодекса, а некоторые полностью переместились однозначно в Жилищный кодекс РСФСР. Нужно отметить, что дискуссии по данному вопросу до сих пор продолжаются.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что если имеется наличие законодательства по данному отношению, то это не обязательно должно быть самостоятельной отраслью. На данный момент не сформировали жилищное право как самостоятельная отрасль права, и до сих пор жилищное право существует как подотрасль гражданского права. Данную позицию разделяют многие наши отечественные ученые.

В соответствии вышесказанному, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Жилищное законодательство существует как самостоятельная отрасль законодательства, что подтверждает пункт «к» статьи 72 Конституции Российской Федерации.
2. Жилищное право в России не является самостоятельной отраслью права и представляет подотрасль гражданского права с более уточненным содержанием нормативных норм. Это можно объяснить значением жилого помещения по жилищным правоотношениям для граждан и общества в целом.
3. Жилищное право в юридическом образовании может представлять собой специальную учебную дисциплину. В процессе изучения этой учебной дисциплины, помимо изучения гражданского права, необходимо изучить иные отрасли права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Жилищный кодекс РСФСР.
3. Декрет СНК от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 70. Ст. 903. (документ утратил силу).
4. Верещак С. Б. История развития жилищного права в России советского периода (1917–1985 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3.
5. Вишневская И. С., Селиванова Е. С. Жилищное право. М., 2010.
6. Корнеев С. М. Гражданское право России при переходе к рынку. М., 1995.
7. Суханов Е. А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права от 4 октября 2010 г. // <http://www.privlaw.ru>

Наследственные права внуков

Гузелевич Анастасия Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Макаревич Марина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

В статье авторы пытаются определить особенности правового статуса внуков при наследовании.

Ключевые слова: институт наследования по закону, право представления, внуки.

Отечественное наследственное право неоднократно подвергалось реформированию. Многие законодательные предписания прекращали свое действие, а потом вводились вновь и становились объектом анализа и критики со стороны цивилистов. Следует отметить, что существование некоторых положений, регулирующих наследственные правоотношения, остается неизменным. Однако нельзя назвать справедливыми нормы, определяющие наследственные права внуков при наследовании по закону.

Часть 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая была принята в 2001 году, регламентирует призвание внуков к наследованию по закону в качестве наследника по праву представления. Данное основание представляет собой переход имущества наследодателя к прямым потомкам по нисходящей линии родства порядке универсального правопреемства в размере доли, которая причиталась бы их предку по восходящей линии родства, умершему до открытия наследства или одновременно с наследодателем. В случае, если призвано нескольких потомков, доля представляемого наследника делится между ними поровну. Действующее законодательство не допускает наследование по праву представления потомками наследника, лишенного наследства, а также наследника, который на основании недостойности не имеет права наследовать.

Подход законодателя, связанный с включением правил о представляющих наследниках в статьи определения очередности наследников по закону, не получил в юридической науке однозначной оценки. Так, например, Суханов Е. А. считает: «Наследники по праву представления не входят ни в одну очередь наследования, поскольку для установления их правопреемства недостаточно отсутствия наследников предшествующей

очереди» [5, с. 183]. Хаскельберг Б. Л. же согласен лишь частично с указанным мнением, уточняя: «Правила о представляющих наследниках расположены в статьях, устанавливающих законных наследников первой, второй и третьей очереди, а наследник по праву представления из указанных очередей устраняет наследников последующих очередей от призвания к наследованию» [10, с. 228, 229]. Шилов О. Ю. придерживается противоположной позиции: «Законодатель оправданно поместил наследников по праву представления в статьи о соответствующих очередях» [12, с. 95]. Мы выражаем солидарность с данным мнением, поскольку благодаря принципу близости родства к наследодателю представляющие наследники находятся в этих очередях. Однако нормативное предписание законодателя зачастую не подлежит буквальному толкованию судами.

В судебной практике распространены случаи, когда несовершеннолетние дети после смерти родителей оказываются на воспитании бабушек и дедушек, проживают с ними и, следовательно, фактически становятся нетрудоспособными иждивенцами. Национальное законодательство разделяет данную категорию лиц на две группы: лица, включенные в число наследников со второй по седьмую очередь, но, соответственно, не входящие в призванную очередь и систематически получающие содержание от наследодателя, которое является основным источником к существованию. Вторую группу составляют нетрудоспособные иждивенцы, не входящие ни в одну очередь наследования, находящиеся на иждивении наследодателя не менее года, включая день его смерти, а также прожи-

вающие с ним. В случае, если есть несколько представленных сонаследников-внуков, но только один из них находится на иждивении у бабушки или дедушки, такой внук может претендовать на свои права исключительно как представленный наследник. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года статьей 532 регламентировал, что при наличии других наследников нетрудоспособные иждивенцы наследовали наравне с призванными наследниками соответствующей очереди.

Следовательно, призванный в качестве нетрудоспособного иждивенца внук получает долю большего размера, нежели представленный наследник. Возникают дискуссии о том, что внуки могли бы одновременно являться наследниками по праву представления и иметь статус нетрудоспособного иждивенца. Серебровский В. И. в своих работах выделял: «Следует отдавать предпочтение призванию в качестве иждивенца как бесспорному основанию, которое имело бы место и в том случае, если бы представляемый наследник был жив на момент смерти наследодателя» [9, с. 108].

Правила, которые предусмотрены в п. 1 ст. 1146 ГК РФ и п. 1 ст. 1148 ГК РФ, несут исключение подобных ситуаций. Законодатель, определяя круг лиц, имеющих право наследования в качестве нетрудоспособных иждивенцев, ссылается на наследников по закону, оглашенных в ст. 1143–1145 ГК РФ, не упоминая ст. 1142 ГК РФ. Таким образом, внуки наследодателя, де факто удовлетворяя критериям, утвержденным для нетрудоспособных иждивенцев, имеют наследственные права исключительно по праву представления.

В ситуации, когда лишь один внук, сложностей не возникает, поскольку размер причитающейся ему доли не изменится. При призвании нескольких представленных наследников доля внука — нетрудоспособного иждивенца окажется значительно меньше.

Вследствие чего правовой статус внуков трудно отнести к категориям справедливости, так как с процедурой открытия наследства находящиеся на иждивении наследодателя внуки фактически лишаются средств к существованию.

Как нами было отмечено, пункт 1 статьи 1148 ГК РФ призывает к наследованию лиц, относящихся ко второй по седьмую очередь включительно, внуки же к ним отношения не имеют. В силу пункта 2 настоящей статьи могут быть призваны не связанные с наследодателем ни кровными, ни брачными, ни семейными (родственными) узами лица, но при этом проживающие с ним. Следовательно, опуская факт о том, что их родитель жив, внуки, имеют гораздо худшее положение в сравнении с остальными наследниками по закону.

Маковский А. Л. не смог обойти данную проблему стороной, полагая, что внуки должны призываться к наследованию на основании пункта 2 статьи 1148 ГК РФ [5, там же]. Шелютто М. Л., в свою очередь, считает, что необходимостью отнесение внуков к указанным в пункте 1 данной статьи лицам [6, с. 149].

Исходя из буквального толкования норм статьи 1148 Гражданского кодекса следует, что внуки имеют право наследования в качестве нетрудоспособных иждивенцев. Соответственно, улучшить положение внуков возможно лишь в связи с внесением изменений в национальное законодательство. Коррективы отразил Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 9, мо-

тивизируя тем, что необходимо применение аналогии закона, так как внуки наследуют на основании п. 1 ст. 6 и п. 1 ст. 1148 ГК РФ, независимо от совместного проживания с наследодателем. В данном разъяснении суд наделил себя законотворческой функцией, что может быть оценено как нарушение зафиксированного в Конституции РФ принципа разделения властей.

В настоящий момент Верховный Суд РФ еще не дал разъяснений относительно ситуации, когда внук имеет право наследования и по праву представления, и в качестве нетрудоспособного иждивенца. Вследствие чего научные деятели вынуждены применять правотворческую функцию. Так, например, Шилохвост О. Ю. выносит следующее предложение: при наличии обстоятельств, позволяющих лицу наследовать по праву представления и в качестве нетрудоспособного иждивенца, оно призывалось по второму основанию, поскольку статус иждивенца предусматривает получение доли в наследстве в более крупном размере независимо от степени родства, так как наследники по праву представления из первых трех очередей наследования могут быть устранены не только представляющими наследниками, но и наследниками предшествующей очереди [12, там же].

Следующей проблемой, нерешенной на законодательном уровне, является определение юридического статуса внуков при непринятии наследства или отказе от наследства. В случае, если дети не выразили свою волю ни формальными, ни фактическими действиями, право на принятие наследства не переходит к внукам, поскольку те призываются по праву представления; данное право переходит к последующим наследникам. Является очевидным нарушение формирования очередности в зависимости от степени родства, и внуки из-за поступков своих родителей претерпевают ограничения в материальной составляющей.

Направленный отказ в пользу внуков применим в случае, когда последние призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии. Буквальное толкование данного правила гласит, что отказ от наследства допустим в пользу наследников любой очереди, независимо от призвания к наследованию; в пользу внуков возможен отказ, если те «призваны к наследованию». Разумеется, за исключением случаев призвания внуков к наследованию по завещанию или в качестве нетрудоспособных иждивенцев. Можно прийти к выводу, что родитель не может отказаться от наследства в пользу своих детей.

Наиболее примечателен проект ГК РФ, опубликованный в 1997 году. Он содержал ст. 1202, допускающую направленный отказ от наследства в пользу внуков наследодателя: «При отказе от наследства наследник вправе указать, что он отказывается от него в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону, в том числе тех, которые наследуют по праву представления». Как нам известно, принятая редакция была изменена и не содержит данную формулировку.

Следующий вопрос, не получивший адекватную регламентированную установку, состоит в п. 2 и 3 ст. 1146 ГК РФ. Согласно указанным положениям, потомки наследника по закону, лишенного наследства, или наследника, который умер еще при жизни наследодателя или одновременно с ним, но не имел бы права наследовать как недостойный наследник, не имеют права

наследования по праву представления. Указанные правила означают, что законодатель относит право представления к числу производных, а не самостоятельных прав потомков наследника. Останина Е. А. справедливо отмечает в своей работе: «в право представления заложена фикция представительства умершего наследника его потомками, поскольку последние наследуют только тогда, когда бы сам умерший наследник имел право наследования, то есть не был лишен завещанием своего наследственного права или не являлся бы недостойным наследником» [7, с. 51–60]. Таким образом, наследники по праву представления замещают умершего наследника. Следовательно, институт недостойного наследника не применим для права представления.

Бесспорно, право представления по своей сути не предполагает правопреемства между «недостойным» наследником-родителем и его ребенком. У внука есть собственное наследственное право, он не получает наследственные права родителя. Исходя из идеологии предполагаемой воли наследодателя, представляется, что типичный наследодатель желал бы передать свое имущество внукам даже в том случае, если его ребенок признан недостойным наследником. В сложившейся ситуации есть две стороны: признание недостойности влечет призвание потомков такого наследника либо увеличение размера доли. Вторая сторона сложившейся «медали» говорит о том, что внуки не должны отвечать за поведение своих родителей.

Данный аспект воплощен в законодательствах некоторых зарубежных стран. Например, в силу статьи 755 Гражданского кодекса Французской Республики «наследование по праву представления допускается в пользу детей и родственников по нисходящей линии лица, лишённого права наследования, хотя бы оно и было в живых на момент открытия наследства» [4, с. 547].

Некоторые ученые-цивилисты указывают, при подтверждении фактов особой привязанности и близости отношений исключение наследования внуками в силу с п. 3 ст. 1146 ГК РФ не соответствует принципам правового регулирования общественных отношений, установленных законодателем, и не должно применяться. Представляется, что необходимо внесение корректировок в Гражданский кодекс, отмечая расширение правового статуса внука в связи призыванием по праву представления даже в случаях, когда его родитель лишен наследства или отстранен от него как недостойный наследник.

Некоторые недоумения вызваны встречающимися в судебной практике примерами, при которых наследственная масса передается наследникам последующей очереди, обходя внуков, а при отсутствии таковых, имущество вовсе переходит к государству в качестве выморочного. В данных случаях наследодатель не оставил завещательное распоряжение на случай своей смерти, а его дети признаны пропавшими без вести, но не объявлены умершими, вследствие чего право представления не возникает. При этом последующее объявление наследника умершим повлечет возникновение наследственных прав у внуков в порядке наследственной трансмиссии, но только, если решение суда об объявлении умершим гражданина вступило в законную силу в течение срока принятия наследства.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что регламентированные правила наследования по закону требуют поправок, поскольку предоставляют лицам более отдаленной степени родства больше прав, чем внукам наследодателя. Для динамичного развития наследственных правоотношений необходимо приведение норм в соответствие с принципами справедливости и разумности, а также дальнейшее совершенствование.

Литература:

1. Булаевский, Б. А. Наследственные права внуков / Б. А. Булаевский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 10. — С. 29–32.
2. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1964. — № 24. — Ст. 406.
3. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. 18.03.2019) // Собрание Законодательства РФ. — 03.12.2001 г. — № 49. — Ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011 г.) / Пер. с французского, предисловие, комментарии, примечание В. Н. Захватаева. — Москва, Берлин: Инфортропик Медиа, 2012. — 592 с.
5. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — Москва: Юристъ, 2003. — С. 183–185.
6. Наследственное право / Под ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Волтерс Клувер. — 2005. — С. 149.
7. Останина, Е. А. Некоторые проблемы применения норм об отстранении от наследования недостойных наследников / Е. А. Останина // М.: Закон. — 2017. — № 6. — С. 51–60.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании» № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 26.07.2012 г. — № 7.
9. Серебровский, В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. — М.: Статут, 2003. — С. 108.
10. Хаскельберг, Б. Л. Наследование по праву представления и переход права на принятие наследства / Б. Л. Хаскельберг // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. — М., 2004. — № 3. — С. 228, 229.
11. Шиловост, О. Ю. Наследование по закону в современном российском гражданском праве / О. Ю. Шиловост. — М.: Норма, 2006. — С. 95.

Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа (статья 159.3 УК РФ)

Дзюменко Роман Игоревич, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

В данной статье анализируются отдельные особенности квалификации мошеннических действий с использованием электронных средств платежа, ответственность за которые предусмотрена статьей 159.3 УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, платежная карта.

Peculiarities of qualification of fraud using electronic means of payment (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Dzyumenko Roman Igorevich, student master's degree

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
(St. Petersburg)

The article analyzes certain features of the qualification of fraudulent actions using electronic means of payment, the responsibility for which is provided for by Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: fraud, electronic means of payment, payment card.

С принятием Федерального закона Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], наряду с иными специальными составами, законодатель предусмотрел введение в уголовный закон статьи 159.3, устанавливающей ответственность за мошенничество с использованием платежных карт. Данная новелла была обусловлена необходимостью решения вопросов, связанных с квалификацией хищений, при которых используются указанные средства.

В дальнейшем, с принятием ФЗ № 111-ФЗ, в указанную статью был внесен ряд изменений [2], включая и ее наименование — мошенничество с использованием электронных средств платежа (далее — ЭСП). Соответственно, состоялось расширение понятия средств, с помощью которых совершается рассматриваемое посягательство.

Понятие ЭСП зафиксировано в статье третьей федерального закона, регламентирующего национальную платежную систему, — ФЗ № 161-ФЗ [3]. В соответствии с данной нормой, наряду с пластиковыми картами, ЭСП представлены платежными системами QiwiWallet, Интернет-банк, Webmoney, ЮMoney, Клиент-банк. При этом следует обратить внимание на открытый характер перечня указанных средств платежа.

Исходя из смысла нормы УК РФ, хищение размещенных на банковских счетах средств с использованием карты, которая была подделана или похищена, подлежит квалификации в качестве мошенничества лишь тогда, когда состоялось введение в заблуждение уполномоченного работника организации посредством обмана. Исходя из этого, не является мошенничеством хищение денежных средств с использованием платежной карты, которая была подделана или похищена, если использовался банкомат и при этом работник организации

не принимал участия в выдаче денежных средств в наличной форме [4, с. 104].

Для лица, которое противозаконно приобрело средство обмана — платежную карту — или похитило его, не предусматривается самостоятельная ответственность. В таком случае содеянное может быть квалифицировано в виде подготовки к совершению мошенничества, либо, как это отражено в пункте 18 ППВС от 30.11.2017 № 48, как совокупность покушения на преступление по статье 159.3 и оконченное преступное деяние по статье 187 уголовного закона России.

С принятием ФЗ № 111-ФЗ в статью 158 уголовного закона был включен пункт «г» части третьей. Состоялось введение указания на электронные денежные средства и банковский счет. Законодатель предусмотрел, что соответствующие действия квалифицируются в виде тайного хищения чужого имущества только тогда, когда не имеется признаков предусмотренного статьей 159.3 уголовного закона посягательства. Данные положения детализируются, в частности, в пунктах 25.1 и 25.2 ППВС РФ № 29 [8], а также в пункте 17 ППВС РФ № 48 [9].

Так, суд признал К. в качестве виновной в совершении деяния по пункту «в» части второй статьи 158 уголовного закона. К. получила от А. банковскую карту для снятия с карты трех тысяч рублей. На соответствующую сумму были приобретены алкогольные напитки. После того, как А. употребил данные напитки, он заснул. После пробуждения он пытался найти карту. К. узнала у А. пин-код под предлогом блокировки карты. Далее К. в банкомате ввела данный код и обналичила с карты сто тысяч рублей. Суд обоснованно квалифицировал содеянное по пункту «в» части второй статьи 158 уголовного закона. Умысел К. охватывал хищение всех средств, которые находились на счете принадлежавшей потерпевшему карты [5, с. 113–114].

Представляется обоснованной и квалификация содеянного Г., который был осужден по части третьей статьи 30, пункту «г» части третьей статьи 158 уголовного закона. Гр-н Щ. с использованием банкомата перевел средства со счета принадлежавшей ему карты. При этом Щ. оставил карту в терминале банкомата. На счете карты находились средства Щ. в сумме 154889 руб. Г. увидел карту в терминале, совершил ее тайное хищение для того, чтобы присвоить все находившиеся на счете данной карты средства, приобретая товары в магазинах. Г. с использованием указанной карты и на основе бесконтактной оплаты без пин-кода двадцать три раза приобретал товары с суммой списаний в пределах тысячи рублей [5, с. 115–116].

Указанные положения подтверждаются и другими материалами судебной практики, В частности, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 10-УДП20–1 [6] и Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 мая 2020 г. № 58-УДП20–6 [7].

Традиционный подход к трактовке сущности мошенничества предполагает совершение обмана применительно к законному владельцу или иному владельцу имущества (пункт 2 ППВС РФ № 48). Если обман отсутствует, отсутствует и добровольное совершение сделки. Последний признак присущ лишь мошенничеству.

В случае мошенничества посягающий получает имущество от потерпевшего, и внешне данное получение выступает в качестве добровольного.

В случае, если обман применяется только в виде средства, которое облегчает доступ к имуществу, а не направлен на сознание потерпевшего, содеянное подлежит квалификации в качестве кражи.

Обман в отношении работника банковской, торговой либо другой организации в случае, если для расчетов используется чужая либо поддельная карта, способом изъятия не является, но облегчает доступ к имуществу. Содеянное, соответственно, должно квалифицироваться по статье 158 уголовного закона.

Значительное число операций мошеннического характера осуществляется таким образом, что физическое использование карты отсутствует. Соответственно, требуется определить, каким образом необходимо квалифицировать деяния подобного рода.

Если совершается воздействие в отношении воли лица, являющегося владельцем карты, держателем счета для того,

чтобы получить пин-код и сведения о карте, и при этом виновный злоупотребляет доверием или обманывает потерпевшего, то содеянное подлежит квалификации по статье 159 уголовного закона. В случае перевода денежных средств между счетами, картами в отсутствие карты, но лишь в силу того, что лицо имеет информацию о пин-коде и карте, полученную от потерпевшего путем обмана или злоупотребления доверием, то содеянное будет квалифицировано по одной из частей статьи 158 (пункт 17 ППВС РФ № 48).

Определяя, что мошенник совершил деяние, которое предусмотрено статьей 159.3 уголовного закона, следует четко определиться с умыслом мошенника, на что он был направлен, а также установить признаки объективной стороны мошенничества и то, какой была ее реализация по отношению к жертве преступления.

Резюмируя сказанное, необходимо подвести итоги: активное развитие экономических отношений, выход на более высокий уровень порядка расчетов во всех областях жизнедеятельности государственных институтов и социума, с повсеместным задействованием систем безналичной оплаты растет необходимость в обеспечении защиты хранящихся в электронном виде денег, а также надежности задействования электронных платежных средств; повсеместное использование банковских карт обусловило и появление ранее неизвестных видов преступлений, которые сопряжены с их применением.

Политика, связанная с эффективной реализацией уголовной ответственности в области электронных платежных средств, может достичь успеха в том случае, если в как можно более сжатые сроки разрешить имеющиеся проблемы и обеспечить действенную защиту лиц, вступивших в уголовно-правовые отношения, что, безусловно, связано с различными факторами — экономическими, политическими, организационными и научно-техническими.

Для правильной квалификации действий мошенника по статье 159.3 уголовного закона и отграничения данного состава от смежных составов преступных посягательств — в частности, предусмотренных пунктом «г» части третьей статьи 158 и статьей 159 УК РФ — важным является точное установление:

- направленности умысла мошенника;
- признаков объективной стороны;
- характера их реализации относительно лица, которому

был причинен вред конкретным преступным деянием с использованием ЭСП.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.— URL: <http://base.garant.ru/70268096/> (дата обращения — 16.02.2022).
2. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.— URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1192876/> (дата обращения — 16.02.2022).
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изм. и доп.) // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения — 25.04.2021).
4. Кочой С. М. Новые нормы о мошенничестве в УК: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 4.

5. Маркова Е. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: вопросы теории, практики // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 5 (173).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 10-УДП20-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2021. — № 5. — С. 27.
7. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 мая 2020 г. № 58-УДП20-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2021. — № 7. — С. 27–28.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, февраль 2003 г., № 2.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, февраль 2018 г., № 2.

Понятие наследования

Дюкина Диана Дмитриевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Современное гражданское право предусматривает возможность перехода прав и обязанностей, возникших по договору (или иному основанию) от одного субъекта к другому в порядке наследования, вследствие универсального или сингулярного правопреемства.

Универсальное правопреемство предусматривает переход совокупности прав и обязанностей от правообладателя к правопреемнику как единого неделимого целого. К основаниям универсального правопреемства можно, в частности, отнести смерть гражданина.

Сингулярное правопреемство может быть основано на соглашении сторон, либо на указание закона, при этом к правопреемнику передаются конкретные права и обязанности [4, С. 12].

Каждый человек в течение своей жизни вступает во множество различных правоотношений. Некоторые из правоотношений имеют тесную связь с личностью, например пенсионные правоотношения, и это означает, что изменение субъекта в данных правоотношениях изменяет их сущность, а следовательно, и права, и обязанности. Однако, все правоотношения не могут иметь тесную связь с личностью умершего и могут прекращаться в связи с его смертью: «Человек умер, но потребности жизни не умирают: жизнь непрерывна и требует замены умершего живым, одного поколения другим» [2, С. 5].

На сегодняшний день имущество умершего, его имущественные права и обязанности, а также и некоторые личные неимущественные права становятся неизменными и передаются наследникам благодаря наследованию. И этот процесс означает связь между поколениями людей. Современное право предусматривает наследование по завещанию и по закону.

Анализируя подходы к регулированию наследственных правоотношений по законодательству различных стран, можно выделить два основных подхода:

1. Континентальный подход, характерный и для Российской Федерации, согласно которому наследование рассматривается как универсальное правопреемство. Исходя из этого подхода, наследник, вступая в наследство, принимает его це-

ликом как единое целое, в совокупности прав и обязанностей, принадлежащих наследодателю, невозможно принять часть наследства, либо принять наследство под условием. При этом наследственная масса включает в себя как активы, так и пассивы, принадлежащие наследодателю, что, по нашему мнению, вполне соответствует требованиям современного торгового оборота.

2. Подход, характерный для стран англо-саксонской правовой семьи, в законодательстве этих стран, наследование рассматривается как процесс распределения наследственной массы между наследниками умершего в порядке предусмотренным наследодателем в завещании, а в случае отсутствия последнего, в порядке, предусмотренном законом [6, С. 222].

Таким образом, в странах общего права процесс наследования воспринимается несколько иначе: с точки зрения доктрины в случае смерти наследодателя его личность «ликвидируется», как и принадлежащее ему имущество. В процессе ликвидации имущества осуществляется исполнение обязательств умершего, в результате чего, наследники приобретают чистый остаток, данный процесс именуется администрированием, которое осуществляется с участием судебных органов [1, С. 650].

Таким образом, понятие наследственного правопреемства является характерным только для стран с континентальной системой права, на которые существенное влияние оказало римское право.

Традиционно, рассматривая институт правопреемства, говорят о двух его формах:

1) универсальное правопреемство представляет собой, переход прав и обязанностей от одного лица, к правопреемникам как единого целого, в этом случае правопреемник заменяет личность предшествующего субъекта;

2) сингулярное правопреемство, в свою очередь, может быть основано на соглашении сторон, либо на указании закона. Под первым обычно понимают уступку требования и перевод долга. Типичный пример второго — исполнение обязательства должника его поручителем или залогодателем.

Традиционно, наследственное правопреемство относится большинством исследователей к числу универсального право-

преемства, что обусловлено прямым указанием закона на при- роду наследования [3, С. 18].

Следует обратить внимание, что теория гражданского права России рассматривала процесс наследования имущества в качестве правопреемства прав и обязанностей наследодателя на всех этапах развития института наследования.

Так, например, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что совокупность прав и обязанностей, которые возникли у субъекта правоотношений при жизни не прекращаются его смертью, поскольку его личность в этом случае заменяется новым субъектом, который занимает в существующих правах и обязанностях активную или пассивную роль (в зависимости от того, какое положение в таких обязательствах занимало умершее лицо). Таким образом, новый субъект становится участником как вещных (в том числе отношений собственности, а также ограниченных вещных прав), так и обязательственных правоотношений [8, С. 415].

В свою очередь, К. П. Победоносцев, анализируя наследование как самостоятельную категорию, отмечает, что в рамках наследования права и обязанности умершего лица (наследодателя) переходят к новому субъекту, таким образом, правопреемник вступает в права и обязанности, существующие у наследодателя на момент смерти [5, С. 197]. В. И. Синайский определяя природу наследования, подчеркивает, что в порядке правопреемства, права и обязанности к наследнику переходят лишь в частноправовой сфере жизнедеятельности [7, С. 546].

А. А. Башмаков определяет наследование как совокупность перемен в имущественных правах, происходящих в результате смерти субъекта, участника соответствующих гражданских правоотношений. Отметим, что в целом, указанное определение базируется на положениях, закрепленных в ст. 1104 Свода законов Российской Империи, которая определяла наследство посредством анализа совокупности имущественных и обязательственных прав, принадлежащих умершему лицу.

Отдельная группа авторов, рассматривает категорию наследования в качестве непосредственного наследственного правопреемства, при таком подходе авторы особенно подчеркивают, в первую очередь, переход вещных прав, принадлежащих умершему лицу, поскольку именно право собственности рассматривается такими авторами в качестве первоначальной основы всех гражданских имущественных прав.

Анализ рассмотренных выше доктринальных подходов к определению наследования, позволяет сделать вывод, что в большинстве своем, ученые определяют данную категорию через понятие универсального правопреемства. Популярность подобной позиции обусловлена тем, что она совпадает

с легальным определением института наследования, несмотря на это, подобный подход подвергается критике отдельных авторов.

Так, например, отдельные авторы отмечают смешанную природу правопреемства в процессе наследования, усматривая в нем как универсальный, так и сингулярный характер. В отношении сингулярного правопреемства в рамках наследования, отмечается, что в данном случае речь идет о наследовании отдельных категорий вещей в силу завещания.

По нашему мнению, в данном случае речь идет о так называемом расщеплении прав на имущество, включенного в наследственную массу на части, которые могут передаваться различному кругу наследников, в силу чего такое имущество имеет различные правовые режимы. Также сингулярное правопреемство в рамках наследования имущества может иметь место в тех случаях, когда из наследственной массы выделяются части имущества, правовой режим которых, регламентируется законодательством зарубежных стран.

Тем не менее, не можем не отметить, что в условиях глобализации права и в законодательстве Российской Федерации можно выявить некоторые признаки присутствия в рамках наследования имущества признаков универсального и сингулярного правопреемства. Поскольку в отдельных случаях, из единой наследственной массы выделяются части имущества, которые подчиняются различным правовым режимам (например, вещи, ограниченные в обороте), в отношении которого используется частное правопреемство. Это позволяет, в свою очередь, сделать вывод о том, что режим передачи имущества по наследству посредством предоставления его в порядке универсального правопреемства устанавливается законом искусственно. Впрочем, принятие части имущества по наследству в рамках одного основания не исключает возможность принятия остальной части наследственной массы по иным основаниям, кроме того, отметим, что при принятии наследником имущества по наследству в силу одного основания, на наследника также возлагаются и долги наследодателя, потому возникает солидарная ответственность перед кредиторами.

Таким образом, по нашему мнению, наследование представляет собой переход имущества умершего как единого целого от наследодателя к наследнику. Что касается природы наследственного правопреемства, следует отметить, в целом, наследование представляется собой универсальное правопреемство, однако в некоторых случаях (например, завещательный отказ), наследственное правопреемство носит частный (сингулярный) характер.

Литература:

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие / под общей редакцией В. В. Безбаха, В. К. Пугинского. — М.: Юрист, 2014. — С. 650.
2. Наследственное право России: учебное пособие/ отв.ред. М. Я. Шиминова. — М.: Издательство «Экзамен», 2008. — С. 5.
3. Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс: Проблемы теории и практики. — СПб: Юрид.издат, 2013. — С. 18.
4. Оганесян Н. Категория правопреемства в арбитражном соглашении // Корпоративный юрист. — 2009. — № 11. — С. 12.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. В 3-х томах. Т. 2 / под ред.: Томсинов В. А. — М.: Зерцало, 2003. — С. 197.
6. Римское частное право: учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого. — М.: Проспект, 2017. — С. 222.

7. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II: Обязательственное, семейное и наследственное право. — М., 2002. — С. 546.
8. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — С. 415.

Теоретическая основа судебной реформы 1991 г.

Калинина Татьяна Андреевна, студент магистратуры
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье изучается Концепция судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 г., и ставшей теоретической почвой возведения новой судебной системы РФ. Ставится задача в раскрытии данного документа.

Ключевые слова: судебная реформа, Концепция, судебная система, права и свободы, суд.

Theoretical basis judicial reform 1991

The article examines the Framework of the judicial reform adopted in 1991 by the Supreme Council of the Russian Soviet Republic. It became the theoretical basis on which a new judicial system was built in Russia. The task is to open this document.

Keywords: judicial reform, Concept, judicial system, rights and freedoms, court.

1991 год стал переломным в истории для Российской Федерации. Коммунистическая партия Русского Союза вернее ее инструкция в лице Политбюро, ЦК, республиканских, краевых и областных комитетов, всецело израсходовала потенциал собственного становления и была не в состоянии отыскать выход из тупика, который сделала горбачевская перестройка. Сепаратизм обхватил Прибалтику, Украину и Грузию. 12 июня 1991 г. на выборах на пост Президента РСФСР одержал победу Б.Н. Ельцин — оппонент М.С. Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и последнего Президента СССР, а во 2 половине августа того же года практически стартовала анти-тоталитарная революция. Данные действия не имели возможность не затронуть судебную систему.

11 апреля 1991 г. на совместном заседании Президиума Верховного Суда РСФСР и коллегии Министерства юстиции РСФСР было принято постановление о созыве Съезда судей, на котором ожидалось обсудить вопрос о концепции и ведущих правовых актах судебной реформы. В июне 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Закон «О Конституционном Суде РСФСР», вслед за тем произошло учреждение этой судебной инстанции. Это был 1-й шаг в претворении в жизнь свежей судебной системы. Стоит прибавить то, собственно, что на всесоюзном уровне был принят закон «О Высшем арбитражном Суде СССР», впоследствии чего стартовало создание арбитражных судов в союзных республиках. Этим образом последовала закладка почвы нынешней судебной системы РФ.

20 июля 1991 г. был издан Указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», в котором распускались первичные партийные организации, посредством которых про-

изводилось влияние на суды, и была положена точка партийному вмешательству в дела правосудия.

Предложения Верховного Суда РСФСР по концепции судебной реформы в 1991 г. носили глубоко демократический и прогрессивный характер, воплотившие в себе позитивный исторический опыт осуществления правосудия в дореволюционной России и в советское время, а также зарубежную практику функционирования судебных систем и отправления правосудия [1, С. 106–107].

В результате принятого 24 октября 1991 Верховным Судом РСФСР Постановления «О Концепции судебной реформы» было дано начало процессу построения новой судебной системы в России.

В качестве ключевых целей судебной реформы Концепция обозначила обеспечение суверенного права РФ отправления правосудия и уголовного преследования на всей территории государства в согласовании с российским материальным и процессуальным правом, также уделялось особое внимание соблюдению и защите прав и свобод человека, в том числе в сфере правосудия.

В Концепции были намечены главные направленности судебной реформы:

- создание федеральной судебной системы;
- появление суда присяжных;
- расширение возможности обжалования в суд неправомерной деятельности должностных лиц, установление судебного контроля над законностью использования мер пресечения и иных мер процессуального принуждения;
- организация судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невинности подсудимого.

Авторы Концепции выделили надобность дифференциации форм судопроизводства и улучшение системы гарантий независимости, несменяемости судей и повиновение их только закону. Следует отметить, что в ней содержится указание на то, что судебная реформа должна осуществляться комплексно, без хаотической поспешности в законотворчестве и происходить параллельно с изменением всей системы правоохранительных органов, которые действуют до суда, для суда и после суда, для исполнения итоговых судебных актов.

В Концепции указывается кризис в сфере юстиции:

- перегруженность правоохранительных органов, низкая эффективность их работы;
- уход работников с юридической службы, непрестижность занимаемых должностей;
- пониженный уровень материально технического обеспечения в целом и социально-бытовых гарантий для сотрудников, и др.

Определялись следующие задачи судебной реформы:

- установление суверенитета страны в области осуществления правосудия;
- достижение независимости судебной власти от законодательной и исполнительной путем гарантии защит основных прав и свобод человека в сфере юстиции;
- повышение значимости сотрудников правоохранительных органов и их обеспечения.

Авторы Концепции стремились учесть многонациональное устройство РСФСР, а также потребности в максимальном доступе каждого к правосудию. Планировалось четко определить компетенцию различных уровней судебной системы для исключения произвольного изменения подсудности.

В новой судебной системе оказывалось содействие в расширении форм участия граждан в осуществлении правосудия и гарантировать право каждого на рассмотрение его дела судом присяжных, если в связи с предъявленными обвинениями ему грозит наказание в виде лишения свободы сроком свыше одного года. Каждому гарантирована возможность обжалования и проверки судебных решений, а также право на пересмотр дела в вышестоящем суде по жалобе несогласного с вынесенным итоговому судебным актом.

Концепцией предлагалось взамен единой унитарной системы создать две судебные системы: федеральную и республиканскую, во главе которых стоит Верховный Суд РСФСР. Республиканская судебная система в составе РСФСР должна быть связанной с Верховным Судом РСФСР через федеральные окружные суды, юрисдикция которых распространяется на территорию соответствующей республики (федеральная судебная система четырехзвенная, а республиканская наблюдалась двумя звеньями).

По задумке создаваемые судебные округа не должны совпадать с административно-территориальным и национально-государственным делением РСФСР. В таком подходе один фе-

деральный судебный округ мог включать в себя федеральные территории и республику в составе РСФСР.

Система судов общей юрисдикции представляется в составе четырех инстанций:

- мировые суды первой инстанции, действующие в составе одного судьи;
- федеральные районные суды, также первая инстанция, рассматривающие отнесенные к их компетенции дела в составе одного судьи, трех судей или суда присяжных;
- федеральные окружные суды, рассматривают дела, отнесенные к их ведению по первой инстанции, также выступающие в качестве апелляционных судов, пересматривающих итоговые судебные акты районных судов;
- Верховный Суд РСФСР в роли высшей судебной инстанции.

Также предусматривалось создание Конституционного Суда РСФСР, избранного V Внеочередным Съездом народных депутатов РСФСР в составе 13 судей 29 октября 1991 г., и создание специализированных, первыми стали арбитражные суды.

Судебную реформу предлагается осуществить в три этапа:

- подготовительный (утверждение Концепции и разработка пакета законов для новой судебной системы, выработка оптимальной нормы нагрузки на судей и работников аппарата судов, изучение вопроса об оптимальном материально-техническом и кадровом оснащении и кадровом обеспечении судебных органов, разработка проектов зданий и сооружений для судебной системы, осуществление разграничения сфер ведения в области правосудия и правоохранительной деятельности в СССР, РСФСР и автономных республиках в составе последней);
- переходный (введение в действие обновленного законодательства на старой судостроительной базе с сохранением границ судебных округов, совпадающих с административно-территориальным делением РСФСР, создание специализированных судебных составов без учреждения таких же судов, решение вопроса о подсудности дел судами присяжных, завершение формирования материально-технической базы судов);
- завершающий (действует на новой судостроительной базе, создание судебных округов, границы которых не совпадают с пределами административно-территориальных единиц, нормализовано устойчивое функционирование новой судебной системы).

Авторами Концепции раскрывается необходимость ее принятия, отмечая не только не состоятельность прежней судебной системы, но и необходимость утверждения новых начал для построения ее организации.

По их мнению, суд, как средство разрешения споров о праве и преодоления юридических неопределенностей, способен осуществлять применение права, с учетом особенностей каждого случая.

Литература:

1. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М., 2011.
2. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [Электронный ресурс] // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40216.html

3. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012.
4. Власов В. И., Абасова В. А. Теоретическая основа современной судебной реформы в России (К 30-летию принятия концепции судебной реформы) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 3. С. 9–14. DOI: 10.18522/2313–6138–2021–8–3–1.

Methodological foundations for the study of legal aspects of the European Union international energy security policy

Kassekeyeva Aizhan Muratovna, student master's degree
Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty)

In the article the author analyzes the features and methodological foundations of the study of legal aspects of international energy security policy on the example of the European Union.

Keywords: *international energy security, methodological foundations, European Union.*

The study of any area of the law of the European Union (hereinafter referred to as the «EU») implies methodological and ideological pluralism, which is explained by the lack of generally accepted theoretical approaches to the process of European integration today. One of the well-known foreign researchers in this area, D. McCormick, noted on this occasion that «numerous theories have been proposed and refined, but despite the fact that they offer a lot of useful information for understanding the European integration, one common theory which would receive general support has not yet been proposed» [1, p. 11]. We should agree with the position of Y.M. Oborotov that the methodology of scientific research includes both a conceptual level, which is characterized by conceptual ideas, concepts, conceptions, conceptual approaches and methodological principles, and an instrumental level, covering a variety of methods: philosophical, general theoretical, particular scientific, special. This approach allows not only «to see the stable connections between the philosophy of law and jurisprudence», but also to deal with the sphere of knowledge related to the jurisprudence. It is precisely such an interdisciplinary approach that studies devoted to EU law require, since its subject of regulation is the complex system of social life of this integration association, which originated primarily from the core of economic and technical issues that require appropriate legal support. The main conceptual idea of this study, which does not have a legal nature, but needs a legal dimension, is the concept of EU energy security, which is now embodied in the relevant EU energy security policy, which, in its turn, forms a certain part of the EU energy law norms and is the result of their actions, because «in real life, social regulation acts as an integrity in which different types of regulation interact and complement each other» [2, p. 36].

Based on a wide range of scientific research related to the EU law and presented by the works of foreign and domestic experts, it is possible to identify a range of issues that require further study. These, in particular, include the problems of legal regulation of the processes of creating the principles of energy security of both separate states and their associations.

The study of specific forms and methods of creating the necessary legal framework for achieving energy security is based on a modern

methodological framework that helps to offer an effective model for the implementation of such a task and foresee possible achievements and risks along the way. This is especially important given the current trends in the use of synthetic approaches in the study of EU legislation. Thus, according to Neil Walker, there is a trend towards «a reactive, event-driven and context-dependent approach of European legal studios» [3, p. 601].

Describing the methodological foundations for the study of the legal problems of ensuring energy security, first of all, it should be noted the need for a systematic approach to the analysis of the legal framework of the EU energy security policy, which allows not only to reflect the multidimensionality and diversity of the topic, but also to comprehensively recreate the interdependence of global and local problems, which objectively leads scientific research and development of specific, concrete forms and methods of legal policy in the field of energy security.

It is the integrated systemic approach that explains the need for legal self-limitations in the face of resource constraints, as well as the importance of introducing certain parameters of global governance in order to avoid conflicts and achieve real energy security.

An important factor is that a number of basic concepts of European integration are formed precisely around the security factor, covering various areas of activity of the modern EU.

In particular, supporters of the federalism theory, popular at the time of the emergence of the European integration process, pointed out that nation-states have lost their rights, since they cannot guarantee political and economic security to their citizens [4, p. 68]. Consequently, it is precisely the inefficiency of nation-states in matters of security that should impose appropriate duties and related rights on integration associations. This thesis is quite relevant through the prism of the EU energy security policy, because it is integration in the energy sector that is one of the tools to protect such security.

A fairly close transactional concept of European integration links security with communication and interaction between EU member states, which forms trust and common responsibility as a guarantee of countering threats. Cooperation is an extremely important tool for implementing the energy security policy, and such cooperation

is implemented both at the general level of European institutions and at the sectoral level. An example is the rules of the Third Energy Package on the activities of national regulators of electricity and gas transmission networks, which, on the one hand, are vested with additional powers in accordance with the EU Electricity and Gas Directives, and on the other hand, are bound by the requirements of cooperation and control by specialized supranational institutions, such like ACER or the Energy Community.

The formation of the EU common energy policy and energy security policy, which for a long time was not reflected in the original EU legislation, should be studied in conjunction with integration in other areas. After all, the emergence of new areas of common EU policies is due to the very essence and content of European integration processes. This phenomenon is called «transfusion» and, according to E. Haas, is that «cooperation between states in one area of politics will lead to pressure for cooperation in other areas of politics» [5, p. 16]. For example, the need to create an internal EU energy market was significantly influenced by measures to create an internal EU market, develop competition policy, etc.

The system approach allows to show the interconnections of energy with other spheres and spheres of society's life, in particular, with ecology, economy, etc. And this requires a holistic legal framework within which activities of any direction take place.

The historical approach is also important, allowing to show the development of the European energy legislation in spatial and temporal coordinates as a result of the action of the objective laws of globalization and glocalization, which combine patterns and specifics and make predictable consequences, and the alignment of development predictable. It is in the aspect of the historical development trend that, for example, the main documents of the EU should be analyzed: the Paris Treaty of 1951, the Rome Treaty of 1957, the Brussels Treaty of 1965, the Maastricht Treaty of 1992, the Amsterdam Treaty of 1997, the Lisbon Treaty of 2007.

The dynamics of the negotiation process testifies to the extreme complexity of reaching agreements on the regulation of the energy sector. The ambiguous vision of such strategically important issues as energy has repeatedly prevented the inclusion of sections on energy in the final documents at different stages of the creation of the EU.

At the same time, the need to address these issues was obvious both in theoretical and legal and practical terms. Therefore, the first steps of the European Community in 1951 concerned the coal market, in 1957 they were supplemented by an atomic energy treaty, and the oil crisis of the 70s of the last century included concrete actions on the agenda to achieve an energy balance and develop universal strategies for the relationship between energy producers and their consumers. Emergencies and crises dictated new norms of authority in the legal regulation of the energy sector and ensuring energy security.

Modeling the cyclical nature of economic dynamics, the periodicity of crises and other socio-economic phenomena, directly related to the energy sector and security activities, requires a clear legal justification. Therefore, modeling and extrapolation methods should be applied to the analysis of the EU energy legislation in order to develop recommendations for the implementation of its basic principles in Kazakhstani legislation, which is aimed at creating favorable conditions for achieving energy security.

There is also a need to use a forecasting method to study the problems of the legal framework of energy security policy in the EU, which is aimed at a new solution and development of original concepts of global and national development security in the aspect of legal regulation of energy security at the management level, within the framework of sustainable development strategies based on efficient use of energy resources and optimal distribution. Rational use, reduction of import dependence, integration of energy markets, the ratio of supranational and national competence — all this should be clearly outlined and predicted through legal and economic models.

Institutional and structural-functional methods can be effectively applied in the analysis of the legal regulation of the processes of formation and activities of specific EU authorities that regulate the sphere of energy security. It is necessary to analyze the competencies of such institutions as the European Parliament, the Council of Ministers of the EU, the European Commission, the European Court of Justice, the Committee of Permanent Representatives, etc., whose activities contribute to the establishment of cooperation in the energy sector.

It should be noted that the functional approach was initially the core of all European integration processes, and it was within the framework of the functional approach that the views of the main ideologists of such integration, J. Monnet and R. Schuman, were built. In particular, this was reflected in the statement of Robert Schumann on May 9, 1950, who noted that «Europe cannot be built at once or according to a certain plan, it will be built gradually through concrete achievements that will lay the foundations of de facto solidarity». This thesis led to the formation of the concept of neo-functionalism as one of the main means of analyzing the process of European integration, European common policies and European law. Neofunctionalism itself, in the words of one of its founders D. Mitrany, lies in the fact that «each time the nature and significance of the problem will determine the appropriate form of institutions». Therefore, when considering any act of the EU energy law, as well as the functions of each EU institution in the energy sector, it is first of all necessary to proceed from the goals and objectives that were supposed to be solved with their help. Three energy packages can serve as a striking example of such functionality, each of which was aimed at solving its own local problem, which at the time of adoption dominated the EU energy policy.

Functionalism, in its turn, leads to an appeal to the teleological approach in the study of the legal and institutional foundations of the EU energy security policy, which requires an analysis of a system of three categories: goal — means — result. At the same time, the categories of goals and results always determine the choice of specific means, and goals are based on certain interests of the main actors in the EU energy policy. This approach is especially important, since with regard to EU energy law, this is not about formally fixing already established customs and rules of conduct in this area, but about creating completely new rules designed to change existing relationships or create new ones. And this is possible only on the basis of a balance of interests of the EU institutions, member states and energy market participants, since the practical nature of the development of a legal innovation lies in «a combination of the interests of the parties involved in specific relations, and the consistency of these interests with the interests of third parties». The nature of the formation of

the relevant international legal norms and norms of the *acquis communautaire*, when «out of the customs expressing the free will of nations, their consent in the implementation of mutual interests, international law was also formed» [6, p. 5].

The specificity of interests and goals determines the choice of specific means to achieve the desired results. It should be noted that not only the formally enshrined norms of the EU energy law should be considered as means, but also the features of the methods and tools of legal regulation chosen for the energy sector, since legal means, due to their «compromise» nature, are designed to connect the ideal (goal) with the real (result). Accordingly, the means is «a link between the subject and the object of activity, between the ideal, imaginary model and the material result. Therefore, legal means, acting as a specific intermediary, inevitably include both fragments of the ideal (instruments, means-settings — subjective rights, obligations, benefits, prohibitions, incentives, punishments, etc.), and fragments of the real (technology, means-actions aimed at the use of tools — primarily acts of realization of rights and obligations)» [7, p. 10].

No less significant is the method of comparative analysis, which makes it possible to compare the results of the implementation of energy security legislation in different EU member states and compare them with the situation in a similar area in other countries of the world, in particular the Republic of Kazakhstan. This method makes it possible to characterize general anti-discrimination steps and at the same time the specificity and stage-by-stage liberalization of the energy sector of the EU member states, which will allow the Republic of Kazakhstan to choose the most appropriate forms and methods when an understanding of the common interest dictates the fulfillment of obligations even in the absence of guarantees.

The importance of a comparative methodology is also due to the fact that in the context of globalization it is not enough just to determine how the EU legislation works. This is not only a matter of interaction between the EU law and the national law of the member states. Significant influence is exerted by «international trade and commercial law, global administrative law, etc. As national and international legal systems become more and more intertwined, the challenge is to develop a better understanding of the different types of legal arguments deriving from national, international and EU law». At present, own conceptual approaches to the methodology of comparative legal research have been developed.

Content analysis should be used in the study of the source base — regulations, agreements, concepts, directives, protocols, other documents regulating the EU energy security sphere. This not only makes

it possible to comprehensively reveal the content of these documents, but also to reveal the logic of their essence, the sequence of tasks set, the unambiguity of interpretations and other important parameters that can be used to characterize the legal framework and legal practice of the EU in the field of energy security. After all, the effectiveness of legal regulation is ensured by compliance with the basic principles of law, including: proportionality, when the level of obligations does not exceed what is necessary to achieve the goal; equality (non-discrimination); protection of legitimate expectations (legitimate benefit is not infringed, except in cases where it is necessary to protect the public interest); protection of fundamental human rights and provision of procedural rights (fair process and the right to express one's opinion). Such an understanding of the content of regulatory documents indicates their acceptability for all real and potential participants in the European association.

Factor analysis should be introduced to process and generalize the facts of the practical implementation of the legal policy of energy security in the member countries of this European association. On these bases, the features of the functioning of unified mechanisms in separate EU states are determined. Such an analysis also makes it possible to make sure that hundreds of legal norms in force in the European Union do not have any enforcement mechanism at all, but rely only on legal culture and legal tradition. But this does not reduce their effectiveness in implementation and execution. And such a high level of legal culture and consciousness of the European community, of course, is an attractive role model.

Determining the content components of the concepts and terms of the EU legislative acts on energy security issues requires the use of a number of general scientific methods: synthesis, deduction, induction, abstraction, etc., which make it possible to identify analogues of national legislation, which is especially important for solving the problems of adapting national legislation to European. Certain standard norms will ensure the functioning of optimal energy models, promising mechanisms for dynamic development and the effectiveness of integration processes. First of all, this should concern the creation of effective monitoring and warning mechanisms that lay the conditions for cooperation and real energy security at the present stage of civilizational development for both the EU member states and the Republic of Kazakhstan.

It seems that such a comprehensive and multi-level approach to the methodology of legal research of energy security policy will make it possible to explain not only the need for legal regulation of energy security issues, but also to identify the features of such regulation.

References:

1. McCormick J. *European Union Politics* / J. McCormick. — London: Palgrave Macmillan, 2011. — 384 p.
2. Krestovskaya N.N. Concept and types of social regulation. Features of legal regulation / N.N. Krestovskaya // *General theoretical jurisprudence: training course: textbook* / ed. Y.N. Oborotov. — O.: Phoenix, 2011. — Topic 4. — P. 34–44.
3. Walker N. Legal Theory and the European Union: A 25th Anniversary Essay // *Oxford Journal of Legal Studies*. — 2005. — № 25. — P. 581–601.
4. Altiero S. *The Growth of the European Movement since the Second World War* / Altiero Spinelli // *European Integration*. Harmondsworth / Mark Hodges (ed.). — London: Penguin, 1972. — 490 p.
5. Haas E.B. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957* / Ernst B. Haas. — London: Steven & Sons, 1958. — 552 p.

6. Drobyazko S. G. Law formation, law-making, law establishment, their subjects and principles / S. G. Drobyazko // Law and Democracy: collection of scholarly works — Minsk: BGU, 2003. — Issue 14. — P. 15–34.
7. Malko A. V. Legal means as a general theoretical problem / A. V. Malko // Jurisprudence. — 1999. — No. 2. — P. 4–16.

Кадровая политика на государственной гражданской службе как основа управления персоналом организации

Кахановская Наталия Евгеньевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье анализируется сущность и понятие кадровой политики на государственной гражданской службе. Актуальность исследования теоретических аспектов кадровой политики обусловлена ее значимостью для организации управления персоналом государственной службы.

Ключевые слова: кадровая политика, государственная гражданская служба, кадровый потенциал.

Формирование эффективной системы государственного управления становится одной из важных задач государственного развития на современном этапе. Поиск системы оптимального государственного участия в регулировании общественных отношений, а также реализации административной реформы — ключевая проблема совершенствования системы государственного управления. Особую значимость в этом процессе приобретают вопросы, связанные с кадровой политикой и развитием кадрового потенциала.

Государственная кадровая политика выступает государственной управленческой деятельностью, направленной на удовлетворение потребности в кадрах в органах государственной власти и в иных сферах. Основа кадровой политики определяется стремлением к получению группы кадров с определенными профессиональными компетенциями и способностью усваивать новые знания [1, с. 142].

Благодаря внедрению инновационных методов комплектования и оценки деятельности кадровых ресурсов можно достичь перехода государства на качественно новый уровень функционирования. Профессионализм и уровень нравственности государственных служащих, проводящих в действительность политику государства, предопределяет авторитет власти, эффективную реализацию стратегических целей и управленческих решений, а также социальное развитие общества [2, с. 36].

На современном этапе организации государственного управления задача поиска компетентных работников, сплоченных и воодушевленных общей целью, становится приоритетной для достижения максимальных экономических и социальных показателей.

В науке на сегодняшний день также отсутствует единое определение кадровой политики.

К. С. Смольникова обосновывает понятие и сущность кадровой политики в органах государственной власти имеющимися тремя научными подходами [3, с. 134]:

— мнения представителей первого подхода основаны на понимании кадровой политики в органах государственной власти как деятельности по управлению персоналом, заключа-

ющейся в подборе, расстановке, использовании всех категорий служащих в органах государственного управления (специалистов, руководителей и технический персонал);

— мнения сторонников второго подхода основаны на исследовании кадровой политики в органах государственной власти как деятельности по подбору, расстановке, использованию профессиональных знаний, умений и навыков государственных гражданских служащих;

— позиция представителей третьего подхода выражается в оценке кадровой политики как процесса социального управления коллективом в органах государственной власти, используемого для решения задач государственного управления.

Кадровая политика организации определяется как устно или письменно сформулированное руководством организации приоритетное направление развития, а также общеобязательные правила поведения в отношении кадров и иных участников управленческого процесса, направленные на достижение стратегических целей организации, с учетом изменений внутренней и внешней среды [4, с. 5].

Как совокупность принципов, методов, форм организационного механизма для разработки целей и задач, направленных на сохранение и укрепление кадровых ресурсов, определяется кадровая политика В. С. Нечипоренко [5, с. 148].

Н. А. Александрова, О. Ю. Брюхова обращают внимание на дихотомию кадровой политики. Так, с одной стороны, кадровая политика — это система принципов и норм, воздействующих на человеческие ресурсы для достижения стратегических организационных целей. В то же время, кадровая политика — это непосредственная деятельность, направленная на отбор, обучение и продвижение работников в соответствии с заранее сформулированными принципами [6, с. 121].

Л. С. Вечер рассматривает кадровую политику в качестве стратегии управления процессом воспроизводства, вырабатываемой в целях рационального использования профессионального потенциала общества, определение приоритетов и основных направлений в работе с кадрами [7, с. 18].

Кадровая политика, по мнению Т.Ю. Базарова, выступает важнейшей частью стратегически ориентированной политики организации. Она направлена на определение философии, принципов, реализуемых руководством организации в отношении персонала. Цель ее заключается в обеспечении оптимального баланса процессов обновления и сохранения численного и качественного кадрового состава в соответствии с потребностями самой организации, а также с требованиями законодательства и текущим состоянием рынка труда [8, с. 163].

Фундаментом кадровой политики выступает установленный баланс между необходимым обновлением управленческих структур и поддержанием стабильности управленческой системы.

На формирование кадровой политики влияют различные внешние факторы (ситуация в социальной сфере; научно-технический прогресс; основные тенденции экономического развития; нормативная среда). На большинство из этих факторов мы не можем повлиять [9, с. 118].

Среди наиболее важных внутренних факторов можно выделить: цели организации; принятый в организации стиль управления; наличные ресурсы (при нехватке финансовых ресурсов); человеческие ресурсы [10, с. 132].

На современном этапе кадровая политика отождествляется некоторыми авторами с заимствованным из менеджмента термином кадровые стратегии [11, с. 10]. Близость рассматриваемых понятий обуславливается тем, что кадровые стратегии определяют перспективные цели и задачи управления персоналом с учетом внешней среды и иных инструментов, используемых для достижения целей и решения задач организации. Это свидетельствует об их фактическом сходстве.

Кадровые стратегии посредством установления единых планов, средств, позволяют достигнуть установленных кадровой политикой управленческих целей. Предопределяясь различными факторами, кадровые стратегии служат реализации кадровой политики и достижения целей организации.

Кадровая политика выступает основой управления персоналом любой современной организации. Ее содержание предопределяется определенными условиями.

Во-первых, ее логическая взаимосвязь со стратегическими целями организации обусловлена достижением результатов управленческой деятельности, что влечет повышенные требования к ее гибкости и практичности под условиями влияния внешних и внутренних факторов.

Во-вторых, концепция кадровой политики устанавливается и разрабатывается высшим руководством организации, а воплощается в практику руководством более низкого уровня и кадровой службой.

В-третьих, реализация кадровой политики профессиональной кадровой службой, которая консультирует, курирует, координирует и осуществляет ее мониторинг, а в случае необходимости инициирует изменения кадровой политики.

Несмотря на многочисленные исследования кадровой политики, не существует однозначного ее определения. Кадровая политика не может быть одинакова для всех организаций. Однако критерием эффективности кадровой политики признается достижение успеха организацией в стратегической перспективе или его отсутствие.

Кадровая политика в органах государственной власти по своей сути выступает стратегическим ориентиром и базой для управления персоналом государственной службы, направленным на регулирование кадровых отношений и процессов в государственном управлении.

Отсюда главная цель кадровой политики в сфере государственного управления заключается в формировании общей способности кадров государственных служащих к эффективному осуществлению должностных обязанностей, используя профессиональное образование, практические навыки, опыт, профессионально обеспечивать эффективность функционирования и развития государственного аппарата [12, с. 6].

Кадровая политика на государственной службе выполняет сходные с кадровой политикой иной организации функции (планирование, организация, мотивация и контроль), которым, однако, присущи свои особенности.

Кадровой политике в государственном управлении принадлежит ведущая роль, поскольку на нее возложено обеспечение качественного функционирования органов государственной власти и управления. Она имеет определенные цели:

- своевременное обеспечение организации персоналом соответствующего качества и надлежащего количества;
- обеспечение всех условий, необходимых для реализации прав и обязанностей граждан в соответствии с трудовым законодательством;
- разумное использование и направление кадрового потенциала работников [13, с. 7].

С.А. Зуденкова кадровую политику в органах государственного управления исследует с точки зрения привлечения, закрепления и рационального использования высококвалифицированных кадров на должностях государственной службы, направленную на создание адекватных условий для применения служащими профессиональных навыков, связывая с этим эффективное функционирование органов государственной власти [14, с. 18].

В современном государственном управлении кадровая политика должна строиться в соответствии с критериями набора, основанными на профессиональных навыках и нравственном развитии служащих, четко соблюдающих границы своего функционала, применяя их во исполнение норм права.

Фундаментальными положениями, принципами построения и регламентации кадровых процессов должны выступать законность, демократичность, профессионализм, нравственность, этичность, обеспечение равного доступа к государственной службе в соответствии с профессиональными качествами служащих.

Литература:

1. Анненков В.И. Государственная служба. Организация управленческой деятельности: учебное пособие/ Анненков В.И., Барчан Н.Н.— М.: КноРус, 2018.— 142 с.

2. Зимин В. А. Совершенствование политики по развитию кадрового потенциала органов государственной власти: Монография / Зимин В. А., Пастухова Л. Ш. — Самара, 2015. — 36 с.
3. Смольникова К. С. Сущность и значение кадровой политики в органах управления / К. С. Смольникова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 1. — С. 134.
4. Пархимчик Е. П. Кадровая политика организации: учебное пособие / Пархимчик Е. П. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — 128 с.
5. Нечипоренко В. С. Кадровая политика в государственной гражданской службе: Монография / Нечипоренко В. С., Шкелева Т. О. — Саратов, 2017. — 148 с.
6. Александрова Н. А. Основы кадровой политики и кадрового планирования: курс лекций / Александрова Н. А., Брюхова О. Ю. — Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2014. — 121 с.
7. Вечер Л. С. Государственная кадровая политика и государственная служба: учеб. пособие / Вечер Л. С. — Минск: Выш. шк. 2015. — 352 с.
8. Аксенова Е. Л., Базаров Т. Ю., Еремин Б. Л., Малиновский П. В., Малиновская Н. М. Управление персоналом: учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. — М.: Век, 2017. — 163 с.
9. Знаменский Д. Ю. Кадровая политика и кадровый аудит организации: учебник для магистров. Знаменский Д. Ю., Омельченко Н. А. / Под общей редакцией Н. А. Омельченко. Москва: Издательство Юрайт, 2013. — 368 с.
10. Субочев Н. С. Государственная служба и кадровая политика: учебное пособие / Субочев Н. С. — Волгоградская академия государственной службы, 2-е изд., перераб. и доп. — Волгоград, 2018. — 132 с.
11. Пархимчик Е. П. Кадровая политика организации: учебное пособие / Пархимчик Е. П. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — 128 с.
12. Зайцева Т. В. Модель управления человеческими ресурсами организации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2007. — № 2. — С. 6.
13. Кургаева Ж. Ю. Кадровая политика и кадровый аудит организации: учебно-методическое пособие. / Кургаева Ж. Ю. — Казань: Издательство КНИТУ, 2017. — 96 с.
14. Зуденкова С. А. Кадровая политика государственного органа: подходы к формированию. Вестник университета. 2018;(9):17–21. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-17-21>.

Особенности и проблемы гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере

Коваленко Никита Михайлович, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

Оказание многих видов медицинских услуг связано с риском причинения вреда жизни и здоровью пациентов. При этом в настоящее время наблюдается сложная ситуация по реализации гражданско-правовой ответственности медицинских организаций и их работников перед пациентами, а именно: затруднительным является необходимость учета интересов каждого из вышеперечисленных участников, а также интересов государства. В правовом пространстве имеется пробел в регламентации гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности. В связи с изложенным, автором предлагаются возможные пути дальнейшего развития правовых отношений в сфере профессиональной ответственности медицинских работников и определен круг прав, обязанностей и пределов ответственности лиц, участвующих в отношениях по оказанию медицинской помощи.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, защита жизни и здоровья, договор страхования, медицинский работник, медицинская организация.

На протяжении всей истории жизнь и здоровье являлись высшими из всех нематериальных благ. Поэтому и в настоящее время здоровье населения является одним из важнейших приоритетов развития страны. Особенно это становится актуальным, когда за благосостоянием нашего здоровья стоит ответственность медицинских учреждений, профессионализм их работников и качественный подход в оказании медицинских услуг.

Говоря об особенностях привлечения к ответственности медицинских учреждений, нужно учесть объективное мнение суда, нашедшее свое отражение в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 14.12.2010 г., в котором сказано, что государство должно обеспечить адекватную правовую защиту

права в регулятивной системе, особенно обеспечив доступность и предсказуемость закона [7].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] в ч. 2 ст. 98 закрепляет положение, согласно которому медицинские работники несут ответственность за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Выделяют два вида ответственности: договорную и внедоговорную.

Договорная ответственность предполагается, когда нарушение условий договора на оказание медицинских услуг вы-

звано невыполнением или ненадлежащим выполнением медицинской организацией своих обязанностей. Ответственность данного вида регулируется нормами Гражданского кодекса РФ [2] (далее — ГК РФ) и Законом «О защите прав потребителей» [3]. Однако трудно не согласиться с тем, что невозможно в полном объеме регулировать данным Законом правовые отношения, которые существенно отличаются друг от друга. Например, гражданско-правовые отношения, возникающие между медицинским учреждением и пациентом, имеют такую специфику, которая заключается в том, что пациент не может оценить качество оказываемых ему медицинских услуг и определить основания предъявления претензий к качеству таких услуг. Эту проблему, в случае применения Закона «О защите прав потребителей» к данным отношениям, отмечают многие правоведы [9, с. 172].

Федеральный фонд обязательного медицинского страхования предусматривает в своих «Методических рекомендациях» досудебный и судебный способы защиты прав пациентов в случае оказания некачественных медицинских услуг [5]. Но этот акт является ведомственным и распространяется только на медицинские учреждения, которые входят в систему обязательного медицинского страхования. Для частных лечебно-профилактических организаций он не является обязательным.

В 2010 году был предложен законопроект «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами» [6], который изначально оказался невыгодным ни государству, ни пациенту, ни медицинской организации. Законопроект содержал положения, которые освобождали государство от финансового обеспечения страховых случаев, перекладывая всю ответственность на учреждения здравоохранения. Размытым казалось содержание статьи 4: запрещается оказание медицинских услуг без страховки, при том, что конкретные санкции за нарушение этого запрета и ссылка на них попросту отсутствуют. Также всякого разумного смысла лишена норма данного законопроекта, которая предполагает, что в случае отказа Комиссии по расследованию в установлении факта наличия страхового случая лица, пострадавшие от непрофессионализма врачей, по взысканию страховщика должны будут для защиты своего права сами оплатить расходы по независимой экспертизе дефектов оказания медицинской помощи.

С другой стороны, в настоящее время требуется усовершенствовать страхование самих работников лечебно-профилактических учреждений, так как их профессиональные риски достаточно велики. Врачебные ошибки имеют место быть, работа врача все больше становится рискованной в связи с появлением новых патологий, вирусов и непробированных лекарств против них. Не во всех случаях истории болезней оканчиваются успешно, но далеко не всегда здесь присутствует вина врача. Причиной этому может быть недостаточная изученность сложных заболеваний, фармакологии и других факторов, поэтому страхование профессиональной ответственности необходимо для всесторонней правовой и социальной защиты медицинского персонала.

Исходя из содержания п. 7 ч. 1 ст. 72 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», мы знаем, что медицинские и фармацевтические работники имеют право

на страхование своей профессиональной ответственности, но это право реализуется крайне редко. К тому же, ввиду отсутствия обязательности в таком страховании, страховые организации могут отказать в заключении подобного договора, опасаясь, что он будет коммерчески невыгодным, так как степень риска наступления страхового случая слишком высока.

Таким образом, мы видим, что проблема реализации гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности не остается без внимания, однако все попытки по ее решению не доходят до своего оптимального завершения. Поэтому обеспечить надлежащее и качественное оказание услуг медицинского характера возможно путем закрепления на федеральном уровне обязательного страхования гражданско-правовой ответственности врачей и медицинских учреждений. При реализации такого плана размер страховых взносов определялся бы в зависимости от перечня оказываемых услуг и от экспертной оценки уровня качества этих услуг.

Кроме того, следует учитывать, что за неправомерное поведение медицинского работника, приведшее к нарушению договорных обязательств, ответственность несет медицинская организация-работодатель (ст. 402 ГК РФ [1]). Однако в порядке регресса и согласно трудовому законодательству эта же организация вправе предъявить к медицинскому работнику требования о возмещении денежных средств, выплаченных пострадавшей стороне (пациенту-потребителю).

Внедоговорная ответственность медицинских работников связана с причинением вреда пациенту, являющимся результатом выполнения их профессиональных обязанностей. Этот вред подлежит возмещению самим работником даже вне зависимости от наличия его вины и от того, состоял ли пациент с ним в договорных отношениях или нет (ст. 1095 ГК РФ). Данный вред может быть следствием некачественного оказания медицинской услуги или недостаточной информации о ней.

Согласимся с авторами, утверждающими, что наличие вины не обязательно при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного новыми лекарственными препаратами, новыми медицинскими технологиями и проведением медицинских экспериментов, так как они признаются источниками повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) [8, с. 207]. Если вред явился результатом исполнения медицинским работником своих трудовых обязанностей, то ответственность по его возмещению возлагается на медицинскую организацию (ст. 1068 ГК РФ).

Потерпевший вправе требовать возмещения вреда (в т.ч. морального и причиненные убытки) в полном объеме. Однако в российском законодательстве существует явный пробел, выражающийся в отсутствии нормы, позволяющей четко определить круг прав и обязанностей сторон в сфере оказания медицинской помощи. Выходом из сложившейся ситуации видится введение договорного регулирования правовых отношений в сфере медицинской деятельности путем заключения двухстороннего договора в государственных лечебно-профилактических учреждениях, точно так же, как это делается в частных медицинских организациях. Также эффективным было бы регулирование данных отношений через принятие положения «О типовом договоре оказания медицинских услуг», которое бы

определило круг действий как со стороны медицинской организации и ее работника, так и со стороны пациента.

Так как существуют договорные отношения данного типа и отсутствует конкретный закон, регламентирующий все элементы таких отношений, то целесообразно принять закон, аналогичный Закону «О защите прав потребителей» в сфере оказания медицинских услуг, например, Закон «О защите прав пациентов и медицинских работников». В данном нормативно правовом акте следовало бы определить основания возникновения ответственности и освобождения от нее, закрепить необходимость создания в крупных медицинских центрах структурного подразделения, которое состояло бы из высококвалифицированных юристов и врачей-специалистов. Представляется, что такое структурное подразделение должно заниматься защитой прав пациента и медицинского работника, представлять медицинское учреждение в суде, составлять договоры с учетом правовых особенностей данной сферы, контролировать соблюдение правовых норм в деятельности врача,

вести статистику в эффективности лечения граждан, а также разрабатывать предложения в области здравоохранения. В число полномочий этого органа целесообразно включить право на выявление профессиональных нарушений законодательства персоналом, а итоговое заключение комиссии, направлялось бы в соответствующие правоохранительные органы.

В будущем законодательство в сфере здравоохранения должно приобрести более четкие рамки разграничения ответственности между медицинским работником и медицинской организацией, а также быть направленным на невозможность отклонения от гражданско-правовой ответственности, защиту от умаления прав граждан на медицинскую помощь, а также на восстановление нарушенных прав. Безусловно, следующим шагом по развитию в этом направлении должно стать введение в России обязательного страхования профессиональной ответственности для работников лечебно-профилактических учреждений, в чьих руках так часто оказываются наши жизнь и здоровье.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 7 апреля 1992 г.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Письмо ФФОМС от 05.05.1998 № 1993/36.1-и «О методических рекомендациях «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования» (вместе с «Методическими рекомендациями...», утв. ФФОМС 27.04.1998). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).
6. Проект Федерального закона от 2 сентября 2010 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами». URL: <http://pravo-med.ru/legislation/fz/4845/> (дата обращения: 19.01.2022).
7. Постановление ЕСПЧ от 14.12.2010 по делу «Терновски (Ternovszky) против Венгрии» (№ 67545/09). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2022).
8. Чумакова К. Ю. Договорная ответственность в сфере оказания платных медицинских услуг // Инновационные подходы к правопониманию, правотворчеству и правореализации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 206–208.
9. Яхновец И. Н. К вопросу о гражданско-правовой ответственности в сфере оказания медицинских услуг // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21–1. С. 172–173.

Правовые основы предоставления социальной помощи гражданам в Российской Федерации

Кожевникова Мария Сергеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены и проанализированы нормативно-правовые акты РФ, субъектов РФ, на основании которых предоставляется социальная помощь гражданам РФ, проанализирована судебная практика по делам о неправомерном отказе в предоставлении мер социальной поддержки, выявлены проблемы предоставления социальной поддержки.

Ключевые понятия: социальная помощь, нормативно-правовые акты, законы субъектов РФ, мера социальной поддержки.

Legal bases of providing social assistance to citizens in Russian Federation

The article examines and analyzes the regulatory legal acts of the Russian Federation, the constituent entities of the Russian Federation, on the basis of which social assistance is provided to the citizens of the Russian Federation, analyzes the judicial practice in cases of unlawful refusal to provide social support measures, identifies the problems of providing social support.

Keywords: social assistance, regulatory legal acts, laws of the constituent entities of the Russian Federation, judicial practice, measure of social support, problems of providing.

Актуальность темы статьи заключается в необходимости изучения проблем предоставления социальной помощи гражданам РФ, т.к. бедность — одна из самых острых социально-экономических проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке. Этому негативному явлению в той или иной степени подвержены как страны с развитой рыночной экономикой, так и страны, относящиеся к категории развивающихся стран.

В ст. 7 Конституции Российской Федерации страна объявлена государством всеобщего благосостояния. Однако простое провозглашение автоматически не ведет к реальным изменениям уровня жизни населения в России. Важно преодолеть снижение уровня жизни после кризиса с соответствующим увеличением валового внутреннего продукта и повышением эффективности производства, создав тем самым условия, благоприятные для расширения внутреннего спроса, что требует сокращения бедности и сокращения дифференциации доходов населения за счет более заметного акцента на его социальной поддержке, что способствует повышению заработной платы, и обеспечивает эффективный уровень занятости для трудоспособных граждан [2, ст. 7].

Правовая база социальной защиты граждан — это взаимосвязанная система нормативных правовых актов и стандартов, которые регулируют организацию и функционирование учреждений социальной защиты и административных органов, регулируют порядок их создания. Нормативными источниками социальной защиты являются нормативные акты и соглашения, содержащие нормы, определяющие порядок, условия и гарантии реализации социальной защиты граждан. В эту систему входят международные договоры России, конвенции и рекомендации международных организаций, Конституция Российской Федерации, конституции республик и уставы других субъектов, законы и постановления, коллективные конвенции и соглашения, трудовые договоры (контракты) [8, с. 67].

Социальная помощь — помощь, предоставляемая в денежной или натуральной форме от имени государства или иных субъектов общества в виде добровольных пожертвований, гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации. Социальная помощь предоставляется на основании Федерального закона «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ. Согласно статье 3 Федерального закона № 178-ФЗ государственная социальная помощь возникает для: поддержания уровня жизни малообеспеченных семей, а также одиноких малообеспеченных граждан, средний доход на душу населения которых ниже прожиточного минимума; целевого использования бюджетных средств; предоставления социальной поддержки нуждающимся гражданам; создания условий, необ-

ходимых для обеспечения всеобщей доступности и социально приемлемого качества социальных услуг; уменьшения социального неравенства; увеличения доходов населения. Руководствуясь статьей 12 Федерального закона № 178-ФЗ социальная помощь может быть оказана в виде денежных выплат (ежемесячные и единовременные пособия на ребенка, социальные стипендии, пособия на погребения и другие выплаты); и в натуральной форме (топливо, продукты питания, одежда, обувь, лекарства и другие) [4, ст. 3, ст. 12].

То есть социальная помощь регламентируется Федеральным законом, согласно которому помощь может быть предоставлена в виде выплат денежных средств или в натуральной форме. Предоставление социальной помощи осуществляется на основании нормативного документа, в зависимости от вида полагаемого пособия.

В ходе анализа нормативной базы, установлено, что такими базовыми нормативными документами являются [3]:

Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», который регламентирует правовые, экономические и организационные методы государственной политики, направленные на повышение занятости населения, в том числе социальные гарантии государства в области конституционных прав граждан Российской Федерации на выполнение труда и социальную защиту от безработицы.

Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который регламентирует правовые и организационные методы предоставления государством социальной помощи малоимущим семьям, малообеспеченным одиноко проживающим гражданам и прочим категориям граждан, которым предусмотрена помощь в соответствии с законом. Федеральный закон регламентирует порядок ведения перечня прав граждан на меры социальной защиты, перечень социальных услуг, положенных в условиях социального обслуживания и социальной помощи, также предоставляет социальные гарантии и пособия, в соответствии с законодательством Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами муниципальных образований.

Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который регламентирует государственную политику в сфере социальной защиты инвалидов в Российской Федерации, согласно которой осуществляется обеспечение инвалидов в соблюдении гражданских, экономических, политических и других прав и свобод,

закрепленных в Конституции Российской Федерации, а также в иных нормативно-правовых актах согласно нормам международного права и международных договоров Российской Федерации.

Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», который регламентирует правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации для соблюдения условий достойного уровня жизни населения, содействие их активной деятельности, соблюдение почета и уважения в стране.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который регламентирует отношения, осуществляемые в области охраны здоровья граждан в Российской Федерации, функции и деятельность государства в соответствии с назначением, и деятельность медицинских организаций.

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который регламентирует осуществление социальных услуг по предоставлению средств реабилитации, осуществлению адресной социальной помощи населению в натуральном или денежном виде, либо предоставлению отдельных видов услуг в соответствии с потребностями граждан.

Также на официальном сайте Министерства труда РФ можно ознакомиться со всеми вышеперечисленными нормативно-правовыми актами, на основании которых предоставляется государством мера социальной поддержки гражданам. Это социальное обслуживание граждан, социальное страхование, социальная защита инвалидов, пожилых, граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций, семей с детьми, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Данные федеральные законы обеспечивают предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан в стране (а именно льготным категориям, либо лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации), а также регламентируют порядок предоставления социальной помощи. Но несмотря на функционирование законодательных актов, которые определяют предоставление социальной помощи гражданам РФ, судебная практика показывает наличие спорных вопросов, возникающих при определении права на социальную помощь.

Так, согласно обзору судебной практики за 2017–2019 гг., рассмотрены дела, связанные с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан [8] по искам инвалидов, законных представителей детей-инвалидов, ветеранов, пенсионеров, иных граждан Российской Федерации, имеющих право на меры социальной поддержки, в отношении федеральных органов исполнительной власти, их территориального образования. Органы субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в области здравоохранения, лекарственного обеспечения, социальной защиты населения и социального обслуживания, фармацевтические организации, лечебно-профилактические организации, организации социального обслуживания, специальные государственные фонды, многофункциональные центры и медицинские организации, муниципальные центры оказания услуг по предоставлению средств технической реабилитации, лекарств были ответчиками в судах по вопросам возмещения расходов (убытков)

при самостоятельной покупке лекарственных препаратов (изделий медицинского назначения); оплаты командировочных расходов до места обработки и возврата; возмещения затрат на медицинское обследование; о признании права на материальную компенсацию затрат на образование ребенка-инвалида; об обязанности заботиться о детях-сиротах и брошенных детях, оставшихся без попечения родителей, мерах социальной поддержки; о признании незаконными действий по удержанию сумм ежемесячной денежной компенсации или субсидий, выплачиваемых на оплату жилищно-коммунальных [9].

Суды при рассмотрении вышеуказанных исковых требований назвали причины неправомерного отказа в оказании социальной помощи по результате неверного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права.

Так, при определении социальной помощи гражданам учитываются федеральные законы и законы субъектов РФ. И нередко права граждан в получении социальной помощи ущемляются из-за установления различных оснований предоставления в зависимости от региона. Так, например, при анализе ФЗ «О ветеранах» и законов субъектов РФ, на основании которых присваивается звание «Ветеран труда» разные трактовки. Так, постановлением Правительства Челябинской области от 13.12.2010 г. № 293-П «О Порядке разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг органами исполнительной власти Челябинской области» звание ветеран труда присваивается при наличии страхового стажа, необходимого для пенсии по старости, а в Курганской области Постановлением Администрации (Правительства) Курганской области от 27 марта 2006 года № 73 «Об утверждении Положения о порядке и условиях присвоения звания «Ветеран труда» звание ветеран труда присваивается при наличии страхового стажа и наличия грамоты органов власти субъектов РФ. По сути одна категория лиц, но права на звание Ветеран труда имеют не все, т.к. законы субъектов РФ разные.

Т. е. проблема правового регулирования предоставления мер социальной поддержки категориям лиц «Ветеран труда» заключается в разных подходах нормативного регулирования присвоения данного звания.

Аналогичная ситуация с предоставлением единовременного пособия на рождение ребенка гражданам РФ. Так, Законом Челябинской области от 27.10.2005 № 417-ЗО «Об областном единовременном пособии при рождении ребенка» установлено право на получение пособия при рождении ребенка любому родителю на территории Челябинской области. В Курганской области такое пособие вообще отсутствует.

Т. е. проблема правовой основы предоставления социальной помощи гражданам РФ заключается в неравномерности ее предоставления между гражданами субъектов РФ из-за разрозненной формулировки нормативно-правовых актов на территории регионов. Единство предоставления социальной помощи гражданам должно осуществляться на основании единых федеральных законов. Но также проблема существует из-за недостаточного объема финансовых средств регионов, которые ведут социальную политику в пределах возможного предоставления социальных гарантий гражданам РФ.

На основании вышеизложенного можно выделить некоторые направления совершенствования правовой системы предоставления социальной помощи гражданам РФ, как пути решения проблемы разрозненности нормативно-правовых актов:

Во-первых, создать единую систему категорий граждан, имеющих потенциальное право на меру социальной поддержки, которая будет трактовать определенные характеристики «достижений» лица и оценивать степень необходимости ее предоставления;

Во-вторых, перераспределить финансовые средства федерального бюджета, направляемые на предоставление мер соци-

альной поддержки в целях противодействия неравномерного присвоения права на такую поддержку граждан, находящихся в одинаковой жизненной ситуации;

В-третьих, исключить правовое дублирование нормативно-правовых актов РФ и нормативно-правовых актов субъектов РФ. Закон, регламентирующий предоставление мер социальной поддержки и определяющий льготную категорию граждан должен быть один.

Тогда, все права граждан будут соблюдены, и реализация мер социальной поддержки не будет носить разобщенный характер.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 декабря, ст. 7(с изм. и доп.).
3. Государственная социальная помощь официальный сайт, 2021, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735, дата обращения 01.09.2021.
4. О государственной социальной помощи, Федеральный закон РФ от 17.07.1999 № 178-ФЗ, ст. 3, ст. 12.
5. О Порядке разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг органами исполнительной власти Челябинской области, постановление Правительства Челябинской области от 13.12.2010 г. N293-П.
6. Об утверждении Положения о порядке и условиях присвоения звания «Ветеран труда, Постановление Администрации (Правительства) Курганской области от 27 марта 2006 года № 73.
7. Козлов В. А. Проблемы сравнительного правоведения // Правоведение — М, 215 с., 2020.
8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020, официальный сайт 2021, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355203, дата обращения 01.09.2021
9. Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2019 г. N5-КГ19-61, от 6 мая 2019 г. N5-КГ19-32, от 21 октября 2019 г. N5-КГ19-132, от 18 ноября 2019 г. N5-КГ19-147, от 10 сентября 2018 г. N18-КГ18-140, официальный сайт 2021, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355203

О некоторых вопросах квалификации кражи

Константинова Оксана Николаевна, студент магистратуры;
Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Всегда, да и в настоящее время, одной из сложных и острых проблем является обеспечение уголовно-правовой охраны собственности, так традиционно корыстные преступления занимают лидирующие позиции среди регистрируемых ежегодно преступлений.

Под кражей понимается тайное хищение чужого имущества, которое является и одним из самых распространенных в России преступлений. Согласно статистике за 10 месяцев 2021 года, не менее половины зарегистрированных в России преступлений приходится на хищение чужого имущества, которые совершаются наиболее распространенными путями, а именно через совершение кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. При этом каждое тридцатое хищение чужого имущества — это квартирная кража. Официально преступлений против собственности регистрируется меньше, чем совершается, в виду того, что потерпевшие часто не заявляют в правоохранительные органы о совершенном преступлении, так как сомневаются, что преступника вообще возможно найти, а также из-за порой малозначительности самого предмета хищения.

От правильной квалификации содеянного зависит обеспечение прав как потерпевшего, так и виновного лица. Вместе с тем в науке уголовного права и правоприменительной практике до сих пор встречаются неоднозначные понимания такой категории как «тайность» совершаемого хищения, требует пояснения и разъяснения содержание ряда квалифицирующих признаков кражи.

Поэтому вопросы уголовно-правовой квалификации тайного хищения имущества весьма актуальны на современном этапе и привлекают внимание как практиков, так и теоретиков.

Ключевые слова: уголовное право, кража, квалификация.

About some questions of qualification of theft

Konstantinova Oksana Nikolayevna, student master’s degree;
Agildin Vladimir Valerevich, candidate of legal sciences, associate professor
Baikal State University (Irkutsk)

Always, and even now, one of the complex and acute problems is to ensure the criminal legal protection of property, so traditionally acquisitive crimes occupy a leading position among the crimes recorded annually.

Theft is understood as the secret theft of someone else’s property, which is also one of the most common crimes in Russia. According to statistics for 10 months of 2021, at least half of the crimes registered in Russia are theft of other people’s property, which are committed in the most common ways, namely through theft, fraud, robbery, robbery. At the same time, every thirtieth theft of someone else’s property is a burglary. Officially, fewer crimes against property are registered than are committed, due to the fact that victims often do not report the crime to law enforcement agencies, as they doubt that it is even possible to find the criminal, and also because of the sometimes insignificance of the theft object itself.

Ensuring the rights of both the victim and the perpetrator depends on the correct qualification of the deed. At the same time, in the science of criminal law and law enforcement practice, there are still ambiguous understandings of such a category as «secrecy» of the theft committed, the content of a number of qualifying signs of theft requires clarification and clarification.

Therefore, the issues of criminal law qualification of secret theft of property are very relevant at the present stage and attract the attention of both practitioners and theorists.

Keywords: criminal law, theft, qualification.

Кража — самое «старое» имущественное преступление, ответственность за которое предусматривалась еще «Русской правдой». Однако при этом данное преступление не является самым опасным из всех видов преступлений, посягающих на собственность.

Для уголовно-правовой характеристики кражи существенным является понимание такого понятия как хищение, свойственного для всех преступлений главы УК РФ об имущественных преступлениях.

Следуя легальному определению хищения — это обобщенное понятие состава деяния, которое является одним из способов посягательства на такое социальное благо, как частная, государственная, муниципальная и иная форма собственности, которые признаются и защищаются равным образом в соответствии с частью 2 статьи 8 Конституции РФ.

Рассматривая различные определения понятия хищения, которые приводят в своих работах ученые, можно выделить следующее, что нет единообразного подхода в их определениях и они отличаются от легального определения, данного в законодательстве.

Так, например, С. В. Богданчиков, анализируя разные работы ученых, указывает на то, что в некоторых определениях появляется признак преступления — общественная опасность. Однако он указывает на тот факт, что далее авторы включения этого признака в определения хищения в своих выводах непоследовательны, нет в их определениях указания на виновность и наказуемость, а также отсутствует аргументированность в необходимости именно таких изменений уголовного кодекса.

На наш взгляд, необходимо согласится с мнением С. В. Богданчикова, что нынешняя конструкция определения хищения, данного в уголовном кодексе, содержит все необходимые признаки, а именно то, что хищение:

- совершается с корыстной целью;
- носит характер противоправности и безвозмездности;
- имеет целью хищение чужого имущества, которое выступает его предметом;

- представляет собой изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц;

- причиняет ущерб собственнику или законному владельцу имущества.

В рассматриваемом преступлении собственность выступает как родовая объект хищения, т.е. фактическая и юридическая принадлежность имущества конкретному лицу, обладающему триадой прав собственника — владением, распоряжением и использованием.

И. Я. Козаченко приводит трехзвенную классификацию признаков, которыми должен быть наделено имущество:

- предметный признак — предмет хищения выступает как материальный объект;

- экономический признак — предмет хищения воплощает в себя овеществленный человеческий труд;

- юридический — принадлежность имущества другому лицу, у преступника не должно быть на него прав.

Для объективной стороны основного состава кражи, кроме уже названных признаков, характерных для всех форм хищения, законодательство устанавливает такой специфический признак как тайный характер совершения образующего кражу действий, который, в свою очередь, имеет субъективный и объективный критерий.

Чтобы исключить различные понимания этого специфического признака, тайного характера кражи, Верховный Суд в своем Постановлении № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указал на то, что признак тайности в совершаемом преступлении при хищениях имущества будет иметь место только в том случае, когда противоправные действия лица были совершены при отсутствии владельца похищаемого имущества или незаметно для него.

Но и в случае, если владелец или другие лица все-таки видели совершаемое преступление, но виновное лицо исходя из окружающей обстановки считает, что его действия остаются никем не замеченными, то его действия все также будут квали-

фицированы как кража. Также необходимо отметить, как кража будут квалифицироваться действия виновного, который совершает изъятие в присутствии третьих лиц, однако они не осознают противоправности его действий.

В первом случае имеет место объективный критерий тайности, во втором — субъективный критерий.

Таким образом, основными признаками объективной стороны рассматриваемого преступления являются:

- тайный характер изъятия имущества вопреки воле владельца;
- противоправность изъятия;
- безвозмездность изъятия;
- создание реальной возможности себе или третьим лицам распорядится украденным по своему усмотрению;
- ущерб, причиненный собственнику;
- причинная связь между изъятием, возможностью распорядится украденным имуществом и ущербом для собственника.

Субъективную сторону кражи характеризуют два обязательных признака: 1) умышленная форма вины в виде прямого умысла; 2) корыстная цель, мотив. Прямой умысел заключается в том, что виновный должен осознавать общественную опасность своих действий и предвидеть возможность наступления последствий в виде причинения вреда имущественного характера собственнику или владельцу, а также желать их наступления. Также сюда входит стремление виновного завладеть чужим имуществом тайно, о чем говорилось ранее.

Таким образом, кража определяется через основные признаки хищения, которые подробно раскрываются в доктринальных источниках. Кроме того, в легальном определении данного преступления указывается тайный способ совершения преступления, который отличает его от иных форм хищения. Кража является одним из самых распространенных преступлений, что существенно повышает ее общественную опасность.

Квалификация преступлений — установление соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Довольно часто у следственных органов возникают трудности при расследовании дел, связанных с хищениями имущества. Чаще всего эти трудности связаны при расследовании специфических ситуаций и порой суд не всегда соглашается с конкретными юридическими выводами следователей. Таким образом, все еще имеет место проведение юридического анализа отдельных вопросов квалификационных признаков преступления.

Одним из таких вопросов является определение квалификационного признака при хищении имущества, как кража группой лиц.

Пункт «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ образует квалифицированный состав, влекущий повышенную ответственность не только за кражу. Уголовное законодательство РФ во многих составах преступлений рассматривает совершение преступлений группой лиц в качестве отягчающего вину обстоятельства.

При совершении преступления группой лиц все соучастники так или иначе выполняют объективную сторону преступления, являясь соисполнителями преступления. При этом не обязательно, чтобы каждый из соисполнителей полностью исполнил объективную сторону преступления.

Кроме названного признака необходимо установить наличие предварительной договоренности о совершении преступления, которая должна иметь место как минимум между двумя субъектами преступления и обязательно до исполнения объективной стороны кражи. Форма такой договоренности для квалификации содеянного роли не играет и может быть, как словесной, так и письменной, телекоммуникационной и т.п. Установление данного фактора является обязательным, поскольку он свидетельствует о единстве намерений преступников и позволяет провести правильную квалификацию. При этом не важен факт, все ли участники кражи являются соисполнителями, либо имеется место распределение ролей. Последний факт влияет на степень ответственности, но не на квалификацию содеянного.

Однако, вышеуказанное применимо только в случае, если виновные действительно перед совершением кражи имели предварительный сговор, но по какой-то причине законодатель не установил для тайного хищения имущества такого квалифицированного признака, как обычное совершение преступления «группой лиц без предварительного сговора».

Уголовное законодательство в ч. 1 ст. 35 УК РФ указывает на тот факт, что преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

По мнению законодателя, форма соучастия при тайном хищении имущества непосредственно происходит в момент самого начала такого преступления. Однако такое определение не совсем верно. Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в абз. 2 п. 12 также указал на тот факт, что уголовным законом не предусмотрен сам факт совершения тайного хищения имущества без предварительного сговора. Однако Верховный Суд дает разъяснения на тот случай, если такая специфическая ситуация может встречаться в судебной практике, разъясняя, что в данном случае действия виновных следует квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ, однако суд будет вправе в случае установления признака «группы лиц без предварительного сговора» признавать это обстоятельство как отягчающим и при этом ссылаться на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Считаем, что данное разъяснение Верховным Судом РФ законодателю необходимо рассмотреть и внести изменения в уголовное законодательство, чтобы исключить такую конструкцию решения судов при рассмотрении преступлений, связанных с тайным хищением имущества группой лиц без предварительного сговора.

Представляется, что объективными основаниями именно этого законотворческого процесса комплексно являются:

- высокая степень общественной опасности конкретного преступления;
- уход от более жесткой ответственности лиц, которые могли быть признаны группой лиц без предварительного сговора, но были привлечены к ответственности всего лишь по ч. 1 ст. 158 УК РФ, что снижает само понятие неотвратимости наказания по смыслу его совершения;
- происходит снижение эффективности, а следом и бесперспективность такой борьбы с преступлениями, когда виновные лица могут избежать более строго наказания.

Исходя из вышеизложенного, возможно предложить законодателю изменить некоторые квалифицирующие признаки тайного хищения имущества, изложить их в следующей редакции: п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ изложить в новой редакции «...а) группой лиц;...» При этом сам квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору» будет необходимо включить в ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Аккумулируя изложенное констатируем, что проблема юридической оценки такого преступления, как кража, представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в современной науке и практике уголовного права как в России, так во многих

зарубежных странах, а противодействие преступлениям против собственности является одной из важнейших задач государства.

Для решения некоторых проблем в отношении кражи необходимо усовершенствовать законодательство, в частности, привести некоторые коррективы в статье 158 УК РФ и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Полагаем, что предложенные нами в настоящей статье пути совершенствования уголовного законодательства помогут быстро и в короткие сроки повысить эффективность применения законодательства об уголовной ответственности за кражу.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 1.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень ВС РФ. — 2003. — № 1.
3. Богданчиков С. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности: монография. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 271 с.
4. Базаров Р. А., Никитин Е. В. Уголовно-правовая характеристика насильственных хищений чужого имущества. — Челябинск, 2018. — 120 с.
5. Морозов Н. А., Караваев Е. С. Проблемы квалификации краж чужого имущества // Материалы Международной научно-практической конференции. — Тольятти, 2021. — С. 24–26.
6. Полонкоева Ф. Я., Зангиев М. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации кражи // Заметки ученого. — 2021. — № 3–1. — С. 332–335.
7. Сверчков В. В. Уголовное право. Особенная часть [Электронный ресурс]: учеб. пособие. — М.: Юрайт, 2019. — 251 с. URL: [# https://biblioonline.ru/bcode/433494](https://biblioonline.ru/bcode/433494) # ЭБС «ЮРАЙТ» (дата обращения: 02.12.2021).
8. Чучаев А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М., 2018. — 657 с.

Право и экономика современной индустрии туризма: в поисках баланса

Кравченко Мария Анатольевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Казачкова Земфира Мухарбиевна, доктор юридических наук, профессор
 Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Статья посвящена анализу российского законодательства о туристской деятельности в контексте его стимулирующей роли, возможностей правовых средств по ускоренному развитию данной отрасли.

Ключевые слова: туризм, туристская деятельность, законодательство о туристской деятельности, правовые средства, меры государственной поддержки туристической индустрии.

Law and economics of modern industry tourism: in search of balance

Kravchenko Mariya Anatolyevna, student master's degree
 Scientific adviser: Kazachkova Zemfira Mukharbiyevna, doctor of legal sciences, professor
 All-Russian State University of Justice (Moscow)

The article is devoted to the analysis of Russian legislation on tourism activities in the context of its stimulating role, the possibilities of legal means for the accelerated development of this industry.

Keywords: tourism, tourism activities, legislation on tourism activities, legal means, measures of state support for the tourism industry.

Интерес к данной теме продиктован тем, что туризм в современной России является многоаспектным социально-экономическим и культурным феноменом.

Как показывает опыт, развитие туризма создает необходимые условия для повышения уровня мобильности и занятости населения страны, способствует стабильному эконо-

мическому росту региональных экономик, рациональному использованию объектов культурного и природного наследия. Все это вносит существенный вклад в обеспечение достойной жизни и свободного развития человека и гражданина, а также является одним из приоритетов устойчивого развития Российской Федерации как социального правового государства.

Устойчивое развитие туризма возможно лишь при надлежащем правовом регулировании с учетом экономических императивов.

В 1989 году Гагская декларация межпарламентской конференции по туризму констатировала, что парламенты должны рассмотреть все юридические правила, касающиеся туризма, с целью их объединения (при одновременном устранении существующих пробелов) во всеобъемлющее законодательство, где были бы кодифицированы национальная политика и приоритеты в области туризма [4].

Правовую основу регулирования в сфере туризма и туристской деятельности составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Конституционные основы туристской деятельности неразрывно связаны с устремлениями социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Каталог прав человека, включающий право на отдых, на свободное передвижение, выбор места пребывания, свобода выезда за пределы Российской Федерации и беспрепятственного возвращения — основа для становления и развития туристической индустрии в глобальном измерении.

Закон об основах туристской деятельности определил не только принципы государственной политики, но и раскрыл целый спектр отношений, возникающих при реализации прав участников туристских отношений [3].

Существенно и то, что в данном законе содержатся нормы, констатирующие финансовые основы туристской деятельности, которые сведены законодателем к таким параметрам, как требования к предоставляемому финансовому обеспечению ответственности туроператора; размеру финансового обеспечения ответственности туроператора; срокам действия финансового обеспечения ответственности туроператора; основанию и порядку выплаты страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора либо уплаты денежной суммы по банковской гарантии.

И все-таки концепция данного закона состояла в формировании правовых основ становления и развития туристской деятельности. В этой связи построение всей институциональной среды туризма — это использование возможностей эффективного межотраслевого регулирования туристской деятельности, опирающегося на нормы публичного и частного права. Действительно, релевантные нормы содержатся в Гражданском кодексе РФ, таможенном и административном законодательстве, в воздушном и земельном законодательстве.

Особый сегмент законодательства — нормативные правовые акты, касающиеся организации туристской деятельности.

До недавнего времени большую часть этой группы составляли нормативные акты, регулирующие лицензирование туроператорской, турагентской деятельности, а также деятельности по продаже прав на клубный отдых. В настоящее время лицензирование в сфере туризма представлено только Постановлением Правительства РФ от 3 августа 1996 г. № 916 «Об утверждении Положения о порядке предоставления и аннулирования лицензий на осуществление деятельности по обеспечению регулируемого туризма и отдыха на территориях национальных парков». Организационно-правовой сегмент включает массив норм о защите прав потребителей, о техническом регулировании; о рекламе.

Развитие туризма предполагает одновременно защиту экологических прав, туристских ресурсов.

Релевантные нормы прописаны в ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»; в ФЗ от 01 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал»; в законодательстве об охране окружающей среды.

Третью группу правовых средств образуют акты, регламентирующие вопросы безопасности туризма, например, Постановление Правительства РФ от 24 января 1998 г. № 83 «О специализированных службах по обеспечению безопасности туристов» и др.

В четвертую группу входят правовые акты, устанавливающие основы деятельности органов государственной власти в сфере туризма такие, как Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 901 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по туризму» и др.

Пятая группа — это нормативные акты, регламентирующие паспортные, визовые, таможенные, медицинские, валютные и иные правила, установленные для соблюдения туристами при пересечении границы и пребывании в стране. Например: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и др.

Индустрия туризма предполагает максимальное следование стандартам, как условию обеспечения качества предоставляемых услуг, в том числе, в контексте требований по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов, проектированию туристских услуг; общим требованиям размещения туристов.

В последние десять лет развитию данной индустрии придается особое значение. При этом на первый план выходят экономико-правовые вопросы гарантий защиты прав туристов (финансовое обеспечение ответственности туроператоров, фонды персональной ответственности туроператоров в сфере выездного туризма).

Совершенствуется механизм оказания помощи туристам, находящимся за рубежом, экстренной помощи (осуществляется объединением туроператоров в сфере выездного туризма за счет резервного фонда).

Определен комплекс мер по поддержке внутреннего и въездного туризма на уровне национальной Стратегии [8], государственных программ [7].

В условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки развитие туристического бизнеса оказалось под серьезной угрозой. Понимая, что турбизнес сам не сможет справиться с возникшими трудностями, государство ввело ряд мер поддержки для туристской деятельности [6].

В большей мере эти меры затрагивали индустрию малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей. В перечень таких мер были включены как общие меры, предусмотренные для всех отраслей, наиболее пострадавших из-за пандемии, так и специальные. В частности, речь идет о субсидиях для туроператоров на возмещение убытков, связанных с авиаперевозками (на возмещение затрат, связанных с невозвратными тарифами по авиаперевозкам, а также с организацией вывоза туристов из иностранных государств с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, выделено 3,5 млрд руб.); о доступе к фонду персональной ответственности туроператора (возможность использовать накопленные средства ФПО для возврата денежных средств туристам) и другие меры.

Кроме того, из-за длительного периода нерабочих дней для турбизнеса была предусмотрена отсрочка предоставления бухгалтерской и отраслевой отчетности и установлен порядок подачи сведений, подтверждающих обеспечение ответственности туроператора. Также была определена специфика исполнения обязательств по кредитам и займам в связи с днями, объявленными нерабочими.

Для предприятий туристической отрасли, относящихся к крупному бизнесу, предусмотрен более узкий перечень мер поддержки. Он включает возмещение расходов авиакомпаний на вывоз туристов, продление лицензий и разрешений, беспроцентные кредиты на выплату зарплат, моратории на банкрот-

ство, на налоговые санкции и на проверки, налоговые каникулы, исчисление сроков в целях применения налогового законодательства, исполнение обязательств по кредитам и займам в связи с днями, объявленными нерабочими.

Вместе с тем российское законодательство о туристской деятельности нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, приведении его в соответствии с международно-правовыми нормами, правилами и стандартами, с учетом лучших национальных традиций правового регулирования.

Так как в условиях пандемии резко актуализировался российский туризм, следует провести мониторинг российского законодательства, судебной практики для внесения предметных изменений в законодательство. Прежде всего, должны решаться вопросы, связанные с обеспечением гарантий, лежащие в области страховой деятельности.

При этом важнейшей функцией законодательства является не только выявление, формулирование и закрепление в праве воли граждан России, но и определение наиболее правильных путей и средств использования закономерностей в интересах личности, общества и государства.

В заключении следует отметить, что российское законодательство должно продолжать развиваться, а также меняться в области туристской деятельности, которая на данный момент находится под большим влиянием от нестабильной эпидемиологической ситуации в стране и мире.

Литература:

1. Писаревский Е. Л. Правовое обеспечение туризма. Москва. 2017 // https://edu.russia.travel/upload/books/2017/Pravovoe_obespechenie_turizma.pdf (дата обращения 13 февраля 2022 года)
2. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года (+ сравнительная таблица изменений). Редакция 2021 года. — Москва: Эксмо, 2021.
3. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N132-ФЗ (последняя редакция) // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=381525&dst=100001#4Z88KxSiGtTjzBUp1> (дата обращения 13 февраля 2022 года)
4. Гагская декларация по туризму // <https://docs.cntd.ru/document/901737419> (дата обращения 13 февраля 2022 года)
5. Туризм в РФ: правовое регулирование. Основные нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере туризма // <https://isfic.info/netka/lasham05.htm> (дата обращения 13 февраля 2022 года)
6. Туризм-2020 и COVID-19: туристическая отрасль в условиях пандемии и после нее // <https://www.garant.ru/article/1376805/> (дата обращения 13 февраля 2022 года)
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. N2439 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» // <http://static.government.ru/media/files/Wdbna3vXF5dFlp2SITXiAWeCr311oTmL.pdf> (дата обращения 13 февраля 2022 года)
8. Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2020 г. // Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2014 N941-р (ред. от 21.03.2019) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года».

Определение понятия «осуждённый» в российском уголовном процессе

Леонтьев Анастас Дмитриевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор анализирует несовершенство предлагаемого законодателем определения понятия «осуждённый» и предпринимает попытку сформулировать более правильную с точки зрения юридической техники дефиницию.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, процессуальный статус, осуждённый, обвиняемый, обвинительный приговор, законная сила.

Процессуальный статус осуждённого представляет собой основанный научный интерес автора по той причине, что большая часть научных публикаций посвящена правовому положению осуждённого в контексте взаимоотношений его с уголовно-исправительной системой, вопросов замены наказания, изменения места отбывания наказания, условно-досрочного освобождения и т.д. Контекст же правового положения осуждённого в рамках уголовно-процессуального законодательства в иных случаях остаётся менее исследованным, в связи с чем возникает множество нерешённых вопросов.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство подходит к определению термина «осуждённый» через призму понятия обвиняемого: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осуждённым» (ч. 2 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ, далее — УПК РФ [1]). Указанная дефиниция практически дословно была перенята из ст. 46 УПК РСФСР 1960 г. [2], которая закрепляла следующее: «обвиняемый, в отношении которого вынесен приговор, именуется осуждённым — если приговор обвинительный».

Указанный подход нельзя признать удачным. Поскольку такая дефиниция не соответствует потребностям законодательной техники. Используемая в нормативно-правовых актах терминология должна быть точной и однозначно понимаемой. [3, с. 65] Определение термина должно быть сформулировано таким образом, чтобы точно и без допущения коннотаций отразить его сущностное наполнение в достаточно абстрактной форме. [4, с. 39] Определение юридического, как и всякого иного, термина должно также отвечать требованиям логики, а именно:

1. Определение должно быть сформулировано на основе принципа взаимозаменяемого термина и определения;
2. Определение должно быть полным, то есть позволяющим при обладании знанием такого определения взять любой аспект окружающей действительности и однозначно ответить на вопрос подпадает ли этот аспект под располагаемое нами определение или нет;
3. При формулировании определения нельзя допускать замкнутого круга толкования, то есть определение не должно содержать определяемого слова или содержать термины, суть которых выражается путём использования определяемого термина;
4. Определение должно также отвечать требованию непротиворечивости, то есть не менять своего смысла при сопоставлении с иными терминами либо определениями. В контексте нормативно-правового акта это означает, что не должно возникать коллизий норм, связанных с дефинитивным содержанием используемой терминологии. [4, с. 40, 41]

Рассмотрим положения УПК РФ и проанализируем, отвечает ли дефиниция термина «осуждённый», изложенная в ч. 2 ст. 47 УПК РФ, обозначенным нами требованиям.

Основной сферой реализации прав осуждённого, предоставленных ему УПК РФ, является обжалование приговора

в апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, пересмотр уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также процедура решения вопросов, связанных с исполнением приговора. С учётом данного замечания следует обратить пристальное внимание на тот факт, что ряд правомочий, которыми наделён осуждённый через призму прав обвиняемого, являются ненужными либо нереализуемыми. В числе таковых можно назвать: возражение против обвинения (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), возражение против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 27 УПК РФ (п. 15 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) и др.

Нельзя разделить позицию авторов «Курса уголовного процесса» [5, с. 346], что осуждённый наравне с оправданным — это не более чем терминологическая разновидность единого статуса обвиняемого, но не самостоятельный статус.

Основанием возникновения фигуры осуждённого, как уже было сказано, является вынесение обвинительного приговора в отношении обвиняемого. Считаем такую формулировку нереалистичной, поскольку юридические последствия для лица, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, наступают лишь после вступления последнего в законную силу. Минимальная разницa временная разницa между фактом вынесения приговора и фактом вступления его в законную силу исчисляется 10 сутками (ч. 1 ст. 390, ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ).

Действующее правовое регулирование фактически обеспечивает легальность серьёзной коллизии: лицо *de jure* является осуждённым, то есть формально признано виновным, но, опять же *de jure*, виновным оно не является, поскольку обвинительный приговор вступает в законную силу не сразу (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 390 УПК РФ). Важно здесь также отметить и положения международных актов, а именно п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [6], который закрепляет следующее правило: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону». Все указанные положения говорят об одном — нельзя относиться к лицу как к преступнику, как к виновному до тех пор, пока юридическая процедура признания его таковым не будет завершена. Это полностью отвечает требованиям гуманизма [7, с. 259–262], поскольку предотвращает мгновенное исполнение приговора и даёт возможность лицу, обвиняемому в совершении преступления обжаловать решение суда в вышестоящую инстанцию. Особенно это актуально в случаях, когда такое обжалование приводит к отмене приговора судом вышестоящей инстанций.

Если подойти к анализу уголовно-процессуального законодательства ещё более критично, то можно сделать вывод, что действующие предписания предполагают признание лица осуждённым уже в момент подписания обвинительного приговора составом суда. Данный вывод автор основывает на следующем.

По завершении судебного следствия состав суда удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 1 ст. 295 УПК РФ). Часть 1 ст. 298 УПК РФ ещё раз подчёркивает

данное положение: «Приговор постановляется судом в совещательной комнате». После решения всех указанных в ст. 299 УПК РФ вопросов, состав суда составляет текст приговора и подписывает его, а также все имеющиеся исправления, если таковые есть, всё в той же совещательной комнате (ч. 1–3 ст. 303 УПК РФ). Совокупное толкование приведённых положений позволяет заключить, что статусом осуждённого лицо наделяется даже не в момент оглашения приговора в зале заседаний перед всеми участниками процесса, а в момент подписания текста приговора составом суда. Указанный вывод подтверждается также п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2016 № 55, который закрепляет следующее: «Датой постановления приговора следует считать день подписания приговора составом суда независимо от даты его провозглашения» [8]. Ещё раз: приговор считается вынесенным в момент подписания его текста составом суда, то есть подсудимый наделяется новым процессуальным статусом ещё до того, как услышит решение суда.

Сопоставляя проанализированные нормы уголовно-процессуального законодательства с изложенными в начале требованиями к законодательным определениям, мы приходим к выводу, что требования не соблюдены. Нормы УПК РФ укоренили опасные для правового положения обвиняемого противоречия.

Существование обозначенных коллизий в сфере действия императивных предписаний отрасли публичного права недопустимо, так как это приведёт к постоянно существующему нарушению прав лица, в отношении которого ведётся уголовное преследование [9, с. 311]. Равно недопустимо, чтобы лицо в одном случае признавалось субъектом права и имело предусмотренный законом набор прав и обязанностей, а в другом утрачивало данные характеристики [10].

При применении положений отечественного уголовно-процессуального законодательства складывается ситуация, при которой лицо уже не является обвиняемым в уголовно-процессуальном смысле, но является формально признанным виновным в совершении преступления не имеющим юридической силы документом. Правовое положение лица является неясным, во многом абстрактным.

С учётом сказанного следует признать, что лицо в промежутке между вынесением обвинительного приговора и моментом вступления этого приговора в силу скорее находится в статусе подсудимого, так как процессуальные права именно этого участника уголовного процесса наиболее подходят для решения задач по обжалованию приговора, ведь судебное разбирательство может продолжиться в суде апелляционной инстанции, следовательно, на момент вынесения приговора судом первой инстанции оно не завершено (ст. 389.13 УПК РФ предусматривает возможность исследования дополнительных доказательств, ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ предоставляет суду апелляционной инстанции возможность проверить разбирательство в суде первой инстанции в полном объёме, ст. 389.20 УПК РФ предоставляет суду апелляционной инстанции право отменить либо изменить приговор суда нижестоящей инстанции и вынести новый приговор).

Необходимость такого подхода объясняется также тем, что порядка $\frac{1}{5}$ приговоров отменяются либо изменяются в апелляционном порядке [11, с. 4], что говорит в пользу недостаточно качественной работы судов первой инстанции и рисков нарушения прав обвиняемого при использовании терминологии, предусмотренной ч. 2 ст. 47 УПК РФ.

Используя изложенную аргументацию, следует признать, что и легальная дефиниция понятия «оправданный» должна быть изменена.

С учётом изложенного, следует признать, что обвиняемый и осуждённый — не разные проявления одного процессуального статуса, а самостоятельные формы участия лица в уголовном процессе. В целях снижения уровня указанных выше противоречий предлагаем изменить редакцию ч. 2 ст. 47 УПК РФ и изложить её следующим образом: «Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым до вступления приговора суда в законную силу. Обвиняемый, в отношении которого обвинительный приговор вступил в законную силу, именуется осуждённым. Обвиняемый, в отношении которого оправдательный приговор вступил в законную силу, именуется оправданным».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (документ утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Язык закона / [Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локшина М. Д. и др.]; Под ред. А. С. Пиголкина; ВНИИ сов. гос. стр-ва и законодательства. М.: Юридическая литература, 1990. 189 с.
4. Чиннова М. В. Правила формулирования легального определения // Право и политика. 2005. № 1.
5. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
7. Снегирев Н. С. О различиях в процессуальном статусе обвиняемого и осуждённого // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 (14).
8. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
9. Фаррахов М. С. Уголовно-процессуальный аспект правового положения осуждённого // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2). Т. 2.

10. Мартынчик Е. Г. Процессуальный статус осужденного в стадии надзорного производства // Правоведение. 1984. № 4.
11. Вдовин С. А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

Проблемы определения понятия «разумные сроки судопроизводства» в гражданском и арбитражном процессе

Малов Никита Михайлович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Разумный срок судопроизводства является относительно новым институтом в российском процессуальном праве. Федеральный закон [1, Ст. 4, 5] внёс соответствующие изменения в Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс (АПК РФ) в 2010 г. За время применения правовых норм о разумных сроках в Российской Федерации сложилась определённая судебная практика, позволяющая на доктринальном уровне рассуждать об эффективности и возможностях изменения существующего законодательного регулирования сроков судебного разбирательства по гражданским и арбитражным делам. Помимо правоприменения в Российской Федерации, аналогичный опыт сокращения длительности процесса в европейских странах может быть полезен при совершенствовании российского законодательства не только в области реализации права на разумный срок судопроизводства, но в сфере деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Категория «разумный срок судопроизводства» введена в законодательство Российской Федерации во исполнение ст. 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Так, «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [2, Ст. 6], а в случае нарушения его прав и свобод каждый «имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве» [2, ст. 13]. Однако практика многолетнего рассмотрения дел, основывающаяся на неэффективности национальной судебной системы, была хорошо известна и в европейских странах. К началу XXI века Италия находилась в числе лидеров этого антирейтинга. С целью продолжения реформирования судебной системы, устранения загруженности судов и ликвидации практики затянутых на 5–8 лет судебных разбирательств в стране был принят закон № 89 от 24.03.2001 г., известный как «закон Пинто», закрепивший критерии оценки разумности сроков судопроизводства:

1. Сложность дела;
2. Ответственность властей за превышение разумности срока.

Здесь причины затягивания процесса дифференцированы: проведено разделение между обстоятельствами дела и деятель-

ностью государства в лице его представителей в процессе судебного разбирательства. Однако критерии можно формулировать в законе и без указания конкретных сроков. Достижением итальянских законодателей можно считать установление конкретных сроков судопроизводства как разумных. Это произошло в 2012 г. и стало закреплением сложившейся практики национальных судов с учётом правовых позиций Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Согласно ст. 2 п. 2-bis Закона Пинто, разумным считается срок рассмотрения дела в первой инстанции, не превышающий трёх лет, во второй — двух. Разумный срок принудительного исполнения судебного решения не должен превышать трёх лет, для конкурсных процедур — шести [7]. Однако продолжительность судебной реформы в Италии (которая началась в 1995 г.) и длительное формирование необходимой практики перед закреплением конкретных положений о сроках вызывают обоснованные сомнения в способности судов коренным образом изменить свою деятельность и привести реальные сроки рассмотрения и исполнения дел к стандартам разумности, определённым в законе. В процессе изучения итальянской судебной практики обнаруживается, что «средняя продолжительность гражданского судопроизводства с момента подачи жалобы в суд до исчерпания всех возможных апелляций составляет семь лет и один месяц в северных регионах страны и девять лет и семь месяцев — в южных» [8, с. 22]. Данные соответствуют 2010 г., периоду, когда положения о разумных сроках уже были сформулированы в судебной практике ЕСПЧ и Италии и были готовы к законодательному закреплению. Ситуация в Италии кажется иллюстрацией необходимости конкретизации разумных сроков судопроизводства: длительное понимание неадекватности существующих сроков судебного разбирательства из-за фундаментальных проблем судебной системы, правовые позиции ЕСПЧ по данному вопросу, а также национальная судебная практика не могут в полной мере заменить положения закона, которое подлежит применению в суде. Однако без решения существующих проблем всей судебной системы (в т.ч. и путём поощрений за добросовестную деятельность в разумные сроки судей и иных работников в сфере судебной власти) определение только разумных сроков судопроизводства (как дополнения к процессуальному закону) вызовет лишь лавину обращений за компенсациями лиц, чьи права в соответствии с внесённым в законодательство изменением были нарушены,

ведь вся система по-прежнему неэффективна, а новые обращения (пусть и полностью обоснованные, подлежащие удовлетворению) создают дополнительную нагрузку на уже перегруженные суды.

Поэтому введение понятия «разумный срок судопроизводства» в российское законодательство невозможен без решения ряда проблем, некоторые из которых носят комплексный характер, т.к. затрагивают принципы процессуального права, тем самым вызывая необходимость изменения закона не только в пределах одного института разумных сроков. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим следующие затруднения, препятствующие немедленной конкретизации вышеназванных сроков:

1. Принципы процессуального права, на которых основывается определение срока судопроизводства как разумного, непосредственно не закреплены в законе, определяются косвенно либо из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации;

2. Определение понятия «разумный срок судопроизводства» затруднено в силу природы возникающих между судом и сторонами правоотношений.

3. Потенциальное закрепление в процессуальных кодексах конкретных сроков в качестве «разумных» способно существенно ограничить судебское усмотрение в рамках разрешения конкретного спора.

Принципы права представляют собой базовые положения, идеи, на которых основываются нормы права. В кодексах, регулирующих правоотношения в ходе судебного процесса, принципы права обычно упоминаются в качестве отдельных норм, отражающих основы правового регулирования конкретной отрасли процессуального права. Существенным недостатком российского законодательства является недостаточное отражение принципов процессуального права. Суды могут основываться на некоторых базовых идеях, упоминать их в текстах постановлений, однако непосредственное закрепление таких принципов отсутствует в тексте закона.

Ст. 10 ГК РФ предполагает распространение принципа добросовестности на всех участников гражданских правоотношений. В гражданском или арбитражном процессуальном праве реализация данного принципа во многом зависит от позиции и поведения лиц, участвующих в деле, чьи права и обязанности закреплены в ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ соответственно. Активная реализация прав и исполнение установленных законом обязанностей (предоставление всех доказательств, обеспечение явки, соблюдение обязательного претензионного порядка и т.п.) позволяют суду наиболее полно раскрыть обстоятельства дела и вынести решение по существу заявленных требований. К сожалению, случаи отсутствия у стороны необходимых материалов, неявки в суд при надлежащем извещении, намеренного затягивания процесса являются причиной возникновения проблемы несоблюдения разумных сроков судопроизводства. Следует добавить, что текущее регулирование в области санкций для участвующих в деле лиц недостаточно для массового пресечения недобросовестного поведения, а сам принцип добросовестности в ГПК РФ сформулирован нечётко.

Принцип разумности закреплён в ст. 107 ГПК РФ применительно к назначаемым судом срокам. Однако положения ука-

занной статьи не раскрывают ни сущности, ни содержания, ни даже сферы применения принципа разумности. Даже классифицировать указанный принцип права непросто. Например, Е.Е. Богданова в своей работе «Принципы добросовестности, справедливости и разумности как основные начала гражданского законодательства» определяет его в качестве принципа гражданского права. Но при этом принцип разумности может быть применим при оценке судом периода судопроизводства как «разумного» срока, при определении размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, как и при оценке доказательств в ходе судебного разбирательства. Наконец, принцип разумности можно считать общеправовым или межотраслевым. Тем не менее, вопрос о классификации этого принципа права носит теоретический характер. Для суда и заинтересованных лиц большее значение имеет конкретизация указанного принципа в законодательстве. Помимо понятия законодателю необходимо указать сферу применения принципа разумности, т.к. оно де-юре ограничено сроками, назначаемыми судом.

Принцип процессуальной экономии также регулируется косвенно. Он заключается в использовании судами наиболее оптимальных средств с целью скорейшего разрешения дела по существу. Тем самым удаётся избежать неоправданного использования времени, кадров или денежных средств. Эта правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ: «Разрешение судом дел без проведения слушания позволяет оптимизировать сроки их рассмотрения. По смыслу правовых позиций, изложенных Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 5 февраля 2007 года N2-П и от 19 марта 2010 года N7-П, устанавливаемые федеральным законодателем институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов; игнорирование же федеральным законодателем принципа процессуальной экономии влечет неоправданное и лишённое смысла использование временных, финансовых и кадровых ресурсов государства для рассмотрения дела; при этом законодательная реализация данного принципа имеет значение не столько с точки зрения рационального расходования публичных ресурсов, которое само по себе не могло бы являться достаточным конституционно-правовым основанием для отступления от традиционного порядка судопроизводства, сколько с точки зрения создания условий для скорейшего предоставления лицам, участвующим в деле, судебной защиты, своевременность осуществления которой, учитывая характер поставленного перед судом вопроса, может оказаться не менее значимой, чем сама возможность ее получения» [3]. В связи с этим применение принципа процессуальной экономии с целями недопущения затягивания процесса и неразумного распоряжения временными ресурсами и ресурсами суда возможно обосновать, опираясь на разъяснение органа конституционного судопроизводства. Однако приведённая позиция направлена прежде всего на законодателя, указывая на проблемы и затраты, которых можно

избегать, сформулировав принцип процессуальной эффективности/экономии в законодательстве Российской Федерации.

Помимо недостаточного отражения в текущем законодательстве принципов права, на которых основывается категория «разумный срок судопроизводства», сущность и содержание этого права носят оценочный характер, что затрудняет его эффективную реализацию. Предполагается, что любое лицо, обращающееся в суд для защиты своих прав, может заявить о нарушении права на разумный срок судопроизводства, ведь эти сроки не определены в законодательстве. Не проясняют ситуацию и разъяснения органов, имеющих право толковать отдельные положения закона. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает [4], что присуждение компенсации является специальным способом защиты права на судопроизводство в разумный срок, которое является частью конституционного права на судебную защиту. Поэтому содержание указанного права формируется в теории гражданского или арбитражного процесса. Оно состоит из нескольких элементов:

1. право на подачу заявления об ускорении судебного разбирательства;
2. правовая категория «разумный срок судопроизводства»;
3. оценка судом продолжительности разбирательства по делу исходя из принципа разумности при решении вопроса о наличии у заявителя права на компенсацию.

Итак, в случае необходимости закрепления в законодательстве понятия «разумный срок судопроизводства» необходимо сформулировать определение именно сроков, а не права. Любая дефиниция права на судопроизводство в разумные сроки будет предполагать соответствие определённых сроков принципу разумности. При этом существует множество различных подходов к трактовке понятия разумных сроков.

Одним из них является определение разумного срока судопроизводства как элемента права на законное и справедливое судебное разбирательство, соответствующего ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако без конкретизации разумного срока как периода введение в законодательство подобных норм-дефиниций будет нецелесообразным. Конечно, такой подход является отчасти верным, ведь правовая категория «разумный срок» в качестве элемента права на судебную защиту является неотъемлемой частью справедливого судебного разбирательства, соответствующего принципу законности. А. В. Белякова считает разумный срок судопроизводства элементом конституционной гарантии права на судебную защиту, определяющим наличие оснований для получения компенсации заинтересованным лицом, если его право на разумный срок рассмотрения и разрешения дела было нарушено с момента принятия искового заявления к производству до момента вынесения судебного акта по существу последней инстанцией. Но, как отмечает автор, «разумный срок судопроизводства» как базовое понятие правового института защиты права на судопроизводство в разумный срок нуждается в дальнейшей конкретизации и законодательном закреплении [8, с. 87].

Некоторые исследователи считают, что понятие разумного срока судопроизводства, несмотря на широкое использование одноимённой правовой категории в законодательстве Россий-

ской Федерации, не может быть однозначно определено [9, с. 119] в силу различных условий, связанных с обстоятельствами конкретных дел, поведением конкретных лиц, мировоззрением конкретных судей. Так, например, при рассмотрении заявления о компенсации одному судье разумные сроки представляются очевидно нарушенными, другому — нет. Разнообразие обстоятельств дел и лиц, участвующих в рассмотрении и разрешении споров в суде настолько велико, что оценочный характер права на судопроизводство в разумный срок не позволяет дать единое конкретное определение этого срока, т.к. он всегда определяется индивидуально.

Другие авторы, не называя конкретных периодов времени (в месяцах/годах) определяют разумный срок судопроизводства как период, связанный с рассмотрением дела и исполнением по нему судебного решения. Например, И. Н. Поляков определяет его как «логически обоснованный и не противоречащий букве и смыслу процессуального закона период времени, в течение которого суд обязан рассмотреть гражданское, арбитражное или уголовное дело по существу, а компетентные органы — обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта» [6, с. 33]. Несколько отличается подход В. В. Яркова, в соответствии с которым «под разумным сроком судопроизводства следует понимать такой срок, который гарантирует реальную защиту прав и свобод заинтересованных субъектов» [5, с. 42]. Следует также обратить внимание на важность унификации понятия «разумный срок» не только в гражданском и арбитражном, но и в административном процессе. Соответствующие определения не должны иметь отличий в текстах статей ГПК РФ, АПК РФ или КАС РФ.

Говоря о «разумных» сроках судопроизводства, необходимо помнить, что они существенно отличаются от сроков, установленных процессуальным законодательством Российской Федерации в качестве предельных для рассмотрения дела в суде определённой инстанции. Здесь имеет место проблема чрезмерной длительности судопроизводства. Данная категория носит ещё более оценочный характер, чем разумный срок, не закреплена в законодательстве Российской Федерации, практически отсутствует в доктрине процессуального права. Временные промежутки при затяжном судопроизводстве оцениваются сторонами и судом как чрезмерно длительные по собственному усмотрению. При этом чрезмерная длительность судопроизводства может быть оценена заинтересованным в получении компенсации лицом как гарантия для вынесения положительного решения по соответствующему заявлению. Но при этом практика рассмотрения заявлений по делам, рассматриваемым в сроки, превышающие предельные, свидетельствует о том, что право заявителей на разумный срок судопроизводства не будет являться нарушенным в связи с чрезмерной длительностью судопроизводства, даже если обстоятельства разрешения спора позволяют сделать вывод о превышении сроков, установленных законом. Каждый случай выхода судебного разбирательства за рамки своевременного рассмотрения безусловно способствует подрыву авторитета судебной власти, нарушает право лиц на судебную защиту и формирует недоверие к суду. Однако механизм защиты права на судопроизводство в разумный срок без конкретного определения данного срока

способствует лишь увеличению нагрузки на суды Российской Федерации путём поступления заявлений о присуждении компенсаций в дополнение к уже поступившим и рассматриваемым делам по иному предмету. При этом сами заявители часто не добиваются удовлетворения заявленных требований: без определения в законе фактического периода разумного срока (как и неразумного) основание подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение права заявителя на судопроизводство в разумный срок не будет обоснованным в силу отсутствия закона, определяющего границу между сроками.

В данный момент на основании ст. 6.1 ГПК РФ разумный срок судопроизводства определяется с учётом различных критериев. Судейское усмотрение имеет особое значение в правоприменении, связанном с рассмотрением заявлений о присуждении компенсаций за нарушение разумных сроков судопроизводства. Внутреннее убеждение судьи, основанное на практике рассмотрения им и иными судьями аналогичных заявлений, реализуется при определении разумного срока судопроизводства по конкретному делу. Критерии оценки разумности сроков зависят от конкретных судей, т.к. их применение в силу отсутствия соответствующего законодательного регулирования зависит от внутреннего убеждения. Оно необходимо для наиболее полной оценки материалов дела и поведения заинтересованных лиц, но при определении нарушения права на разумный срок судопроизводства целесообразна формализация правового института компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок: критерии, установленные ГПК РФ (правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, общая продолжительность судопроизводства по делу) должны подлежать конкретизации, как и их применение в целом или части. Несмотря на важность судейского усмотрения, количество оценочных категорий и незакреплённых в законе понятий применительно к институтам разумных сроков судопроизводства и компенсаций за нарушение соответствующего права представляется излишним.

Указанные выше проблемы отражают необходимость изменения законодательного регулирования, связанного с разумными сроками, смежными правовыми институтами и кате-

гориями, а также с принципами права. Основным понятием в этой сфере необходимо сделать разумный срок судопроизводства. Представляется возможным также закрепить конкретный период, признаваемый разумным при рассмотрении гражданского или арбитражного дела. При этом понятие разумного срока, если оно не отражает конкретный отрезок времени, исчисляемый месяцами или годами, следует ввести и в КАС РФ в рамках унификации отечественного законодательства. Какие бы сроки не были в будущем установлены в качестве разумных, введение в процессуальное право периодов времени, признаваемых разумными сроками, должно основываться как на практике ЕСПЧ, так и на статистике, определяющей среднюю продолжительность рассмотрения дел в российских судах. Это позволит избежать многочисленных нарушений в ходе рассмотрения дел по существу ради максимально быстрого вынесения решения во временных рамках, установленных законом. Законность рассмотрения и разрешения дела не должна основываться исключительно на длительности принятия решения.

Таким образом, потенциальное установление конкретных сроков судопроизводства в качестве разумных вызовет необходимость изменения текущего регулирования во многих институтах процессуального права. Однако формализация этого правового института позволит уменьшить количество оценочных категорий при рассмотрении многочисленных заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Так, длительность подготовки дела, принятия иска, самого судебного разбирательства всегда может вызвать у стороны желание защитить своё нарушенное право и обратиться с заявлением о компенсации в связи с нарушением права на судопроизводство в разумный срок, что ещё больше затруднит деятельность судов, т.к. независимо от того, является ли конкретное заявление сутяжническим по характеру, нагрузка на судей и аппараты в связи с необходимостью рассмотрения заявления возрастёт. На основании изложенного в настоящей статье можно сделать вывод о том, что закрепление в законодательстве разумного срока судопроизводства как фактического периода способно существенно облегчить работу судей и помочь лицам, чьё право было нарушено, с большей вероятностью добиться компенсации за допущенные в ходе рассмотрения дела нарушения.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона» О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 69-ФЗ
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N005 (Рим, 4 ноября 1950 г.)
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 N29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», — Российская газета. — 2016. — № 72.
5. Административное судопроизводство: учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр); / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова М.: Статут, 2016.

6. Поляков И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. — 2011. № 4.
7. <https://www.altalex.com/documents/news/2013/10/25/legge-pinto-durata-ragionevole-del-processo-ed-equa-riparazione#art2>
8. Белякова А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.15 Москва, 2018.
9. Успенский Ю. В. Гражданско-правовые аспекты компенсации за нарушение права на судопроизводство или права на исполнение судебного акта в разумный срок: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03 Москва, 2010.

Особенности приносящей доход деятельности некоммерческих организаций

Маркарян Ольга Ованесовна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Действующее законодательство определяет некоммерческую организацию как организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками [5, с. 176]. Тем не менее, практика последних лет показывает, что некоммерческие организации всё активнее ведут деятельность, направленную на получение дохода. Конечно, приносящая доход деятельность некоммерческих организаций отличается от этой же деятельности коммерческих.

Нужно понимать, что существовать совсем без экономической деятельности некоммерческая организация не может: как и коммерческим организациям, НКО необходимо выплачивать заработную плату сотрудникам, оплачивать аренду помещения и финансировать свои проекты. Но такие связанные с деятельностью расходы не стоит равнять с целенаправленным распределением прибыли, осуществляемым коммерческими организациями.

Важным в этом контексте всё ещё остаётся вопрос: можно применять к деятельности некоммерческих организаций понятие «предпринимательская»?

Стоит отметить, что в Гражданском кодексе понятие «предпринимательская деятельность» [1] в отношении некоммерческих организаций не применяется, вместо него установлено понятие «деятельность, приносящая доход». В тоже время Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [2] устанавливает, что некоммерческая организация вправе осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность. Как на это противоречие смотрит Минюст? Можно обратиться к его позиции, представленной в Модельном уставе НКО (этот документ можно рассматривать как разъяснения об основных положениях устава некоммерческих организаций). В редакции этого документа от 11 июня 2020 года указано, что ГК РФ не содержит прямого запрета на осуществление НКО предпринимательской деятельности, а также что термин «приносящая доход деятельность» — общее родовое понятие, которое включает две категории: предпринимательская деятельность и иная приносящая доход деятельность (не предпринимательская). Такое различие делается для того, чтобы подчеркнуть основную особенность предпринимательской деятельности некоммерческих организаций — направленность такой деятельности на осуществление уставных целей (так как

под приносящей доход деятельностью понимается такая деятельность, доход от которой направляется на цели создания организации и не распределяется между учредителями) [3, с. 12].

То есть, можно сделать вывод о том, что ставить знак равенства между «предпринимательской деятельностью» и «деятельностью, приносящей доход» не стоит. Понятие «приносящая доход деятельность» шире, на это указывает и Минюст. Подтверждение этого утверждения можно найти и в Федеральном законе «О некоммерческих организациях». П. 2 ст. 24 ФЗ об НКО определяет виды предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, которые могут осуществлять НКО: приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика. Можно обратить внимание на то, что законодатель в этом пункте характеризует предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, как бы подчёркивая, что предпринимательская деятельность — один из видов деятельности, приносящей доход.

При этом можно отметить, что ни один нормативный акт чётко не регулирует понятие «осуществление предпринимательской и иной приносящей доход деятельности для достижения целей, ради которых созданы некоммерческие организации». В связи с этим можно столкнуться с расширительным толкованием этой нормы.

Существует точка зрения, согласно которой понятия «иная приносящая доход деятельность» и «предпринимательская деятельность» соотносятся между собой как родовое и видовое понятия [8]. Ю. В. Гросул считает, что под термином «деятельность, приносящая доход» стоит понимать именно предпринимательскую деятельность некоммерческих организаций [7].

Исходя из всего вышесказанного можно выделить несколько отличий между деятельностью, приносящей доход, и предпринимательской деятельностью.

Если некоммерческая организация планирует вести приносящую доход деятельность, то нужно помнить, что такая деятельность должна быть предусмотрена уставом и должна соответствовать целям создания некоммерческой организации. При

этом в уставе должно быть чётко сформулированы цели и задачи деятельности некоммерческой организации. В противном случае такой устав НКО могут признать не соответствующим законодательству. Например, решение Верховного Суда РФ от 01.12.2016 N АКПИ16–1265 [4] признаёт не соответствующими закону уставы НКО, содержащие указание на возможность занятия такими организациями предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью без конкретизации её видов.

Также существует судебная практика, устанавливающая, что использование вырученных от приносящей доход деятельности средств в соответствии с уставными целями и задачами некоммерческой организации недостаточно. Важно, что бы предпринимательская деятельность служила достижению уставных целей (Решение Верховного суда от 12 июля 2017 по делу № АКПИ17–525, «Минюст России против Международной конфедерации художников») [9].

Предпринимательская же деятельность имеет ряд дополнительных требований: такая деятельность требует ведение раздельного учета доходов и расходов; доходы от предпринимательской деятельности не могут быть распределены между учредителями (участниками организации), и предпринимательская деятельность не может быть основной деятельностью организации.

Но стоит отметить, что различия между приносящей доход деятельностью и предпринимательской деятельностью на данный момент неочевидны и требуют дополнительной разработки и более чёткого разграничения [6].

Некоторые учёные-цивилисты даже считают, что ведение некоммерческими организациями предпринимательской деятельности затрудняет понимание целей деятельности таких организаций из-за недостаточной определённости рамок такой деятельности именно для НКО.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021);
2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N7-ФЗ;
3. Модельный Устав НКО — Текст: электронный: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7733/#tdownloadblock>;
4. Решение Верховного Суда РФ от 01.12.2016 по делу N АКПИ16–1265: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01122016-po-delu-n-akpi16-1265/>;
5. Попова Н. Ф. Правовое регулирование экономической деятельности: учебник для вузов / Н. Ф. Попова; под редакцией М. А. Лапиной. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 305 с. — (Высшее образование). — ISBN978–5–534–15047–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 176 — URL: <https://urait.ru/bcode/490593/p.176> (дата обращения: 24.02.2022);
6. Дерюгина Т. В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-3-12-17>;
7. Гросул Ю. В. О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. N3. С. 16–18;
8. Тарасенко О. А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций — Текст: электронный // <http://juridcons.com/>;
9. Воробьев К. Коммерческая деятельность НКО: о чём стоит помнить и как не совершить ошибки — Текст: электронный // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности».

Проблемы применения мер административного пресечения в рамках деятельности сотрудников полиции

Маркина Полина Викторовна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Актуальность исследования мер административного пресечения, применяемых сотрудниками полиции обусловлена тем, что область применения таких мер в настоящее время значительно расширена. Отечественное законодательство, лежащее в основе правового регулирования общественных отношений по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности, в своем комплексе затрагивающее меры административного пресечения, интенсивнее обновляется. При этом стремительное изменение законов порождает множество противоречий: нормы одних законов не соответствуют положениям других, отдельные правовые нормы зачастую неоднозначны и неконкретны, имеются факты разработки применения множества подзаконных ведомственных актов. Такое положение дел приводит к затруднению в правоприменении.

Это свидетельствует о том, что в России особенности применения мер административного пресечения сотрудниками полиции недостаточно проработаны и требуют детального научного исследования.

Ключевые слова: пресечение, государственное принуждение, меры административного пресечения, сотрудники полиции, правоохранительные органы, проблемы применения

Правовая регламентация мер административного пресечения носит проблемный характер в связи с тем, что отсутствует единство взглядов исследователей на их природу. Теоретическое обоснование сущности и содержания мер административного пресечения, форм и границ их применения не отражается в современной административно-правовой науке. Наиболее оживленные дискуссии среди исследователей вызывают споры о природе мер административного пресечения и их отличия от иных принудительных мер [6, с. 35].

Совершенствование вопросов правового регулирования и применения сотрудниками полиции мер административного пресечения и решение имеющихся проблем является очень значимым, поскольку данные меры направлены, с одной стороны, на защиту прав и свобод граждан и организаций, а с другой стороны эти меры ограничивают права и свободы физических и юридических лиц.

Существенным в вопросе рассмотрения мер административного пресечения является то обстоятельство, что в настоящее время отмечается множество проблем правового и организационного характера, которые связаны с осуществлением сотрудниками полиции некоторых отдельных мер административного пресечения, таких как административное задержание, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в соответствии с Федеральным Законом «О полиции» [2] и др.

Острой проблемой в правовой регламентации применения мер административного пресечения является проблема отсутствия научно-обоснованного перечня мер административного пресечения, которые применяются сотрудниками полиции, что приводит к негативному опыту правоприменения.

Отсутствие системности в положениях закона о мерах административного пресечения отрицательно влияет на правоприменительную практику, поскольку негативно сказывается на верном понимании и толковании сотрудниками полиции реальных целей рассматриваемых мер, что, в частности, приводит к ошибкам при применении ими усмотрения.

Существенное влияние на возрастание административного усмотрения при применении сотрудниками полиции мер административного пресечения оказывает отсутствие достаточной четкости и конкретности формулировок в правовых нормах, а также наличие в конструкции правовых норм оценочных понятий.

При рассмотрении правоприменительной практики, а также научных исследований и мнений экспертов, можно прийти к выводу, что при применении мер административного пресечения в различных случаях, возможности права ограничены, правоприменители могут различным образом толковать правовые нормы, которые обладают сложной конструкцией и взаимосвязью [8, с. 12; 5, с. 32].

Эти факторы оказывают существенное воздействие на проявление усмотрения при применении мер административного

пресечения сотрудниками полиции. Кроме того, сотрудник полиции, принимая решение о применении мер административного пресечения, обладает гораздо меньшим временем для сбора сведений о совершенном правонарушении, их анализа и оценки, по сравнению с другими государственными органами. Всё это на практике зачастую приводит к применению мер административного пресечения в отношении не виновных лиц. Критика по вопросу несоразмерности, непропорциональности мер пресечения, применяемых сотрудниками полиции, вполне справедлива.

Важнейшая проблема при применении мер административного пресечения сотрудниками полиции связана с обеспечением законности. Необходимо отметить, что принцип законности является основополагающим принципом в решении вопроса о применении мер административного пресечения в деятельности полиции. Эта концепция лежит в основе определения и регулирования процессуальных действий сотрудника полиции, позволяющих реализовать применение той или иной меры административного пресечения [4, с. 142].

Соблюдение законности при применении мер административного пресечения позволит избежать ситуаций, когда сотрудник полиции при применении той или иной конкретной меры действует неправомерно и нецелесообразно. Кроме того, соблюдение законности является основой административно-правового механизма, способствующего реализовать меры административного пресечения правомерно.

Сотрудник полиции, не допуская нарушения предписания, избирает меру административного пресечения, которая в сложившихся обстоятельствах является наиболее оптимальной и способствует достижению наибольшего эффекта в конкретной ситуации [7, с. 80].

Для того чтобы воздействие на физическое лицо с помощью меры административного пресечения было адекватным, а применение конкретной меры принесло максимальный эффект с наименьшими затратами, сотрудник полиции должен выполнять определенные процессуальные требования, а также соблюдать запреты и ограничения, которые, в частности, связаны с применением специальных мер административного пресечения.

При выборе меры административного пресечения в конкретной ситуации сотрудник полиции зачастую сталкиваются с проблемой, поскольку закон не содержит четкие критерии применения той или иной меры. При этом, известно, что неоправданное и необоснованное применение сотрудниками полиции специальных средств или, что еще хуже, огнестрельного оружия в отношении невиновных лиц приводит к возникновению в обществе большого резонанса [3, с. 351].

В отличие от административного наказания при применении мер административного пресечения не всегда можно проследить четкую взаимосвязь между конкретным правона-

рушением, закрепленным в КоАП РФ [1] и меры административного пресечения, которая может применяться при совершении данного правонарушения. Происходит это потому, что выбор мер административного пресечения зависит не только от совершенного правонарушения, от характера и степени общественной опасности, но и от того, какое сопротивление оказывает нарушитель при попытке пересечь его действия сотрудником полиции.

Положения Закона «О полиции», которые регулируют основания и порядок применения сотрудниками полиции мер административного пресечения [2], содержат неконкретные формулировки, отличаются абсолютной неопределенностью и носят оценочный характер.

Возникновение проблемы обеспечения законности при применении мер административного пресечения сотрудниками полиции связано, в первую очередь, с нарушением логики права в нормативных правовых актах, неточностью в понятиях и формулировках, неопределенностью терминов. Очень долго после принятия КоАП РФ некоторые меры административного пресечения не применялись на практике, поскольку Правительством РФ не принимались соответствующие нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок и условия их применения.

Выполняя правоохранительную задачу, сотрудник полиции в своей непосредственной деятельности применяют только те средства и способы принудительного прекращения противоправных ситуаций, которые законодательно закреплены. Однако на практике зачастую возникают ситуации, когда сотрудник полиции превышает свои полномочия и применяет меры пресечения незаконно и необоснованно, не приводят к дальнейшему наказанию сотрудника полиции. Очень часто жалобы на применение силы правоохранителями остаются без ответа. А иски о возмещении вреда, причиненного сотрудниками полиции при применении мер административного пресечения, не удовлетворяются судами.

Соблюдение законности при применении мер административного пресечения предполагает строгое соблюдение пра-

вовой процедуры их применения, в основе которой лежит незыблемое соблюдение конституционных прав и свобод человека.

Меры, ограничивающие права и свободы человека, могут применяться исключительно в случаях, определенных законом в строгом соответствии с конституционными положениями.

Все меры административного принуждения, в том числе и меры административного пресечения, которые сотрудники полиции применяют в своей деятельности регламентированы КоАП РФ, другими кодексами РФ или федеральными законами.

Если есть основания для применения меры административного пресечения и данная мера применяется в соответствии с требованиями процессуального характера, установленными законом, то применение этой меры считается законным. При принятии решения о применении той или иной меры административного пресечения сотрудник полиции должен оценить все обстоятельства, ответить на вопрос о необходимости и целесообразности применения той или иной меры, тогда его действия будут законными.

Таким образом, в настоящее время отмечается множество проблем правового и организационного характера, которые связаны с осуществлением сотрудниками полиции некоторых отдельных мер административного пресечения, таких как административное задержание, административное доставление, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в соответствии с Федеральным законом «О полиции» и др. При рассмотрении правоприменительной практики, а также научных исследований и мнений экспертов, можно прийти к выводу, что важнейшей и актуальной проблемой применения мер административного пресечения является административное усмотрение. Важнейшая проблема при применении мер административного пресечения сотрудниками полиции связана с обеспечением законности. При принятии решения о применении той или иной меры административного пресечения сотрудник полиции должен оценить все обстоятельства, ответить на вопрос о необходимости и целесообразности применения той или иной меры, тогда его действия будут законными.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 07.02.2011 N3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Адмиралова И. А., Кареева-Попелковская К. А. Меры административного пресечения и механизм их реализации полицией в целях обеспечения прав и свобод граждан // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 4. — С. 351–359.
4. Богданов Р., Тюрин В. Проблемы обеспечения законности при применении мер административного пресечения // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. — 2016. — № 93. — С. 142–157.
5. Гирвиц А. В. Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. — 2014. — № 4 (25). — С. 32–35.
6. Кареева-Попелковская К. А., Костенников М. В., Куракин А. В. Административное пресечение в деятельности полиции: монография. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. — 161 с.
7. Подготовка сотрудников полиции к несению службы по охране общественного порядка в особых условиях: учебное пособие / сост. Д. В. Ковалев, В. Ю. Егоров, А. В. Желтобрюх, А. А. Сошин, П. М. Фидель. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. — 124 с.
8. Шарнина Л. А. Понятие усмотрения (дискреции) в праве. Отличия усмотрения органов власти от усмотрения граждан и юридических лиц // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 8. — С. 12–15.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 8 (403) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 09.03.2022. Дата выхода в свет: 16.03.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.